

ДЕТИ
ПАЛШЕР
ЛУНЫ

КРОВЬ

НА КРЕПОСТНЫХ СТЕНАХ

Денис Давыдов

Могучая империя пала, захлебнувшись в междоусобных распрях. Те, кто бежал от войны, нашли свой приют в старой крепости, закрывавшей единственный путь на континент. Теперь им предстоит встретиться с новым врагом - могучей армией вторжения. У защитников есть только один выбор - стоять насмерть и дать возможность своим семьям уйти как можно дальше. Единственная надежда - остатки императорской гвардии - Дети Луны, каждый из воинов которой обладает уникальными способностями.

Весь континент с севера на юг пересекали великие Ахшанские горы, которые делили его на две части. Люди давно оставили попытки обуздать водную стихию. Когда-то давно отчаянные смельчаки решались выходить на лодках в океан, но всех их ждал один конец — быстрая смерть в желудках морских драконов, поэтому о судоходстве никто давно уже не помышлял. Проникнуть с запада на восток и обратно можно было только через единственный перевал, зажатый с двух сторон ущельем с отвесными скалами. Когда-то здесь находился могучий форпост Динарской империи — город-крепость Лорель, проникнуть за стены которого врагам так и не удалось. Именно это укрепление встречало всех непрошенных гостей и останавливало их на границе. Несколько раз могучие стены пытались осаждать, но все эти попытки не принесли успеха ордам, нападавшим с Запада. Те славные времена уже давно покрылись толстым слоем песка. От могущества империи остались только раздробленные осколки, каждый из которых стал вотчиной бывших вассалов императора. Потерял своё величие и этот пограничный город. Отныне эти земли принадлежали Союзу Двух баронов, а им особого дела до политики и экономики не было. Они празднично проводили своё время в охоте, приграничных стычках с соседями и любви — трех основах существования рыцарей высокого происхождения. Господа собирали со своих подданных дань и не утруждали себя лишними заботами, а оборона границ, безусловно, была делом хлопотным. Во времена последней Великой войны, когда император Витор отстаивал неприкосновенность своих земель в кровопролитных боях, возле Лорель произошло грандиозное сражение. Крепостные стены до сих пор хранят рубцы и шрамы на каменной кладке. Часть укреплений и башен была разрушена, но восстанавливать их никто не собирался. Звон мечей былых сражений давно утих, а новую опасность ждали скорее из внутренних восточных пределов, нежели с Запада. Поэтому с течением времени стратегическое значение города сошло на нет. Теперь здесь не было грозного гарнизона как раньше, равно как и самой империи, которую после исчезновения Витора, в виду отсутствия наследников, растащили на части знатные особы. Некогда могучее государство теперь напоминало лоскутное одеяло — у каждой провинции был свой король или королева. Время смуты обескровило многих людей, заставляя искать лучшей жизни. Лорель обжили разные люди: умные и глупые, честные и коварные — все те, кому не нашлось места в других городах некогда могучей страны.

Бароны, получив под носом такое спонтанное поселение, сначала насторожились, но потом поняли, что боги сами решили за них вопрос охраны границ. Они заключили договор с жителями пограничной крепости, которые должны были охранять вход вглубь материка и не покидать пределов своей крепости, за что хозяева этих земель позволяли людям жить в городе, формально принадлежавшем им, и пользоваться земельными наделами. Главным в Лорель бароны пытались назначить своего человека, но местный люд на это не согласился, они сами выбрали себе предводителя. Им стал капитан Каракка. Этот смуглый седовласый воин пользовался у народа большим уважением. Он повидал на своём веку много сражений, о чём свидетельствовали многочисленные шрамы и бордовая повязка, прикрывавшая повреждённый стрелой глаз. Когда-то капитан служил в личной гвардии императора, но после его скоростного ухода и последовавшей за ним междоусобной войной стал наёмником, бродя по стране и предлагая свои услуги тем, кто мог за них хорошенько

заплатить. Сейчас граница принадлежала именно этим людям, бежавшим от бед из разных частей бывшей империи. Они дошли до той черты, которую нельзя было переступить, и им не оставалось ничего другого, кроме как обосноваться в этом месте. По ту сторону стены находились владения тех, с кем их предки воевали ещё с незапамятных времен.

Глава 1. Посыльный

Для начала осени стояла по-настоящему летняя погода. Солнце сегодня пекло сильнее, чем обычно. Несмотря на вечернее время оно жарило, проникая в каждую частичку тела, хотя, возможно, так просто казалось разгорячённому бегом Нилусу. Парень перешёл на быстрый шаг, восстанавливая дыхание и давая мышцам немного отдохнуть. Лёгкие горели, словно их заполнили расплавленным свинцом, но юноша знал, что совсем скоро они вновь будут готовы к усиленной работе. Нилус умел и любил бегать. Свой талант он искренне считал божьим даром. Будучи ещё совсем маленьким, когда в свободное от помощи родителям время дети посёлка играли, Нил всегда выигрывал в забегах наперегонки. А вот скрываться он не умел и не любил, поэтому во время игры в прятки отсутствие у себя этого таланта он компенсировал скоростью и всегда обгонял водящего. Ноги несли его вперёд сами, выбирая кратчайшие и удобные пути. За свою недолгую жизнь, проводимую в постоянном движении, Нил изучил досконально все тропинки, броды и топи в округе. Парень с малых лет служил посыльным, поэтому родную местность знал так же хорошо, как своё небольшое жилище. Пожар в груди стал утихать, и Нилус вновь прибавил ходу, заставляя свои лёгкие подавать воздух ещё интенсивнее. Ноги в мокалинах мягко ступали по ещё зелёной траве, которая только начала увядать. Совсем скоро должно показаться его селение: знакомый часток из покосившихся брёвен, массивные ворота и Тонас, скучающий на смотровой вышке, лениво жующий соломинку или прутик. Посыльный бежал, опасаясь, что не увидит этой знакомой и по обыденному ленивой картинке. Сегодня любой, случайно забредший в эти края путник, без применения навыков следопыта безошибочно определил бы направление, в котором располагался посёлок Нила, — на него указывал упирающийся в небо чёрный столб дыма. Случилось что-то страшное. Факт этот был очевидным, и эта очевидность пугала своей неизвестностью. Дымный перст угрожающе вздымался в небо, предупреждая об опасности всех, кто мог его видеть, и привлекал внимание тех, кто надеялся пожить на горе людей. Думать о плохом не хотелось. Парень во время бега прислушивался к стуку своего сердца, чтобы отгонять этим звуком чёрные мысли, которые стаей ворон кружили в его голове.

Нилус вновь перешёл на медленный шаг, сильнее затягивая ослабевший пояс. Ножны, скрывавшие в своих недрах короткий меч, напоминали, что он не одинок. Обоюдоострый друг мог прийти на помощь в любой момент. Он остался единственной вещью, напоминавшей Нилу об отце. Кажется, это было так давно, в другой жизни: незнакомые люди, пришедшие в дом, рыдающая мать... Если её лицо Нилус ещё помнил, то черты отца расплывались бесформенной маской. Незнакомцы принесли меч отца. Они сказали, что он погиб на войне. Казалось, что только надежда на его возвращение заставляла мать жить. Как только у неё отобрали эту надежду, она стала быстро увядать и чахнуть, за два года превратившись из красавицы в старуху. В одно осеннее утро она не проснулась, оставив Нилусу на попечение младшую сестру Зару. Неизвестно, как сложилась бы судьба двух детей, если бы дороги не привели на порог их дома Риота. Дождливый вечером он появился с просьбой о ночлеге, принеся с собой не только свежий воздух промёрзлой улицы, но и новый уклад жизни. С тех пор Риот остался с детьми, чтобы помогать им и обучать всему, что знал сам. Он был коренастым, с непропорционально длинными и мускулистыми руками.

Из-за глубокого шрама лёгкая полуулыбка нашла постоянное пристанище на его мужественном скуластом лице. Уверенный взгляд и мягкая кошачья походка выдавали в нём охотника. О себе он мало что рассказывал, предпочитая отшучиваться в ответ на особо навязчивые вопросы. Случай и умение врачевать помогли Риоту развеять все подозрения у местных жителей по поводу своей персоны. Однажды старосту посёлка укусила ядовитая змея. Глава поселения уже собирался предстать перед небесными чертогами, но Риот вызвался помочь и сумел вылечить его травяными отварами и мазями своего приготовления. После этого местные жители перестали опасаться незнакомца, стерев границу, которая делит людей на достойных и не заслуживающих доверия. Понимая важность присутствия врачевателя для людей, староста позволил путнику остаться, но до конца «своим» Риот так и не стал. Люди сторонились его, как и двух угрюмых детей, в доме которых он поселился.

Ноги несли Нилуса по знакомой дороге. Вот и холм, с которого любила скатывать тряпичный мяч сестрёнка. Последний рывок, и он уже стоял на его вершине. Картина, открывшаяся юноше, была ужасна. Селения больше не было. Всё, что от него осталось, неторопливо дотлеvalo в гробовой тишине. Чёрные скелеты построек пригибались к земле, позволяя ветру заигрывать со струями дыма. Это выглядело пугающе, словно сама смерть прятала своё погребальное покрывало, вплетая между дымными нитями души убиенных. Нил прошёл мимо развалившегося частокола. Во многих местах он зиял брешами как рот дряхлой старухи. Кто мог это сделать? Кому и зачем это было нужно? С тех пор как человек укротил огонь, тот ни разу не вырывался из-под контроля по своей воле. Нил шёл, не чуя своих ног. Он споткнулся... Падая, успел подставить руки, чтобы смягчить удар о землю. Попытался встать, но ступня застряла между рухнувшей балкой и обгоревшим трупом. Нил отчаянно забился, как куропатка, попавшая в силки, освободившись, он резко отпрянул в сторону. Судорожно отстраняясь от пугающей находки, уткнулся спиной в преграду. Это был ещё один мертвец. Нил вскочил на ноги и выхватил меч. Руки его тряслись, а ноги, как два вековых дуба, монолитами вросли в землю, не давая двигаться. Лежащее тело не принадлежало ни одному из жителей посёлка. Раньше Нилус этого человека не видел. Да и был ли он человеком? Его одежда походила на старые истлевшие лохмотья. Grimаса ярости, застывшая на лице, добавляла схожести с разъярённым животным. Местами отслоившаяся тёмная кожа рваными пластами свисала с лица. В обугленной руке заочневшего тела было зажато древко перерубленной пополам пики, вторая часть оружия торчала из земли рядом. Очевидно, это был один из нападавших на посёлок. Неподалёку Нил заметил ещё один вражеский труп. Видимо, у налётчиков не было принято забирать тела своих погибших товарищей, и они просто оставили их на попечение волков и ворон. А может быть бандиты были ещё неподалёку? Нилус насторожился, прислушиваясь к звукам, но ничто не нарушало мёртвой тишины. Он сильнее сжал рукоять меча. Дрожь в руках пропала, уступив место чувству мести, хорошо приправленной едва сдерживаемой злобой. Гнев с каждой секундой всё сильнее и сильнее заполнял его сердце: перед Нилусом раскинулась дорога, состоящая из знакомых с детства, но теперь уже мёртвых людей. Вот Пэс, парень, который был на два года младше самого Нила. Сейчас он тряпичной куклой висел на остатке забора. Падать вниз ему не давало копьё, которым он был проткнут насквозь. Лавочник Сурот — толстый весельчак — больше никогда не попросит Нила отнести куски окорока своему брату в соседнее селение. Толстяк сидел на земле в неестественной позе, прислонившись к стенке колодца, и смотрел вперёд. Это был безжизненный взгляд в пустоту, от которого становилось жутко и неуютно. Знакомые лица замелькали с невероятной частотой...

Площадь встретила Нила большим количеством вражеских трупов. Казалось, что они стремились сюда со всех сторон, притягиваемые какой-то неведомой силой. Вскоре парень увидел причину. Сердце сжалось в маленький комочек, а тело ринулось вперёд. Это был наставник. Риот стоял на коленях, откинувшись назад. Упасть на спину ему не давали два поверженных врага. В правом боку зияла широкая рана, из которой медленно сочилась кровь. Из плеча с этой же стороны торчали обломки двух стрел. Кожаный панцирь с нашитыми металлическими пластинами, потемневший от крови, был местами разрублен. Нилус осторожно уложил своего наставника на землю. Поднёс палец к его губам, почувствовал слабое дыхание. Он был ещё жив! Сорвав с бедра небольшой бурдюк с травяной мазью, который всегда носил с собой, Нил обильно смазал видимые повреждения. Через несколько мгновений Риот едва уловимо зашевелился, а затем открыл глаза. Мази с наговорами, которые готовил наставник, были по истине волшебны.

Увидев своего ученика, раненый воин попытался встать. Grimаса боли пронзила его лицо, и он обмяк, рухнув вниз.

— Не двигайся, ты серьёзно ранен! — Нилус помог удобнее устроиться Риоту, — сейчас я отнесу тебя домой.

Фраза, произнесённая среди пепелища, звучала глупо, но юноша до сих пор не мог осознать, что селения больше нет.

— Всё сгорело, — грудь наставника стала лихорадочно вздыматься в усилиях выплюнуть наружу слова, — Их было слишком много, они напали неожиданно... Они лезли со всех сторон и подожгли... — голос Риота был слаб, но он старался говорить как можно громче — Я сражался... Силы были слишком неравными...

— Кто-нибудь ещё спасся? — после открывшейся взору юноши картины селения вопрос этот был лишён надежды.

— Я не знаю... не видел... возможно, — слова вылетали из уст раненого резко, как стрелы из охотничьего лука, только звон тетивы заменял свист из лёгких. — Зомби... Они беспощадны... Убивали всех — и женщин, и детей.

— Зомби? — выцедил из разрозненных фраз непонятное слово юноша.

— Да, зомби — живые мертвецы... Прислужники проклятого бога смерти Мора! Помнишь, я часто рассказывал тебе о них?

— Я думал, что всё это сказки! — Нилусу не хотелось в это верить. Он не желал понимать, почему восставшие из могил в одночасье превратили его жизнь в кошмар.

— Нет, это правда... Мертвецы иногда восстают, чтобы не давать жить другим, — жадно глотая воздух, промолвил Риот.

— Может быть мертвецы начнут нападать на нас сейчас? — юноша указал мечом в сторону одного из мёртвых горожан, тело которого лежало неподалёку.

— Нет, нападавшим, что остались лежать здесь, я проломил черепа, а тот, кто умер недавно, не подвластен жрецам бога смерти. В их телах ещё теплятся кровь, не пуская внутрь чужую волю.

— Что с Зарой? Ты знаешь, что с сестрёнкой? — проснувшаяся паника заставила сердце Нилуса биться ещё быстрее.

— Её забрали... Они врывались в дома, словно искали что-то, пока не схватили Зару. Я пытался её отбить, но не смог... Мертвяки приходили за ней... Именно за ней...

— Зачем? Зачем она им?! — мир стал переворачиваться с ног на голову. Нил, который

ещё утром приветствовал своих знакомых, отправляясь с посланием на юг, не мог смириться с мыслью, что потерял всё.

— Я не знаю... Торопись, они понесли её в сторону Дикого леса, — наставник судорожным движением руки попытался указать направление. — Ты можешь её спасти... Иди по следам... Зомби не умеют прятать следы...

Наставник попытался крепко сжать запястье юноши и потянуть к себе, но сил на это у него почти не было. Он говорил почти шёпотом, с каждым предложением слова становилось тяжело понимать. Нил догадался, что наставник просит его ещё сильнее приблизиться.

— Проламывай им головы, только так можно убить оживших мертвецов. Вспомни, чему я тебя учил, а мне нужно немного поспать. Я хочу увидеть свой самый красивый сон... Риот закрыл глаза, блаженно улыбнулся и затих.

Глава 2. Старая крепость

Свет, спотыкаясь о развалины, растягивался на земле широкими тенями. Осень только начиналась, поэтому привычное летнее тепло делало утро комфортным. Широкое и длинное ущелье упиралось в крепостные стены Лорель. Первая линия укреплений была разрушена почти до основания, но вторая, несмотря на прорехи, выглядела достаточно грозно. Маленькая ящерица грелась на камне, подставляя своё серое тельце под солнечные лучи. Неожиданно она дернулась и стремительно побежала вперёд. Зверёк пересек некогда глубокий ров, заваленный останками тел воинов и песком, принесённым вездесущим ветром. Сейчас он выглядел как неглубокая выбоина на дороге, напоминавшая о былых сражениях.

Ящерица пробежала мимо походного лагеря караванщиков. Между двух повозок дотлевал небольшой костерок. Рядом с ним, завернувшись в плащ, дремал нерадивый сторож. Он сидел на тюке с вещами, склонив голову вперёд, опираясь руками на рукоять меча, воткнутого в землю. Невдалеке на привязи паслись четыре ящера-гаркха. Жители западных земель часто использовали их в качестве тяговой силы или для верховой езды. Позволить себе иметь настоящих коней могли только состоятельные высокородные. Любопытная ящерка юркнула под ногу спящего караванщика и устремилась дальше в сторону городской стены. Один из гаркхов, заметив движение, резко дернулся. Клацнули зубы, и маленькое животное пропало в его пасти, оставив снаружи лишь длинный хвост. Ящер запрокинул голову вверх, судорожно сглатывая пищу. Он удовлетворённо заурчал и пару раз как кнутом резко стегнул языком воздух. Запахи, которые он учуял, заставили насторожиться. Зверь агрессивно зашипел, и его сородичи всполошились. Вскоре появилась причина этого беспокойства — два путника. Один из них был невысокого роста и с головой кутался в дорожный плащ, пряча лицо в тени капюшона. Другой — высокий и худой — смело подставлял свои длинные светлые волосы ветру. Спадать им на глаза не давал прочный металлический обруч с выпирающей пластиной, прикрывавшей переносицу. Лошади выглядели уставшими — видимо, они давно находились в дороге. Путешественники проехали мимо спящего каравана и направились к крепостным воротам, словно их не волновало то, что они закрыты. Кони остановились перед стеной из древней каменной кладки, покрытой многочисленными выбоинами. Крепость познала много сражений и продолжала быть надёжным щитом для жителей востока. Массивные, окованные железом ворота, были закрыты.

— Эй, там, на стене, впустите нас! У меня важное сообщение для вашего капитана! — крикнул один из воинов в сторону наблюдательной башни.

Ответа не последовало, лишь ветер надрывно завыл, играя в салочки с песчинками, заставляя одинокие засохшие кустарники раскачивать своими ветвями. Ничто не потревожило утренний сон крепости Лорель. Бойницы продолжали безмолвно смотреть на путников, создавая ложное ощущение давно покинутого людьми места.

Один из странников слез с коня, достал из дорожной сумки верёвку с металлическим крюком-кошкой на конце. Размотав её, человек встал поудобнее, раскрутил, а затем метнул свой снаряд в сторону стены. Лишь третья попытка оказалась удачной, и металлический крюк прочно засел в трещине между камнями. Дернув несколько раз за верёвку, человек

удостоверился, что она крепко держится. Хватаясь за равномерно затянутые узлы и подтягиваясь на руках, он опирался ногами о выступы каменной кладки и поднимался вверх. Не торопясь человек взобрался на стену и пролез в проём между мерлонами.

Совсем рядом с тем местом, где прочно засел крюк-кошка, завернувшись в потрепанный засаленный плащ, спал упитанный часовой, блаженно обнимая свое копьё. Его двойной подбородок сотрясался каждый раз, когда из его горла вырывался храп. Он не выглядел бывалым солдатом, скорее походил на человека, который по воле судьбы был вынужден нести бремя воинской службы.

— Ну, что там, Бриар? — нетерпеливо выкрикнул снизу второй путник. Голос его был моложавым и высоким.

— Всё нормально, — ответил воин, поднимая руку в успокаивающем жесте. Часовой пошевелился, но лишь для того, чтобы перевернуться на другой бок и блаженно улыбаясь, тихо засопел ноздрями. Бриар пнул его в толстый зад, после чего охранник громко заскулил, смешно засеменя ногami по воздуху, и проснулся. Солдат вертел головой, не понимая сон это или реальность? Многозначительно посмотрев на своё копьё, которое он крепко сжимал, и переведя взгляд на воина с развивающимися на ветру волосами, часовой, наконец, понял что происходит... Незваный гость резким движением наступил на грудь толстяку, опрокинув его навзничь, вынул кинжал из-за голенища сапога и приставил его к горлу ошалевшего от испуга человека.

— Я могу убить тебя, — чётко выговаривая слова, произнёс Бриар, — скажи мне хотя бы одну причину, по которой мне не стоит этого делать?

— Не нужно, господин! — в голосе незадачливого часового тревожно поигрывали нотки страха. Он сильно нервничал, бегая взглядом то по стоящему перед ним воину, то озираясь по сторонам, видимо, разыскивая союзников. Было заметно, что солдат сильно напуган и боялся смотреть в глаза воинственному незнакомцу.

— Где капитан Каракка? — голосом, не терпящим неповиновения, спросил воин.

— Он у себя в оружейной, добрый господин, — кося глазами на лезвие у своего горла, проямлил солдат, — как и всегда в это время...

— Где Каракка только набирает такой сброд?

Вопрос был адресован скорее пролетавшему ветру, но часовой воспринял его на свой счёт и тут же осмелился ответить:

— В городе! У нас в Лорель каждый мужчина выходит на дежурство, а очерёдность определяет лейтенант Лондаик...

Поняв, что его жизни ничего не угрожает, часовой продолжил: «Милостивый государь, я всего лишь сапожник, я не солдат, но я подчиняюсь законам, установленным в крепости, — теперь тон незадачливого сторожа звучал открыто заискивающим, — я прошу вас не сообщать нашему капитану об обстоятельствах нашей встречи. Он у нас человек вспыльчивый и суровый, и мне бы не хотелось...»

— Обещай мне, что больше не будешь спать на посту, — перебил дипломатические изыски часового Бриар, — клянусь, в следующий раз, если я застаю тебя спящим в карауле, то лично выпорю на площади! Думаю, десяток плетей зададут тебе бодрости до конца твоих дней.

Тон, которым воин произнёс эту фразу, красноречиво свидетельствовал о том, что своими обещаниями он не разбрасывается и всегда их выполняет.

— Я исполосую твою спину кровавыми бороздами! Клянусь Матерью Луной, так и

будет! — поставил пугающую точку в своём обращении незванный гость.

— Нет, нет, что вы, — затараторил солдат, понимая, что удалось легко отделаться, — такого больше не повторится! Видите ли, в этом году выдался отменный урожай, — стражник так волновался, что начал съедать окончания у слов, — все мы устаем на уборке, а тут еще эта служба... — поймав строгий взгляд воина, часовой решил больше не вдаваться в подробности своего быта и не искать оправданий для своего проступка.

— Ладно, я сегодня слишком устал для того, чтобы быть строгим. Открой ворота и пропусти моего спутника, — воин спрятал кинжал и усмехнулся.

— Сию минуту, — упитанный часовой, смешно перебирая короткими ногами, сполз вниз по приставленной к стене деревянной лестнице. Забрало шлема постоянно падало, прикрывая глаза, заставляя солдата одной рукой периодически поднимать его вверх. Это движение делало и без того неуклюжего стражника настоящей карикатурой на воина.

Спустившись вниз, он несколько раз легонько пнул кучу тряпья, которая валялась у стены. Тут же из неё, словно на пружинках, выскочил парнишка лет шестнадцати в кожаном нагрудном панцире. Он судорожно пытался понять, что происходит, ошалело натирая сонные глаза, грязными кулаками.

— Вставай, лоботряс! — упитанный часовой, недавно оказавшийся в такой же ситуации, принялся вымещать накопившееся раздражение на своём молодом подопечном, — как ты смеешь спать на дежурстве, балбес!

Бриар укоризненно покачал головой, смотря, как постовые, прилагая все свои мышечные усилия, с невероятным трудом, пыхтя и сопя, поворачивают колесо механизма, открывавшего ворота. Состояние крепости оставляло желать лучшего, ровно как и её гарнизон. Против небольшой, но хорошо обученной армии защитники ущелья долго не продержатся. Скрипя сухими досками и скрежеща ржавыми цепями, ворота отодвинулись в сторону, открывая небольшой проход. Внутрь города зашёл спутник Бриара, ведя коней под уздцы. Он был укрыт дорожным плащом, скрывая в глубине капюшона свое лицо от лучей утреннего солнца и посторонних взглядов. Бриар смотал верёвку с крюком и присоединился к своему компаньону. Эта парочка пересекла внутренний двор и направилась вглубь спящего города, оставляя позади себя двух незадачливых часовых.

— Кто это такие? Могли бы и до утра подождать! Велика честь вставать в такую рань и пускать в крепость непонятно кого, — заворчал сонный юноша, сладко зевая. И тут же получил затрещину от своего старшего товарища.

— Это гвардейцы императора! — назидательно пояснил тот, — ты разве не заметил на одежде герб — два скрещенных меча на фоне Луны? Марш на стену!

Капитан Каракка стоял, широко расставив ноги и подперев бока кулаками, всем видом показывая строгость занимаемой должности. Это был могучий человек с широкими плечами, глядя на которого сразу становилось понятно, что позади у него богатый военный опыт. Его белёсые волосы огромной гривой спускались чуть ниже плеч. Огромная нечёсаная борода, скрывавшая половину лица, и повязка, закрывавшая пустую глазницу, позволяли воину легко прятать свои эмоции. Единственной ухоженной деталью на лице были огромные закрученные вверх усы.

— Как вы прошли через охрану? — капитан принялся буравить незваного гостя своим единственным глазом.

— Бравый капитан всегда на чеку, — улыбнулся Бриар, — не суди строго своих часовых,

нужный урок я им уже преподавал.

— Бри! Старина! — усы коменданта крепости поползли вверх, обозначая улыбку. Узнав своего старого приятеля, он молниеносно оказался совсем рядом и по-дружески очень крепко обнял гостя, который в его могучих руках казался детской игрушкой.

— Хо-хо-хо! Как давно я тебя не видел! — радостно рычал капитан, сжимая своими мускулистыми ручищами своего старого боевого товарища, — мне кажется, ты пропал на миллион лет! Куда ты исчез?

— Осторожнее, дружище, ты же меня раздавишь! — охнул Бриар, — побереги силы для врагов. У меня было много дел по ту сторону стены.

— Чувствуй себя как дома, я прикажу накрыть на стол, наверняка ты устал с дороги! Сейчас тебе выделяют комнату... — засуетился капитан, размахивая руками, словно заботливая хозяйка во время нежданного визита дорогих гостей. Такой внезапный приступ гостеприимства совсем не соответствовал его брутальному образу. Хотя все, кто давно был знаком с ним, отлично знали, что для своих людей он может быть как строгим судьёй, так и заботливым отцом.

— Не в этот раз, — голос Бриара стал серьёзным, он положил свою руку на плечо могучему капитану, который был на голову выше его, — на это нет времени. Прикажи заменить нам коней и наполнить сумки запасами провизии — нам нужно двигаться вглубь континента дальше на восток.

— Нам? — переспросил удивлённый капитан, — дружище, моё место здесь! С тех пор как гвардия перестала существовать, а империя была разорвана высокородными на множество земель, Лорель — единственное место, ради которого я живу! Эти люди нуждаются во мне!

— Нет-нет! Тебе, я уверен, найдётся занятие и в крепости, — пояснил гость, — я имел в виду нам...

Словно ожидая именно этой фразы, порог комнаты переступил человек.

— Добрый день, — звонко поздоровался он, входя внутрь и снимая капюшон, за которым скрывался не то парень со смазливym лицом, испачканным дорожной пылью, не то девушка с короткой копной засаленных грязных волос.

— Я не узнаю тебя Бри. Чтобы ты болтался с молоденькой девицей в мужском наряде... — не без труда определил пол гостя великан и на пару секунд застыл от удивления.

— Каракка, у нас нет времени на лишние объяснения! Беда идёт на наши земли, и нам нужно её остановить. Все восточные города скоро запылятся в огне пожаров. Зови своих лейтенантов и распорядись, о чём я тебя просил. У нас в запасе пара дней, прежде чем здесь появятся вражеские передовые отряды. Гангены объединили всех воинов западных земель, они снова идут в наши края, но сейчас всё не так, как раньше, мы разобщены, и с нами нет нашего императора!

— Гангены... Эти вонючие собаки никак не могут успокоиться. Сколько раз они пытались пересечь рубеж Лорель?! Эти стены помнят три великих битвы! Мы всегда останавливали их! — военачальник на несколько мгновений позволил эмоциям взять верх, но тут же стал серьёзным, — Я понимаю, что сейчас не те времена. На границе у меня лишь группа простых людей...

— Об этом я и говорю. У нас мало времени!

— Лондаик! — крикнул капитан вглубь помещения, — вызови ко мне командиров отрядов! И тут же вновь переключил внимание на своего старого боевого товарища. —

Хорошо, я прикажу исполнить твою просьбу.

— И ещё, — Бриар сделал несколько шагов по комнате, — ты прекрасно знаешь, мы, гвардейцы, давали клятву императору и никогда её не нарушим. Похоже, настал час для того, чтобы исполнить свой долг. Нужно собрать всех наших воинов. Ты знаешь, где они находятся?

— Кто-то осел и обзавелся семьей, кто-то совсем притаился. Вассел обосновался в Олдингбурге, Радомил сейчас служит у Двух баронов, Риот нашел свой приют здесь, неподалеку, в одной деревушке, — капитан тыкал толстым пальцем по точкам на карте из бычьей кожи, что висела на стене вместо обычного гобелена, — это те, кто поблизости. Скоро полнолуние и я смогу послать всем сигнал к сбору. Кто ещё жив и в здравом уме, придут в столицу, но многие уже потеряли былую хватку, мы ждали слишком долго...

— Ожидание иногда делает нас сильнее, — возразил Бриар, запоминая места, на которые указал Каракка. Затем положил руку на плечо своего старого командира. — Друг, ты знаешь, что при долгой осаде хорошо обученными отрядами Лорель падет. Силы неравны. Дом Гангенов объединил все западные земли, даже племена звероловов встали под его штандарты. Тебе нужно задержать его хотя бы на неделю, — воин пристально всмотрелся в глаза своего товарища, — или несколько дней, и живым отойти вглубь страны. За это время я попробую уговорить Двух баронов прислать вам резервы, хотя надежда на это слишком мала или попробовать организовать следующий рубеж обороны там. Затем я отправлюсь дальше и соберу силы в единый кулак под столицей.

— Я даже не буду надеяться на скорую помощь. Встретить врага здесь, под стенами полуразрушенной крепости, объединенной армией, — возможно, это был бы самый простой вариант. Решить всё одним разом, в одном сражении, как раньше! Но резервы не подойдут. Я в этом уверен. И дело даже не в том, что они не успеют добраться до нас. С тех пор как империя перестала существовать, а прямого наследника не осталось, высокородные думают только о себе. Объединить всех лордов? — Каракка нахмурился, и стали видны сетки морщин, которые длинными линиями пересекали лоб и маленькими молниями разрезали кожу в уголке единственного глаза, — это невозможно! После смерти императора мы погрязли в междоусобицах, и лишь последние пару лет на наших землях высокородные сэры не пускают друг другу кровь по поводу и без с такой же частотой, как они лили её совсем недавно! Но они с легкостью могут вспомнить свои молодецкие забавы. Ведь старые обиды, как вино, с годами становятся только сильнее и крепче.

— Я это понимаю. У меня есть план, и он единственный способен принести нам успех.

— Ты посветишь меня в детали?

— Извини, друг. Пока не могу. Ставки слишком высоки. Я лишь прошу тебя выжить и кинуть клич всем гвардейцам, чтобы они выдвигались в столицу.

Капитан нахмурился. Он как никто другой прекрасно понимал, что иногда посвященность в тайну может стоить жизни, а незнание — сохранить её. Бриар был в гвардии на особом положении, и к его мнению всегда прислушивались. Этот сын Луны лучше других осознавал, что лучше делать в экстренной ситуации.

— Много ли войск движется на нас? — капитан решил узнать больше информации, которая бы пригодилась ему в данный момент.

— Около двухсот тысяч. Может чуть больше... Люди, зверолоды, огненноголовые — на этот раз они собрали все имеющиеся у них силы в один мощный кулак и собираются обрушить его на нас!

На несколько секунд в комнате повисла тишина, и казалось, что в ней было слышно биение сердец собеседников.

— Капитан! — звеня шпорами, в комнату ворвался Лондаик, разрывая тягостное молчание, — лейтенанты прибыли, велите впускать?

— Хорошо, иди. Хотя постой. Обеспечь этих господ всем необходимым и выдай им пару лошадей, а также вели бить в колокол, пусть люди собираются на площади, — отдав приказ своему помощнику, капитан подошел к Бриару, они обнялись и обменялись крепким рукопожатием.

— Может выделить тебе людей? На дорогах нынче небезопасно, — по-отечески обеспокоился Каракка.

— Нет, спасибо. Отряд будет лишь привлекать к нам внимание, два всадника менее заметны, — вежливо отказался от помощи Бриар, — я надеюсь, что ты не будешь геройствовать, не полезешь на рожон и выживешь. Ты будешь нужен нам в столице. Я прошу лишь ненадолго задержать продвижение врага.

Воин сразу же напрямую высказал всё, что думает, не украшая свою прощальную фразу оптимистичными прогнозами о скорой помощи защитникам крепости. Он был опытен и за свою жизнь видел слишком много войн. Начальник крепостного гарнизона расплылся в улыбке, он сжал кулаки. — Эти руки убили тысячи врагов, а тот, кто способен держать меч, чтобы сразить меня, ещё не родился! Прощай, Бриар!

— До скорой встречи, Каракка!

Капитан был мрачнее тучи, хотя высокопоставленным командирам не стоит так выглядеть перед подчиненными, даже если внутри царит спокойствие и уверенность. Бриар и его спутница несколько минут назад покинули город, продолжая свой путь вглубь континента. На городской площади, которая служила местным жителям и рынком, и местом для массовых гуляний, собрались практически все горожане. Стоя на небольшом помосте, комендант крепости окинул взглядом пространство перед собой. Люди роптали и вопросительно переглядывались.

— Товарищи, друзья, горожане! Вы сами выбрали меня своим главой, и я исправно выполнял свои обязанности, — громогласно начал свою речь капитан. Его голос, усиливаемый стенами домов, подхватывали порывы ветра и разносили дальше по улочкам.

— Да! Это так! Правда! — полетели одобряющие выкрики со всех сторон.

— Я знаю, что многим из нас некуда больше идти. Для многих стены Лорель стали тем домом, который они искали. Меня с этим местом связывает множество воспоминаний. В моей памяти жива картина величия этого города и трагедия войны, бушевавшей здесь. Похоже, что боги решили повторить историю. Война вновь идёт к нам!

Толпа заревела как огромный улей с разъяренными дикими пчёлами.

— Тише, друзья, тише! — капитан поднял руку вверх, моментально восстанавливая тишину и порядок. — С Запада идут войска.

На площади повисла тишина. Горожане, которые совсем ещё недавно нежились в своих постелях, силились понять, что угрожает их мирной жизни. Люди, которые были вынуждены искать лучшей доли, обретая её здесь, в крепости, не хотели верить, что им придётся начинать всё сначала. Народ ждал объяснений от своего предводителя, которого уважал и которому доверял во всём, ведь он много раз принимал правильные решения, позволявшие городу жить.

— Проклятые Гангены вновь решили поживиться на наших землях, на этот раз с ними идут зверолоуды и огненноголовые. Это не просто армия, это орда, остановить которую нам не по силам. Передовые части достигнут наших стен через пару дней, а основные силы будут здесь через неделю-полторы.

Толпа зароптала. Все прекрасно помнили Великую войну, сломавшую многие судьбы, после которой могучая империя превратилась в жирный кусок мяса, раздираемый на части благородными лордами. Одним из таких кусочков стал город Лорель — пристанище для тех, кому некуда было идти.

Капитан окинул взглядом подчиненных ему людей, которые верили каждому его слову и доверяли свои жизни.

— Я знаю, что никому из нас этого не хочется, но нам нужно уходить! Начинаются тяжелые дни для всех! Стариков, женщин и детей завтра отправим с первыми обозами в замок к Двум баронам. Сегодняшний день и ночь нужно потратить на сборы и подготовку к отражению атаки. Понадобится любая помощь, каждая свободная пара рук будет на счету.

Капитан Каракка перевел дыхание, заглядывая в лица людей, с которыми ему довелось повидать многое. За свою жизнь он участвовал во множестве сражений и понимал, что его небольшой гарнизон обречен, поэтому нужно было успеть подготовиться к встрече с неприятелем. Задержать нападающие войска и отойти вслед за обозами, потеряв при этом как можно меньше людей, — вот задача, над которой он уже размышлял.

— Я не могу вам приказывать, но долг каждого мужчины — взяться за оружие и дать возможность отойти нашим семьям как можно дальше от крепости...

— Я останусь здесь, с тобой! — внезапный выкрик прервал речь капитана.

Могучий голос донёсся с самого конца площади. Все разом обернулись. Над толпой возвышался крепкий бородатый здоровяк, который был на полфигуры выше могучего Каракки. Было совершенно неясно, где его, казалось бы, никогда не стриженная причёска переходила в бороду. Это был Герштаф — наверное, единственный представитель гордого племени горных великанов на всём континенте, живший среди людей. Немногочисленный высокомерный народ жил внутри Ахшанских гор. Все их контакты с людьми ограничивались торговлей грибным квасом и оружием. Как и все его сородичи, великан говорил грудным басом, с характерным акцентом — когда подземные жители разговаривали на языке людей, они оглушали звонкие согласные. Тело по пояс обнажённого великана сияло от пота, видимо, он пришёл сюда, бросив свою работу в кузнице. На его голове красовался обруч с костяным забралом, защищавшим глаза. В его центре была прорезана тонкая щель, через которую Герштаф мог смотреть, не опасаясь повредить глаз. Зрение горного народа было очень чувствительно к свету. Во мраке ночи они прекрасно видели, а вот при солнечных лучах могли полностью ослепнуть. Без такого забрала Герштаф не мог выходить днём на улицу, не рискуя потерять зрение. Он был искусным мастером, за что его ценили далеко за пределами города. Горный народ достиг небывалых высот в деле обработки металла, и многие его представители являлись превосходными конструкторами оружия и инженерами.

Внезапную поддержку капитану высказали сотни одобряющих мужских голосов.

— Мы останемся с тобой!

— Веди нас, капитан!

— Да!

Людские крики сливались в одобрительный гул, заполняя собой площадь и усиливаясь от крепостных стен.

— Наш дом — Лорель! — громогласно рыкнул горный великан, перекрикивая гул людских голосов. Он запрокинул голову направо, акцентируя внимание на шее с татуировкой — символом крепости — двумя треугольниками, соединенными между собой парой параллельных горизонтальных линий.

Толпа зашевелилась, следуя поданному примеру, все повторили движение здоровяка, выставляя напоказ символ Лорель.

— Спасибо за доверие! Мои лейтенанты дадут указания! — завершил свою речь Каракка, — Лондаик, собери всех мастеров и приведи их ко мне.

Впереди ждала тяжелая бессонная ночь, и капитан знал, что она будет лишь первой в череде подобных.

Глава 3. Один против всех

Нилус больше не сдерживал эмоции, давно рвавшиеся наружу. Слезы осенним ливнем хлынули из его глаз, оставляя светлые дорожки на чумазом лице. Сейчас его никто не видел, поэтому он на секунду позволил себе побыть маленьким ребёнком, у которого ничего не осталось.

— Риот, прошу тебя! Не умирай! Не оставляй меня одного! — Нилус потряс наставника за плечо, — почему вы все оставляете меня!? Мать Луна, всевидящая и благородная, за что? Почему? — слова улетели в небо, и ветер, словно ждавший этих фраз, стал яростными порывами подметать улицы, поднимая облака саж и пыли. Нилус чувствовал себя такой же маленькой одинокой пылинкой, как и те, что летали вокруг. Ему хотелось, чтобы ветер подхватил его и унёс далеко-далеко. Туда, где его ждут отец, мать, наставник, сестра. Сестра! Нужно было искать Зару. Пока он не увидел её мёртвое тело, она жива. Мысль о том, что сестра погибла, как не имевшую права на существование, юноша сразу же изрубил на части в своей голове. Она жива! Пока сердце Нила бьётся, он сделает всё, чтобы защитить своего самого близкого человека, оставшегося у него на этом свете. Размазав кулаком слёзы по лицу, посыльный спрятал меч в ножны и побежал в направлении, указанном наставником. О Диком лесе ходила дурная слава, поэтому местные старались не заходить в его пределы, но у Нила не было выбора. Он должен был спасти свою сестру.

Нилус читал следы, словно они были выведены ягодными чернилами на куске папируса. Тут бежал не отряд, здесь пронеслось человекоподобное стадо. Ломая ветки, оставляя на сучках обрывки одежды — они не скрывали своего присутствия, они просто торопливо продирались сквозь лес. Их было не больше десятка. Отпечатки ног были свежие, отряд прошёл совсем недавно. Хотелось прибавить ходу, но бежать без оглядки было нельзя. Спешка в лесу никогда не доводила до добра. Можно было повредить глаз, наткнувшись на ветку, упасть в заботливо вырытую и забытую кем-то волчью яму, набрести на голодного зверя... Густые заросли таили в своих дебрях множество тайн, и многие из них лучше было не узнавать. Нил преследовал похитителей уже около часа. Он уже начал слышать тихие звуки перемещавшегося отряда — лес охотно доносил на любых непрошенных гостей.

Юноша был так увлечён погоней, что даже не заметил, как пересёк ту границу, где деревья, жизнерадостно шелестевшие листьями на своих верхушках, сменились сухими скрюченными корягами. Солнце приближалось к горизонту. Сегодня Нил успел пробежать огромное расстояние, но вопреки усталости всё ещё находил в себе силы двигаться дальше. Так далеко он никогда ещё не углублялся в Дикий лес. Ходили легенды, что здесь когда-то давно был лагерь людоедов, проверять эту историю, рассказываемую стариками, никто не решался, все просто сторонились этого места.

Сухие остовы деревьев расступились, открыв дорогу на широкую поляну. Она выделялась контрастными чёрными трещинами на фоне пепельно-серой сухой чешуйчатой земли. Дорога из человеческих следов упиралась в противоположную сторону, разрезая поляну на две половины. Частилки потревоженной недавно пыли хаотично летали в воздухе, переливаясь в лучах заходящего солнца. Нилус, не колеблясь ни секунды, сделал осторожный шаг вперёд. Мёртвая земляная корка треснула под ногой, поднимая в воздух серое облачко

тлена. Ещё шаг, другой. Нил осмотрелся. Что-то настораживало его, но противоположная часть леса стояла гнилой стеной, за которой невозможно было что-либо разглядеть. Следопыт обнажил меч и остановился. Словно ожидая этой команды, из-за деревьев с противоположной стороны вышли четыре противника. Засада. Нилус не мог понять, каким образом похитители могли заметить преследователя, но размышлять об этом не было времени. Преследуя врагов, он насчитал больше следов, чем могли оставить зомби, стоявшие перед ним. Значит основной отряд продолжал движение, унося Зару всё дальше и дальше. Медлить больше было нельзя.

В одно мгновение Нил превратился из охотника в жертву. Страх крепко обнял его, сдавив грудь и мешая дышать. Нилус, гнавшийся за похитителями, даже не знал, что будет делать, когда их догонит. Зарубит? Толпу озверевших мертвецов? Можно ли убить мёртвого? Это казалось глупым, но другого выхода у него не было, только резать и кромсать врагов на куски. Теперь предстояло доказать, чего он стоит и что годы тренировок с Риотом не прошли даром. А если его сейчас убьют? Кто спасёт Зару? Может юркнуть назад и скрыться за изгородью мёртвых деревьев? Убежать, спрятаться, обмануть и вновь пойти по следам? Нет, слишком сложно. Тем более скоро наступит ночь, и тогда продолжать преследование будет гораздо сложнее, а ведь он уже почти настиг уходящий отряд. Мальчишка удобнее перехватил меч, прогоняя страх и получая от его рукоятки заряд уверенности. Оружие имело широкое лезвие с двумя бороздами-кровостоками в центре, оно заканчивалось острым клинком, предназначенным для нанесения колющих ударов. Короткая гарда едва прикрывала кулак, а рукоятку венчал массивный противовес, выполненный в форме цветка клевера. Нил восхищался работой умелого кузнеца, сумевшего так мастерски повторить природные формы. Юноша с детства знал каждый выступ, каждый лепесток железного цветка, частенько ощупывая его вечерами. А когда ему стукнуло двенадцать и он получил право носить оружие, его буквально распирала гордость. У большинства его сверстников не было мечей, все носили в основном ножи и деревянные дубинки. Нил не умел обращаться с мечом и даже не знал, что оружие нужно затачивать, делать это его научил лишь наставник Риот, когда поселился в доме Нилуса и всерьёз взялся за обучение юноши воинскому и охотничьему мастерству. Парню ещё никогда не доводилось сражаться в настоящих, не учебных поединках и тем более убивать. В своём селении Нил видел много поверженных врагов, значит зомби не бессмертны и их можно победить. Юноша согнул ноги, принимая боевую стойку, готовый молниеносно броситься на противника. Мертвяки медленно стали расходиться в стороны, окружая парня полукругом.

Их было четверо. Теперь ему удалось рассмотреть их как следует. Враги действительно когда-то были людьми, а сейчас выглядели ужасно: мясо и кожа свисали пластами тут и там, стеклянные взгляды и перекошенные страшными гримасами лица застыли кожаными масками. Зомби, переминаясь с ноги на ногу, урчали и громко порывивали, словно переговаривались между собой. Нил оценивающе окинул противников взглядом. Самым опасным выглядел здоровяк с шестопёром. От его ударов лучше было уворачиваться. Меч Нила мог не выдержать натиска этого оружия. Самый маленький сжимал в руках пику с обрывком вымпела под наконечником. Разобрать гербовый рисунок на истлевшей ткани было уже невозможно. Оставшиеся двое были вооружены мечами. Коротышка неожиданно сорвался с места, выставив впереди себя пику. Возможно, если бы он сидел сейчас на коне, то шансов выжить у Нилуса было бы гораздо меньше, но к пешей атаке юноша был готов. Он тысячи раз повторял этот приём во время тренировок с Риотом: махнул по дуге мечом,

отводя от себя вражеское оружие, одновременно уходя в сторону. Парень совершил движение вокруг своей оси, пропуская несшегося вперед зомби, и, выпрямляя руку, от плеча рубанул по незащищённой шее противника. Клинок легко вошёл в гнилую плоть. Нил завершил движение, готовый снова обороняться, а противник тряпичной куклой свалился на землю. Это был первый человек, не просто убитый Нилусом, а обезглавленный. Хотя был ли он человеком?

Удары врагов посыпались один за другим. Отражая выпады атакующих, Нилус даже не имел возможности для контратаки. Отбиваясь, он быстро перемещался, умело меняя направления. Ожившие мертвецы, пытаясь его настичь, сталкивались, спотыкались и мешали друг другу. Похоже, что зомби не знали усталости, присущей живым людям. Они обрушивали удар за ударом, не сбавляя своего темпа. Шестопёр со свистом рассекал воздух, заставляя Нила с проворностью лесной белки уворачиваться от ударов. Под градом выпадов мечников юноша упустил из виду здоровяка, и тот успел незаметно подобраться сзади. Нил почувствовал дуновение воздуха. Парировал удар атаковавшего спереди зомби и резко припал на одно колено. Смертельное оружие пролетело над головой парня, задевая кончики взъерошенных волос, и с характерным треском пробило череп зомби, неуклюже попавшему под удар своего соратника. Нилус рухнул на землю и, быстро перебирая конечностями, пролез между ног бугая, нападавшего с тыла. Тот пребывал в секундном замешательстве, обнаружив, что попал не в ту цель, в которую метил. Нил в спешке успел ткнуть врага мечом в бедро, но это движение в себе не содержало силы, поэтому выпад получился слабым и оставил после себя лишь небольшой порез. Зомби недовольно хрюкнул, поворачиваясь к угрозе. Нил уже занёс меч, чтобы нанести сильный удар, но в этот момент земля ушла из-под ног. Это оставшийся без присмотра враг налетел сбоку. Оба противника повалились на мёртвую почву. Сильный удар, подкреплённый весом зомби, сбил дыхание и вспыхнул снопом искр в голове Нилуса. Лёжа на земле, парень жадно хватанул пару раз воздух, попытался ударить противника мечом, одновременно перехватывая встречный удар свободной рукой. Враги сцепились. Живой и полумертвый. Рыча по-звериному. Противопоставляя отчаяние ярости. Клинки выпали из рук. Зомби, наваливаясь всем телом, стал тянуться к шее человека. Нил схватил его за запястья, не давая мертвяку обхватить своё горло, одновременно рывками туловища пытаясь сбросить его с себя, но всё было тщетно. Нападавший имел преимущество в весе. Страх, подстёгиваемый гневом, на этот раз был на стороне человека, именно он давал силы сопротивляться напору врага. В другой ситуации, возможно, гниющие пальцы давно бы уже сомкнули стальной захват на шее парня. Руки дерущихся тряслись от перенапряжения. Нил сопротивлялся изо всех сил, и, казалось, начал вырываться из сжимающих его тисками объятий, но в этот момент прямо над ним навис громила с шестипёром.

Здоровяк медленно и торжественно, с долей позёрства, не свойственной смертельным поединкам, встал над головой парня. Мысли бешено бежали наперегонки со временем, нужно было что-то делать. Рука с зажатым в ней шестопером медленно стала вздвигаться для замаха. Парень неистово несколько раз изогнулся как гусеница под атаками муравьёв. Один рывок. Второй. Шестопёр начал своё движение вниз. Третий рывок. Сейчас или никогда! Иначе голова превратится в кашу, расколовшись как перезрелая тыква. Зомби, восседавший на юноше, пошатнулся, теряя равновесие. Вот оно! Нужно ещё поднажать! Рывок, но мертвяк тут же восстановил свою господствующую позицию, позволяя своему приятелю завершить удар. Всё. Это конец.

Глава 4. С надеждой в сердце

В приграничной крепости работа не кипела так активно даже в те годы, когда её, заброшенную и полуразвалившуюся, только начинал заселять беглый люд. Для себя народ строил не торопясь, основательно, каждый надеялся встретить здесь свою старость, поэтому все трудились без спешки. Сейчас Лорель напоминал улей с встревоженными пчелами — люди от мала до велика, кто шагом, а кто бегом, сновали в разных направлениях. Одни собирали пожитки и грузили их на повозки, собирая обоз для эвакуации, другие носили бревна и камни, помогая готовиться к встрече с врагом. Время жадно поглощало каждую минуту, и все прекрасно понимали, что медлить нельзя, поэтому беспрекословно выполняли задания, полученные от лейтенантов капитана Каракки. Сам он постоянно перемещался с места на место, контролируя, подсказывая и помогая, в промежутках устраивая небольшие совещания и раздавая новые указания. Во дворе возле таверны «Сочный кусок» прямо на улице выставили столы. Сюда же притащили огромный котел, в котором тучная веселушка Полетт варила похлебку. В любое другое время вокруг неё уже вился бы рой ребятни. Дети всегда слеталась на запах еды со скоростью арбалетной стрелы. И хотя кухарка была как всегда румяна, а на ее лице сияла улыбка, взгляд ее был потерян, а мысли явно разбегались в стороны как муравьи из своих земляных нор. Не всем удавалось сохранять самообладание, многие женщины и дети ходили с красными от слез глазами, то и дело всхлипывая и поминая мать Луну.

С двух сторон от центральной крепостной стены на паре балок, тараканьими усами торчавшими наверху, были накинута веревки. Старые колеса, не знавшие веревки уже много лет, вращались с жалобным скрипом, поднимая корзины с большими камнями. Наверху их сортировал вездесущий Лондаик, выбирая по ведомым только ему критериям заряды для двух имевшихся в его распоряжении баллист, отправляя остальные, отбракованные глыбы на стены. Они потом пригодятся при обороне, когда головы осаждающих сможет охладить только что-то потяжелее. Некоторые камни он подолгу ощупывал, что-то прикидывая в уме. Со стороны могло показаться, что он, уставший от однообразных поручений капитана Каракки и жизни ординарца, просто наслаждается каждой минутой своего нового поручения. Не все знали, что во времена, когда Динарская империя была сильным государством, а не набором букв в летописях, как ныне, Лондаик имел дело с метательными машинами и знал в них толк. Наконец-то, спустя годы, его умения вновь были востребованы. Сегодня капитан не тревожил своего верного помощника, наоборот, для выполнения мелких поручений к нему был приставлен нагловатый чумазый сорванец с огромной, давно нечесаной и немытой копной волос на голове. Конопатое лицо, широкая в пол-лица улыбка без трех передних зубов и большой нос «картошкой» создавали образ деревенского простачка. Мальчишку звали Притт, он пришел в город пару лет назад, рассказывая всем разные истории, одна душещипательнее другой. Люди жалели сироту, не прогоняли и делились с ним едой. Когда его слезоточивые байки стали надоедать и постоянно обрастать новыми деталями, болтливый мальчуган заметил капитан и определил на конюшню. Сегодня у него была самая важная работа за последнее время — он помогал готовиться к войне, ему это очень нравилось, и он не понимал, почему все вокруг такие хмурые.

— Притт, неси краску, — Лондаик только закончил свою сортировку, отряхнул руки и

поднялся в одну из двух имевшихся башен, где были установлены метательные машины.

Нынешняя крепостная стена когда-то была второй, предпоследней линией оборонительных сооружений. Каждая последующая была выше предыдущей, при такой конструкции, в случае взятия укрепления, защитники отступали вглубь крепости и могли спокойно расстреливать врагов с господствующей высоты. Во время последнего сражения первая линия была основательно разрушена, а её остатки были разобраны переселенцами для своих строительных нужд. В паре сотен шагов позади возвышалась последняя линия обороны с тремя башнями, к которым вели два виадука, заканчивавшиеся подъёмными мостами. Отсюда передняя стена была видна как на ладони и хорошо простреливалась, и если враг добирался до этого места, то его ждал неприятный сюрприз в виде обрыва — мосты поднимались, превращаясь в ворота, за которыми находились металлические решётки, опускавшиеся защитниками для повышенной безопасности. Если неприятель возьмёт штурмом первую линию обороны, то следующая станет для него крепким орешком. Ведь пропасть перед воротами не даст использовать таран, и атакующим придётся сбавить свой пыл.

Баллистмейстер достал из голенища сапога небольшую подозрную трубу и что-то долго и пристально рассматривал на горизонте, водя своим прибором из стороны в сторону, то прикладывая к глазу, то убирая. Сопя от натуги и сгибаясь под тяжестью ведра с краской, на лестнице показался Притт. По его вспотевшему лбу и одышке было видно, что подъем с грузом дался ему тяжело. Лондаик отложил трубу и медленно перевел взгляд на ведро с краской, которое, чуть не выронив из рук, парень поставил в центре башни. От резкого движения краска расплескалась в стороны, попадая на настил укрепления. Парнишка, заметив это и многозначительный взгляд Лондайка, почесал подбородок и с видом знатока изрек: «Ничего страшного, она даже впитаться не успеет, сейчас сбегая за тряпкой!»

— Оставь! Ты что принёс? Я же четко просил тебя добыть немного краски.

— Ну, дак я же запасливый и хозяйственный, — пояснил парень, не понимая, почему его не похвалили за проявленную инициативу, — башня то вона какая большая, да и хатапульта ваша не маленькая, этак я весь вечер в кружках вам буду краску носить.

— А кисть где? Или ты руками собрался башню раскрашивать? — еле сдерживая улыбку, произнес Лондаик.

— Отнюдь, — парень извлек из-за пояса две кисти и ловко начал ими жонглировать, — я и их с запасом взял.

— А этому ты где научился? — Лондаик удивленно наблюдал за чёткими манипуляциями мальчишки. Циркачества он от него ожидал меньше всего.

— Прибился как-то к балагану... Скоморошил... Было дело, — ответил парень, поймав падающие кисти одной рукой, — откуда начинать красить?

— На лбу себе что-нибудь покрась, — засмеялся воин и взял одну из кисточек, оставив мальчишку в недоумении: то ли сейчас прозвучала шутка, то ли приказ.

— Ты бы хотел научиться стрелять из этой штуковины? — Лондаик нежно похлопал метательную машину и посмотрел на нее взглядом, полным нежности и обожания, словно это был его ребёнок.

— Отчего бы и нет, — по-простому ответил парень, — всё равно красить ничего не надо.

— Тогда смотри, слушай и запоминай, — баллистмейстер принялся рассказывать про систему блоков и веревок, рычагов и мерных делений, а Притт внимательно, с

несвойственной ему серьезностью слушал каждое слово. Закончив рассказ, Лондаик нанес какую-то метку на камне, зарядил его в метательную машину, натянул веревку и, посмотрев на мерную планку, сделал пометку на пергаменте, лежавшем на крепостной стене. От кражи ветром его оберегал полупустой кошель с деньгами. Воин дернул за какой-то рычаг, и, громко хлопнув, машина отправила свой снаряд за крепостную стену. Лондаик прильнул к подзорной трубе, сделал очередную пометку и зарядил следующий камень, на котором нарисовал другой символ. Впрочем, не знавшему грамоты Притту все эти буквы и цифры казались одинаковыми закорючками. Сделав несколько выстрелов и оставляя на пергаменте заметки, Лондаик наконец обратил внимание на своего помощника, всё это время лениво переминавшегося с ноги на ногу и с детским любопытством наблюдавшего за манипуляциями воина.

— Ты понял, что я делаю?

Мальчишка запустил ладонь в свою шевелюру, то ли спасаясь от зуда, то ли считая, что так выглядит более умным.

— Дак ясно же — вы метите камни, а потом швыряете их за стену. Но каждый раз натягиваете свою катапульта все сильнее. В первый раз на той планке была первая зарубина, а потом... — мальчишка замялся, считать он не умел, — ну в общем потом была вот эта, и он показал пять пальцев.

Лондаик смотрел на Притта с нескрываемым восторгом и удивлением.

— А ты гораздо смышленей, чем хочешь казаться, — отметил он.

— Смысленный, выглядящий как дурак, проживет дольше, чем дурак, старающийся быть умным, — выдал в ответ Притт, чем ещё сильнее удивил своего учителя.

— Тогда следующим камнем выстрелишь ты. Хочешь?

Такого поворота событий мальчишка точно не ожидал, впрочем, к Лондаику эта мысль тоже пришла неожиданно. Он вспомнил своих сыновей, которые сейчас были бы примерно такого же возраста, как этот мальчуган, и, видимо, в нём проснулись отцовские инстинкты, крепко дремавшие все последние годы. К тому же баллистмейстеру давно хотелось поделиться с кем-нибудь своими знаниями, а другой возможности могло больше не представиться.

— Конечно! — оживился мальчуган, — это занятие было гораздо интереснее, чем просто стоять и смотреть. Тем более после сегодняшнего дня Притт сможет хвастаться всем, что он стрелял из метательной машины!

— Есть время стрелять камнями и собирать их. Сейчас отправим в полёт еще несколько камней и пойдем за стену, — Лондаик потянул за рычаг, заставляя катапульта выплюнуть ещё один заряд. Сегодня предстоял длинный и монотонный день. От его результатов зависело многое в предстоящей битве.

— Да, и захвати тележку — говоря про сбор камней, я не шутил, — добавил он и отряхнул руки.

Первые повозки с женщинами, детьми, стариками и частью мужчин для охраны каравана с рассветом выехали из крепости. В Лорель остались только некоторые мастера и их семьи, ещё не закончившие свою работу, а также воины — те, кто должен был задержать надвигающиеся силы противника, дать возможность семьям отъехать как можно дальше и продержаться до прихода подкрепления. Хотя капитан знал, что никто не придет на помощь защитникам крепости, он не выражал эту мысль публично, полагая, что она будет пагубно

влиять на мораль его солдат. Далеко за воротами находилось несколько дозоров, которые должны были заранее обнаружить передовые отряды противника и доложить об этом в Лорель. В крепости велись последние приготовления. Большого из того, что они успели сотворить за истекшие дни, нельзя было сделать. Каракка сидел во дворе перед таверной и был погружен в свои размышления. Языки пламени, плясавшие перед ним в костре свой замысловатый танец, отбрасывали на стены тени, в которых капитан видел отголоски былых сражений. Одна тень стала более отчетливой, застилая собой все остальные. Великану Гершшафу было тяжело оставаться незамеченным даже в ночное время.

— Капитан, я принес тебе свой подарок, — без излишних предисловий пробасил кузнец со свойственным его народу акцентом и положил на стол какой-то сверток.

— Что это? — Каракка осторожно начал разворачивать презент.

— Я давно конструировал этот арбалет и недавно завершил свою работу. Я думал, что это будет моим путем к богатству. Придумывать новое оружие и продавать его армиям лордов — прибыльное дело, но, видимо, судьба распорядилась иначе. Жаль будет оставлять свою кузню и лабораторию, а потом начинать всё сначала... Если вообще это начало будет...

— Друг мой, отбрось эти хмурые мысли, мы обязательно выберемся из этой передраги! — излишне оптимистично подбодрил его капитан, хотя глядя на великана снизу вверх, понимал, что поддержка ему не особо нужна. Он продолжил рассматривать подарок и извлек из свертка арбалет, небольшой и легкий. Его рукоять удобно ложилась в ладонь. Оружие было украшено замысловатыми узорами и не имело приклада, но и без него плотно сидело в руке, практически являясь её продолжением. Элегантная машина убийства, изготовленная для людей благородных кровей. Капитан попытался натянуть тетиву, его мускулы вздулись от натуги, но взвести оружие ему так и не удалось.

— Тетиву я сделал из металлических нитей, — Гершшаф ответил на молчаливый вопрос капитана и тут же пояснил: «Он стреляет болтами и предназначен для ближнего боя. С расстояния до пятнадцати шагов он пробивает любой доспех. Вводится он вот так.»

Великан достал из своей наплечной сумки ещё один экземпляр оружия, точную копию подарка, но большего размера, судя по всему его он делал для себя. Нажав пальцем на выпирающую в углу пластину, кузнец с металлическим лязганьем переломил арбалет пополам и вернул в исходное положение. Капитан, будучи старым воякой, никогда прежде не видел подобного оружия. Ещё больше он удивился, когда увидел в арбалете болт, которого мгновения назад там не было.

— Заряды поступают из этой коробочки, — продолжил объяснение великан, показывая на детали своим огромным пальцем, — их туда вмещается пять штук. Затем коробочку нужно сменить, это делается вот так, — Гершшаф сделал несколько манипуляций, и из нижней части арбалета выскочил продолговатый предмет. Он был идентичен своему собрату со стрелами, великан повертел диковинную вещь в руках, демонстрируя капитану, и вставил обратно.

— Я сделал тебе двадцать болтов и две коробочки. Если в бою заряды заканчиваются и сменить их нет возможности, можно после взведения просто положить заряд сверху, — свои слова великан сопровождал демонстрацией, а капитан, не теряя времени, уже всю проводил аналогичные манипуляции со своим оружием.

— Я безгранично благодарен тебе, Каракка, за то, что ты позволил мне, изгою горного народа, жить и работать здесь. Это мой подарок в знак признательности и уважения, — горный великан неожиданно для коменданта крепости завершил свою демонстрацию на

сентиментальных нотках, не свойственные этому могучему великану.

— Спасибо, Герштаф, — капитан пожал протянутую руку. Его далеко не маленькая по людским меркам ладонь казалась в ней крошечной.

— Это еще не всё, — великан замолчал, раздумывая. Было заметно, что он не принял окончательного решения и ещё сомневается. После недолгой внутренней борьбы он произнес: «Когда меня изгнали, ты позволил мне набить татуировку этого города. Он стал для меня вторым домом. Я полюбил этих людей и хочу сделать так, чтобы у всех нас был шанс на выживание. Я давно работал над одним оружием, пойдем ко мне в мастерскую, я хочу показать тебе его. У меня есть план, он поможет нам продержаться чуть дольше, чем мы можем.»

Капитан верил в судьбу и в очередной раз убедился, что всё в жизни взаимосвязано, поступки всегда порождают последствия, а они потом меняют ход истории. Главное — чтобы они были верными. Каракка никогда не жалел о принятых решениях и в очередной раз убедился, что был прав в тот момент, когда разрешил этому здоровяку укрыться в Лорель.

Кин Кирей сегодня находился в прекрасном расположении духа. Почтовый ястреб от разведчиков принёс ему отличную новость. Его отряд находился в каком-то дне пути от крепости, закрывавшей проход в земли тусклоголовых. Когда-то пятнадцать его предков, включая деда и отца, сложили свои головы под стенами Лорель. Теперь у грозного воителя был шанс отомстить потомкам тех, кто убил его родичей. Огнеголовые были прекрасными наездниками — их ящерицы гаркхи были выносливее лошадей и гораздо опаснее в бою. С самого детства им обрубали хвосты для того, чтобы при галопе они не мешали другим всадникам мчаться в строю. Эти существа хорошо поддавались дрессировке и были опасны в атаке благодаря своим острым зубам. Сейчас отряд в пятьсот всадников мчался по пустынной земле, поднимая в небо клубы пыли. На их лицах были нанесены угловатые узоры клана Кирей, а в ярко-красные волосы были вплетены алые ленты, устрашающе развевавшиеся на ветру. В центре колонны располагались телеги и повозки, которые везли припасы, оружие, разобранные осадные приспособления и запасы стрел. Вождь ехал в прочной повозке, обитой листами железа, запряженной тремя парами гаркхов. Внутри было все, что необходимо для комфортной жизни: две лавки с бортами для сна, небольшой стол и трон, на случай если во время поездки нужно будет принимать официальных гостей. В этот поход Кин Керей взял свою старшую дочь — Кенну. Так получилось, что боги не дали вождю сыновей. Трех знахарей, гарантировавших рождение наследника, но так и не сдержавших своё слово, он разорвал ящерицами. Главы других племён за глаза подшучивали над Кином, и сейчас переполненный надеждами, он ожидал появления сына, который в ближайшее время должен был появиться на свет. А пока этого не произошло, он пытался сделать из своих дочерей настоящих воинов. Кенна была крепкой девушкой с грубыми повадками. В рукопашной схватке она превосходила всех своих сверстников — мальчишек и даже не уступала многим опытным воинам. Ей шёл четырнадцатый год, и настало время учиться премудростям управления войсками. Основные силы шли далеко позади, во главе с представителем дома Гангенов — графом Гибблом. Это был родственник молодого короля — Ледрика, который являлся его близким другом, советником и наставником. Правитель Западных земель обещал щедрую награду тому, чей штандарт будет первым поднят над стенами Лорель. Несколько кланов отправили свои отряды для того, чтобы они были первыми, Кин Керей был в их числе. Это была хорошая возможность прославить свой род,

заработать деньги и получить больше доверия со стороны коронованной особы. Огнеголовые были прекрасными воинами, но излишняя гордость и тщеславие не позволяли кланам объединиться. Они презирали всех, кто населял западную часть материка. Тусклоголовых — за то, что каждый из них как минимум на треть был выше любого представителя вольных кланов, а звероловов за то, что они были слишком сплочены и дики, но ещё больше они не любили своих сородичей из других семей, потому что каждый считал свой клан старше и знатнее. Дорога уже начинала утомлять, и Кин Керей изнемогал от ожидания предстоящего штурма. Он жаждал скорее увидеть стены легендарной крепости и оросить свою саблю кровью её защитников.

— Отец, а что будет, если мы не успеем? Если мы доберемся до Лорель, когда её уже возьмут другие отряды? — Кенна оторвалась от чтения толстой книги в кожаном переплете. В ней были записаны правила войны, которые должен был знать наизусть каждый высокородный огнеголовый, желавший стать военачальником. Все кланы дорожили своими книгами, они постоянно дополняли их новыми премудростями военного дела и передавали по наследству. Помимо этого, в них записывались все ратные подвиги предков, зачастую приукрашенные и оторванные от реальности. Но это было очевидным: мало кому хотелось писать о трусости и бегстве с поля сражений своих родичей, когда можно было описать поражение как разумный отход на резервные позиции.

— Кто торопится стать первым, тот получает первые стрелы, — ответил отец цитатой из книги, — Кенна, когда-нибудь ты станешь главой клана и будешь именоваться Кенна Керей. Для этого тебе придется многому научиться и через многое пройти. Ты должна быть умной, рассудительной и безжалостной. Страх — вот основа силы, позволяющей править. Ничто другое, только страх. Твои враги должны трястись только при одном лишь упоминании клана Керей!

Дочь внимательно слушал отца. Она отложила книгу и смотрела в окно повозки. Это был её первый большой военный поход, и Кенна с мальчишеским восторгом ждала первого боя. Она много училась верховой езде и фехтованию, прекрасно владела пикой и луком, и ей не терпелось проявить свои умения в сражении, которое войдет в историю их рода. Ей доводилось убивать людей. Отец частенько устраивал для дочери тренировки на пленных, но все эти поединки были далеки от настоящей войны. Девушка частенько перед сном фантазировала о том времени, когда станет великим полководцем, вырвет языки всем злопыхателям, и её мудрые изречения добавят в семейную книгу.

— Скажи мне, как разбивать походный лагерь? — отец решил проверить познания дочери небольшим внезапным экзаменом.

— В центре располагается главный шатёр, вокруг него палатки командиров, затем все остальные. Наружное кольцо составляется из походных телег — они помешают внезапной кавалерийской атаке неприятеля, и в случае необходимости за ними можно укрыться. Перед ними привязываются гаркхи — они умеют «лизать воздух» и издали чувствуют приближение чужаков с расстояния до пятисот шагов. В случае опасности они поднимут тревогу.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул головой Кин Керей, — а как ты поступишь, если перед крепостью одновременно окажется несколько отрядов разных кланов?

Девушка задумалась. Она была храброй и боялась показаться отцу трусихой, поэтому сразу же повела бы своих воинов на штурм, но она помнила замечание отца. Кенна задумалась.

— Ну же, отвечай! — поторопил её вождь.

— Я... Я засыпала бы тусклоголовых на стенах градом стрел. Это был бы настоящий ливень смерти, который бы не позволил им даже выглядывать в бойницы. Под таким прикрытием наши воины легко одолели бы укрепления и открыли ворота!

— Мы не знаем, сколько в крепости защитников, — возразил отец, — а если их в разы больше, чем всех наших отрядов? Сколько стрелков ты бы оставила для прикрытия и сколько воинов отправила бы на штурм? Днём лучше напасть или ночью? — отец продолжал своё испытание. И по его интонации было ясно, что он ждёт от дочери правильного ответа.

— Конечно, днём! Ночь — время звероловов, — с лёгкими нотками возмущения буркнула Кенна. Как истинный огнеголовый, она презирала этих дикарей, и её возмущал военный союз с этими полулюдьми. Ночью это отребье отправит своих ползунов, и они в два счета вскарабкаются на стены, водрузят свой штандарт и получают славу победителей и деньги от короля Ледрика!

— Конечно, водрузят, если их не смоют со стены огненной смолой или кипятком, — усмехнулся Кин Керей, — он не доверял звероловам и справедливо считал, что их смерть лучше, чем гибель его воинов. Если дикари вымотают защитников, это поможет его отряду при штурме. Вождю приходилось несколько раз видеть в деле разъяренных звероловов. Им не хватало слаженности и дисциплины, но они компенсировали это своими инстинктами и невероятной силой. Впрочем, их временем была ночь — они были истинными детьми Луны, и при свете солнца вряд ли бы осмелились начать атаку.

— Дочь, совсем скоро мы прибудем к стенам крепости, и первым делом нужно оценить обстановку. Лучше всего пропустить вперед один из кланов и посмотреть, что из этого выйдет. Ни одна крепость в мире не была взята в первый день штурма, зато многие из нападавших лишались своих голов в первые часы атаки. Сейчас я предлагаю хорошенько отдохнуть. Впереди нас ждет заслуженная слава, а я предпочитаю встречать её бодрим.

На этих словах Кин Керей откинулся на спинку своего походного кресла, скрестил руки на груди и закрыл глаза, демонстративно погружаясь в сон. Его дочь не стала следовать примеру отца, она снова открыла книгу и принялась за чтение. Глава клана Керей едва заметно приоткрыл глаза и скосил взгляд на Кенну, заметив, как та усердно впитывает знания. Уголков губ слегка коснулась едва заметная улыбка. Так мог улыбаться только счастливый отец, знавший толк в правильном воспитании наследников или, по крайней мере, так считавший. А ещё он мечтал о сыне, который не родился, но в последнее время очень часто появлялся во снах.

Глава 5. Зов из старого склепа

Нелепая смерть глупого мальчишки, так и не успевшего помочь своей сестре. Ну почему? Мать Луна, помоги мне! Где твоя забота, когда я в ней так нуждаюсь?! «Я никогда ничего для себя не просил и больше никогда не попрошу, дай мне силы выжить! Не позволяй мне умереть!», — мысли, стремительно набирая обороты, одна за другой улетали прочь в небо, на котором виднелся белёсый контур Луны. Рука противника замерла, так и не закончив движение, и владелец шестопёра стал оседать на жухлую траву, распадаясь поперёк на две части от плеча до поясницы. «Неужели мои молитвы были услышаны?!», — Нил замер. Он не ожидал такого внезапного спасения. Сидевший на парне зомби замороженно посмотрел на разрубленное тело своего товарища. И в следующий миг его голова, поливая всё вокруг чёрной кровью и гноем, отлетела в одинокий засохший куст. Нил скинул с себя обезглавленное тело и откатился в сторону.

— Спасибо, мать Луна, за спасение, — едва шевеля губами, произнёс Нилус. Он лежал на спине, тяжело дышал и смотрел в небо. Юноша не понял, что произошло. Главное, что он был жив. Облака медленно уползали в сторону, сливаясь в черты человеческого лица. Вернее, это и было лицо. Над Нилусом склонился человек.

— Эй, парень, ты цел?

Видение было размытым, от недостатка кислорода кружилась голова, а перед глазами плясали яркие искорки. Наконец, зрение сфокусировалось.

Покрытое слоем дорожной пыли лицо озаряла улыбка. Длинные засаленные волосы свисали сосульками чуть ниже плеч. Массивный металлический обруч, обрамляющий голову, был покрыт рубцами и зазубринами. Видимо, головной убор не раз спасал своего владельца от разрушающей мощи вражеских ударов.

— Ты жив, малец? — не дождавшись ответа, спросил мужчина снова.

Сильные руки помогли подняться. Теперь Нил мог разглядеть своего спасителя с ног до головы. По одежде было понятно, что перед ним стоял воин. На груди лёгкая кираса, украшенная геральдическим рисунком. Коричневый камзол, длинные перчатки с металлическими набойками, длинный походный плащ. Воин был высоким и худощавым. Впалые щёки на вытянутом лице покрывали заросли щетины.

— Тебе крупно повезло, что мы немного сбились с пути и услышали шум вашей схватки. Будь я следопытом похуже, не довелось бы мне с тобой разговаривать.

Нилус, не моргая, смотрел на воина.

— Ты немой, парень, или во время драки язык проглотил? — незнакомец отёр длинный клинок о пучок сухой травы.

— Ну что ты набросился на парня, Бриар, — второй голос, высокий и мелодичный, как журчание ручья, зазвучал так же неожиданно, как если бы на берегу с тобой заговорила рыба, выловленная только что из реки, — не видишь, он ещё не может оправиться от схватки.

Из-за спины воина появился хозяин голоса. Вернее, хозяйка. Чуть выше Нилуса. Короткие светлые волосы торчали соломой из-под кожаной шапки с меховым кантом. Миловидное личико с плавными чертами лица, большие голубые глаза с длинными ресницами и полные обветренные губы. Издалека её можно было легко принять за парня. На

девушке был надет охотничий костюм: походный тёмно-зелёный плащ и лёгкая кожаная куртка.

Нил встретился взглядом с незнакомкой и смутился, понимая, что неприлично долго её разглядывает.

— Ты в порядке? — незнакомка мило улыбнулась, и Нилус заметил на её лице веснушки, пробивающиеся сквозь дорожную пыль.

— Отвечай, что стоишь как вкопанный, словно увидел демона из ночного кошмара, — воин легонько подтолкнул Нила в плечо.

— Я уже прощался с жизнью, а тут вы! — Нил переводил взгляд с одного своего спасителя на другого. — Наверное, мать Луна послала вас специально, чтобы не дать мне умереть!

— Меня зовут Гана, — девушка прижала руку к своей груди, — а это Бриар, — она указала на воина. — Мы путешественники. Как тебя зовут? Ты здесь живёшь?

— Меня зовут Нилус, я посыльный и живу здесь недалеко...

— Ого, да в твоих руках настоящий раритет, — заметив оружие Нилуса, отметил воин. — Давненько не видел таких коротких мечей.

— Он достался мне от отца, — словно оправдываясь, ответил юноша, — другого у меня нет.

— Но и с ним ты отлично управляешься, хотя это оружие требует отточенной техники. Кто обучал тебя?

— Мой наставник...

— Хорошо, значит твоя деревня рядом? Мы можем там пополнить запасы провизии и поменять коней? — перебила юношу девушка.

Пока она говорила, воин отошёл в сторону и подобрал с земли дорожные сумки, в спешке сброшенные путниками перед боем.

— Мою деревню разграбила и сожгла нежить. Они убили всех жителей, а мою сестру похитили, — путаясь в словах, объяснил Нил.

— Странно... Зачем им живой человек? — произнесла Гана, словно знала все повадки зомби.

— А почему мертвяки унесли только её? — Бриар сказал эту фразу в пустоту, но юноше показалось, что этими словами он укоризненно говорил: «А где в это время находился ты?».

— Я вернулся в селение, когда оно уже сгорело, — начал яростно оправдываться Нил, — единственным ещё живым человеком был Риот. Он и рассказал, что мою сестру похитили!

— Ты знаешь Риота? — удивление воина было столь искренним, словно Нил только что рассказал ему все секреты мироздания, которые отличались от знаний, впитанных ещё с молоком матери, — давненько я не видел хозяина этого имени!

— Да, это мой наставник. Он мне... Он мне как отец. Вы тоже знаете его?

— Я не видел его уже более десяти лет! — Бриар оживился, — Мы воевали с ним плечом к плечу ещё во времена царствования короля Витора! Где он сейчас?

— Когда я добрался до посёлка, то обнаружил лишь пепелище, — продолжил объяснять парень, — Я нашёл Риота в центре площади, устланной мёртвыми врагами. Я не знахарь, но как смог обработал его раны и помчался догонять похитителей, — и после небольшой паузы, словно оправдываясь, добавил: «Нужно было спешить...».

— Эти зомби действовали весьма слаженно, — девушка поддела носком сапога

мертвяка, — значит поблизости находится кто-то из культистов.

— Культистов? Кто это? — Нилус нашёл свой меч и поднял его с земли.

— Служители культа бога Мора. Безумного бога смерти, — Бриар медленно осмотрелся по сторонам и вставил меч в ножны. Взгляд говорил, что воин готов вступить в бой при возникновении малейшей опасности. — Культисты создают этих тварей и руководят ими. Без контроля со стороны зомби весьма глупы. Они настолько тупы, что не смогли бы устроить засаду, скорее бы просто кинулись друг на друга. Злоба переполняет их тела, а адепты культа Мора держат своих слуг на поводках, спуская в нужный момент. Видишь, земля здесь сухая и мёртвая. В деревьях нет и признака жизни, значит поблизости источник мёртвой магии, и он находится здесь давно.

— Нам нельзя здесь задерживаться. Гиблое место, — сделала заключение Гана, произнося слова немного отрешённо, словно прислушиваясь к чему-то. — Здесь пахнет смертью...

— Если верить легендам, тут должно быть кладбище людоедов, — подтвердил опасения девушки Нил. — Дед рассказывал, что их поселение во время войны сожгли солдаты империи.

— Тем более дело плохо. Ты с нами? — Гана задала вопрос таким тоном, что становилось ясно: второй раз уговаривать никто не будет.

— Нет, я должен спасти сестру! Идите в том направлении, выйдете к посёлку, если вы умеете читать следы, это будет сделать не трудно. Зомби оставили их там в избытке.

Не успел юноша закончить фразу, как земля закипела от разломов, сквозь пласты почвы стали прорастать костлявые руки в догнивающей одежде. Нилус вскрикнул, когда одна из них схватила его за щиколотку, стал пятиться назад, но, удерживаемый костлявой кистью, потерял равновесие и упал. Бриар коротким резким ударом перерубил её пополам.

— Вот видишь, я был прав! Поблизости чародей культистов, — казалось, Бриар был очень рад подтверждению своей теории. Он перерубил ещё одну ретиво тянущуюся из-под земли руку. — Беги, малец, мы их задержим.

— А как же вы? — Нилус немного замешкался, разрываясь между желанием помочь своим недавним спасителям и намерением продолжить преследование похитителей Зары.

— Мы справимся! — девушка достала из ножен саблю, спрятанную за полой плаща.

— Беги, спасай свою сестру, — задорно выкрикнул воин, поигрывая мечом и отрубая одну за одной конечности, которые как цветы всходили из-под земли.

Нил со всех ног бросился вперёд, перепрыгивая через тянущиеся к нему костлявые пальцы. Племя людоедов по воле неведомого чародея даже после своей смерти собиралось отомстить людям. Видимо, легенды об их захоронении не были вымыслом. Парень бежал вперёд. Он не сбегал — он стремился. Нил был уверен, что с девушкой и воином будет всё в порядке. Они найдут Риота и помогут ему. Если он жив. Неуверенность стала вырываться наружу, карабкаясь по верёвке колокола, набатом звеневшем в голове: «Ты бросил наставника умирать! Ты бросил своих новых друзей! Ты бросил сестру в посёлке! Тебя не было рядом, когда ты был так нужен! Ты бежишь всю жизнь!». И Нил бежал так быстро, как только мог. Ведь быстро передвигаться на дальние расстояния было частью его жизни.

Уже смеркалось, когда парень вышел к небольшой просеке. Дорога из трухлявых пеньков упиралась в склеп. Поросший мхом, он походил на небольшую гору с каменным резным входом, одиноко возвышаясь посреди небольшой искусственно созданной поляны. Из тёмного проёма тянуло холодом. Без освещения идти в царство мрака было равносильно

самоубийству. За пятнадцать лет своей жизни Нил научился быть готовым к любым неожиданностям. Он снял с ноги несколько полосок ткани, намотанных вокруг щиколотки специально для таких случаев. Небольшой бурдюк с маслом всегда висел на бедре. Нил вспомнил, как однажды второпях отхлебнул из него, перепутав с другим, в котором хранил походный запас воды. Ох, и долго же он тогда отплевывался! Чтобы больше не ошибаться, парень завязал на шнурках разное количество узелков. Расстелив на земле матерчатые полоски, он обильно полил их маслом. Найдя крепкую палку, он намотал на неё одну из тряпок, остальные обернул вокруг запястья второй руки. Точно не зная, долго ли придётся находиться в мрачном подземелье, Нил расчётливо решил, что запасное питание для огня может ему пригодиться. Два удара огнивом, и собранный на скорую руку факел полыхал, давая возможность всматриваться в темноту.

Несмотря на то что Нилус старался идти осторожно, каждый шаг гулко отражался под сводами склепа. Он изо всех сил вжимался в стены, медленно продвигаясь по ступеням, но всё равно сердце стучало слишком громко. Его биение сейчас звучало словно удары молота о наковальню, эхом отражаясь в голове. Казалось, на этот звук вот-вот отовсюду начнут сбегаться враги, хотя Нил прекрасно понимал, что огонь, разрезающий темноту и делающий его не таким одиноким в этой чёрной пустоте, привлекал гораздо больше внимания. Нилус сильнее вжался спиной в стену и осторожно продвигался вперёд, держа над головой факел одной рукой и неистово сжимая рукоять обнажённого меча второй. Сталь просила крови, а душа Нилуса требовала мести. Вдвоём они отгоняли страх, накатывавший из глубин катакомб волнами затхлого воздуха. Этот меч достался юноше от отца, а откуда он появился у него, Нил не знал. Матушка не рассказывала об этом, а на все вопросы лишь пожимала плечами. Насколько парень мог разбираться в оружии — это была очень старая вещь. Сейчас у воинов мечи и сабли были гораздо длиннее, Нилус не раз обращал на это внимание, когда бегал с поручениями в Лорель. Наставник Риот, когда впервые увидел это оружие, был искренне удивлён. Как заявил тогда этот опытный охотник: «Давненько не видел таких древних вещей». Скорее всего его ковали горные великаны в те времена, когда уже освоили обработку железа и закалку клинков, в то время как люди в основном использовали бронзовое оружие. Тогда этот меч мог стоять очень много, а сейчас подобные вещи встречались не так часто, хранясь как семейные реликвии или становясь собственностью тех людей, кто не мог себе позволить заказать кузнецу оружие с нормальной длиной клинка. Вопреки опасениям, никто не бросался на незваного гостя. Из стен не вырастали руки. Из темноты не появлялись огни демонических глаз. Спуск затягивался, превращая минуты в бесконечность. Наконец, впереди появился едва различимый свет. По мере приближения он отчётливо выделялся рамками дверного проёма. Сквозняк приносил шорохи и приглушённые звуки, шедшие оттуда. Волнение внутри парня усилилось. Он понял, что добрался до логова врага. Нилус удобнее перехватил рукоять меча. Положил факел на холодный каменный пол. Ступени кончились, упираясь в небольшую квадратную площадку. Юноша двигался по самому краю, стараясь буквально слиться с камнями. В полумраке он был едва различим на фоне стены. Перепачканное грязью лицо выдавали только два белевших пятнышка глаз. Подкравшись ко входу, Нилус осторожно заглянул внутрь. По краям овального зала, переминаясь с ноги на ногу и медленно раскачиваясь из стороны в сторону, стояли мертвяки. Зомби были безоружны. Если бы они не двигались, их легко можно было бы принять за статуи. Это суетливое топтание делало мертвяков похожими на собак,

вынужденных сидеть на месте в ожидании команды хозяина. Вдоль всей противоположной стены тянулись ряды полок с книгами, мешочками и бутылками причудливой формы. В центре зала находился человек, склонившийся над большим прямоугольным камнем, заменявшим ему стол.

— Не стесняйся, проходи, я ждал тебя, — произнёс он, не поворачиваясь к Нилусу.

Парень вошёл внутрь. Расположенные по периметру зала масляные лампы разгоняли мрак в помещении. Языки огня играли тенями на стенах, своим танцем делая и без того мрачную атмосферу ещё более зловещей. Нил сделал несколько шагов и только тут заметил босые ноги на каменном кубе. Правую щиколотку оплетал витой бронзовый браслет, доставшийся сестре от матери. Зара! Парень бросился вперёд, но, получив удар под дых, отлетел назад. В порыве гнева юноша не заметил зомби, стоявшего совсем рядом.

— Не так быстро, мой мальчик, — довольно улыбаясь, произнёс незнакомец хриплым голосом, — не так быстро!

Наконец-то хозяин комнаты повернулся к своему гостю, и Нилус смог его разглядеть. Бледное лицо выглядело устрашающе из-за татуировок, нанесённых на кожу. Глубоко посаженные глаза, обильно обведённые тёмной краской, безумно смотрели из глубин черепа. Хищный оскал, застывший на лице, придавал внешности незнакомца звериный вид. Нил ощутил на себе тяжёлый пронзительный взгляд, полный силы, которой хотелось подчиниться.

Нил тряхнул головой. Наваждение прошло.

— Ты превосходен, — продолжал скалиться человек, — ты гораздо сильнее, чем я думал. В тебе определённо есть воля! Желание сопротивляться! Давно я не получал столько нужных мне эмоций.

— Это ты насрал на мой посёлок мертвяков, убивших всех жителей? Это ты приказал им похитить Зару? — Нил не задавал вопросы, он зачитывал обвинение.

— Да, это сделал я. Видишь ли, мой мальчик, страх, горе, слёзы — все виды человеческой трагедии делают меня сильнее. Они растворяются в моей крови и текут по моим жилам, позволяя совершенствовать моё мастерство. Я выше тебя, выше каждого простолюдина, потому что мне неведомы человеческие слабости: любовь, преданность, привязанность...

— Что ты сделал с моей сестрой? — Нилус заметил, что девочка лежала не шевелясь и смотрела перед собой не моргая. Только по едва вздымавшейся во время дыхания грудной клетке можно было понять, что она жива.

— Я её превратил в зомби, — захохотал хозяин склепа. — Злишься! Я чувствую, что ты злишься! Твоя сестра жива, просто я наложил на неё чары сна.

— Верни мне сестру или я вспорю тебе брюхо! — угрожающе прорычал сквозь зубы Нил.

— Горячий норов! Агрессия! — ты знаешь, я давно не пробовал столь изысканных букетов из чувств. Обычный страх уже приелся мне. Те жители в деревне, они были слабаками. Безвольно умирали, погружаясь в тоску. Это уже меня не вдохновляет. Твой страх, твой гнев, твоё горе, твоя ярость! Они стоят жизнью целого поселения. Когда я в первый раз отведал твоего отчаяния, в моей голове созрел план, как насладиться тобой в полной мере. Я стал лишать тебя всего, что было тебе дорого. Время не имело для меня значения, ведь спешка вредит приготовлению кулинарного изыска...

Нил слушал бред безумца, лихорадочно соображая, как его убить. Воин в лесу говорил,

что зомби, оставленные без присмотра культиста, управлявшего ими, становятся глупыми. Значит был шанс выбраться отсюда, нужно было только убить кукловода. Гнев с новой силой закипел внутри парня.

— Мммм... — блаженно протянул хозяин склепа, — ты просто неисчерпаем. Наверное, я посажу тебя на цепь и на твоих глазах буду мучить твою сестру до тех пор, пока не выпью тебя всего до дна. Ты, наверное, думаешь о том, как меня убить?

Интонация культиста сменилась на издевательски-снисходительную: «Ты, наверное, думаешь, что сам победил зомби? Или считаешь, что провидение и случай помогли тебе? А может быть это ваша мать Луна?».

Колдун громко рассмеялся.

— Я и только я не дал тебе умереть! Кукловод никогда не позволит своим игрушкам нанести вред зрителю, который приносит золотые монеты. Это я позволил тебе победить моих марионеток! Я позволял надежде появляться внутри тебя, чтобы она, отгоняя на время безысходность, питала твои страхи, ненависть и злость!

Нилус хотел броситься вперёд, подстёгиваемый гневом, но тут же успокоился, понимая, что каждое проявление эмоций только на руку противнику.

— О! Ты действительно уникален, ты так быстро подавил в себе гнев. Я впечатлён! Но самое комичное в этой ситуации то, что ты не знаешь, кто ты такой на самом деле, — чародей расплылся в широчайшей улыбке, — ты не представляешь своей ценности. Я очень долго искал тебя, а когда нашел, проверял истинность своих предположений. А сколько мне пришлось прятаться, чтобы выждать подходящего момента? Наконец это время настало! Теперь ты мой!

Мальчишка не вслушивался в слова полоумного колдуна, то что культист был безумен, читалось из его взгляда. Вместо того чтобы тратить время на пустую болтовню, Нил искал варианты спасения. Наконец-то тонкий лучик надежды пробился сквозь сплошную тучу безнадёжности. У юноши созрел план. Нужно было действовать решительно и быстро. Нил поднёс к своему горлу меч.

— Отпусти мою сестру, — совершенно спокойно произнёс он. — Тебе ведь нужен я, верно? Я ведь очень ценен? — Культист замер, словно к чему-то прислушивался. Улыбка сползла с его лица.

— Отпусти Зару, и я останусь здесь с тобой. Даю слово, — в голосе парня послышалась непоколебимая решительность, твёрдая, как стены самой неприступной крепости.

Ближайший к Нилусу зомби сделал шаг.

— Стой! Отзови своих мёртвых цепных псов, или, клянусь, я перережу себе глотку. Ты ведь не хочешь испортить свой обед? Ты ведь желаешь выпить меня до дна!?

Лицо колдуна стало злобным. Он не ожидал, что этот наглый мальчишка, его изысканный обед, эмоциями которого он только что манипулировал, начнет диктовать условия.

— Я чувствую кровь твоего отца, она бурлит в тебе. Она говорит со мной! Слушай меня, слушай мой голос, — зашипел культист, — слушай меня...

Голос последователя культа Мора разбился на множество частей, словно сотни ртов зашептали слова в сумрачном склепе. Перед глазами юноши поплыли круги, размывавшие очертания комнаты... Сырое холодное помещение каменного подвала исчезло. Стало тепло и светло. Солнце согревало Нилуса своими лучами. Оно ему улыбалось. Свежий ветер приносил едва уловимый запах полевых цветов. Над головой не было ни облачка, лишь

несколько птиц, кружась в причудливом танце, нарушали безмятежность неба. Нил сидел на вершине холма, глядя на свой посёлок. Люди ходили по своим делам. Жизнь шла размеренной чередой. Соседский парнишка Тонас, скучающий на смотровой вышке, приветливо взмахнул рукой. Нил в ответ поднял свою и с удивлением обнаружил зажатую в ладони палку. Откуда она? Палка удобно лежала в руке и была достаточно тяжёлой для деревянного предмета таких небольших размеров.

— Здравствуй, Нилус...

Юноша повернул голову на голос. Совсем рядом стоял мужчина. Лицо его казалось таким знакомым, но память отказывалась его узнавать.

— Добрый день, — осторожно произнёс юноша.

— Неужели ты не узнаёшь меня? Взгляни на меня внимательней...

Нил ещё раз внимательно посмотрел на собеседника. Обычный, ничем не примечательный человек. Мысли забегали как древесные жуки по подгнившему дереву, заглядывая в самые потаённые уголки памяти, но лицо этого человека сравнивать было не с чем. Нилус отрицательно покачал головой.

— Я не знаю тебя...

— Это же я, твой отец! — фраза прозвучала печально и укоризненно.

Тут же, словно разбуженная этими словами, память дала утвердительный ответ: перед Нилусом стоял действительно его отец. Черты его лица стали такими родными. Они согревали душу, вырываясь наружу тысячей вопросов, которые хотелось задать отцу за годы его отсутствия, но Нилус задал лишь один: «Отец, зачем ты покинул нас?».

— Я не уходил. Я был всегда рядом. Иди ко мне, я хочу обнять тебя! — отец приветливо раскинул руки в стороны.

Нилус сделал несколько шагов вперёд. Улыбка, давно не появлявшаяся на его лице, наконец-то засияла во всю свою ширь. Папа. Он так отвык от этого слова.

— Выбрось свою палку, зачем она тебе нужна? — отец сделал шаг навстречу.

Палка. Нил всё ещё сжимал её в своей руке. Странно, Нилус не помнил, зачем она ему понадобилась и где он её нашёл. Она напоминала что-то, какой-то очень знакомый предмет, но юноша не мог найти подходящего образа. Эта вещь была связана с чем-то родным и близким... С отцом... Ладони что-то обожгло. Меч! Оружие вновь приобрело свой истинный вид. Видения исчезли. Нил вернулся из галлюцинации обратно в сырой подвал. Культист стоял совсем рядом, готовый схватить Нилуса. Он рванул вперёд, пытаясь перехватить кисть мальчишки, сжимающую оружие. Юноша резко выбросил руку с мечом вперёд. Клинок легко вошёл в живот чародея. Его глаза застыли в удивлении. Он посмотрел на торчащий из своего брюха предмет и стал медленно оседать на пол.

— Ты... убил меня!? — захрипел умирающий чернокожик. Он несколько раз конвульсивно содрогнулся и затих. В тот же момент живые мертвецы, стоявшие по краям комнаты, зашевелились. Медленно и растерянно, словно вспоминали, каково это — двигаться без чужой подсказки. Нил, не теряя времени, кинулся на ближайшего и толкнул его в спину изо всех сил, что у него были. Мертвяк, теряя равновесие, кубарем полетел в сторону, сталкиваясь еще с одним зомби. Они оба упали на пол и тут же сцепились, как два голодных пса, дерущихся за кость. Рыча по-звериному, они царапали, рвали и кусали друг друга. Остальные мертвецы, привлечённые потасовкой, устремились к её эпицентру. Теперь Нил убедился в правоте слов воина, спасшего его от отряда зомби. Без контроля чародея эти существа становились глупее полевой мыши. Не теряя времени, Нил подскочил к камню, на

котором лежала сестра.

— Зара, вставай, — он осторожно тронул девочку за плечо, но, видя, что действие не принесло результата, стал трясти её сильнее.

Она тяжело открыла глаза.

— Нилус, я видела странный сон, — девочка говорила заторможено, взгляд её был затуманен, наверное, она ещё находилась под действием колдовства, но тут же встрепенулась.

— Что это!? Где я? — Зара повернула голову в сторону рычащего комка из сплетённых дракой зомби, вскрикнула и прижалась к брату.

— Бежим, я тебе расскажу всё по дороге! Нам нельзя здесь задерживаться!

Нил помог девочке спуститься с камня на пол, и, держась за руки, дети побежали к выходу, оставляя позади себя клубок из оживших мертвецов, разрывавших друг друга на части.

Лес встретил Нилуса и Зару прохладой ночи. Подземелье осталось далеко позади, скрывшись за сплошной стеной деревьев. Юноше долго казалось, что по их следам идут кровожадные зомби. Он останавливался, прислушивался и понимал, что это его разгорячённое воображение рисует ему пугающие картинки. Одной рукой Нилус крепко сжимал ладонь сестры, а во второй — рукоять меча. Всё, что было дорого для него в этой жизни, находилось с ним здесь и сейчас. Всё остальное отправлялось в прошлое. Впереди ждал весь мир. Мир, в котором предстояло жить, любить и бороться.

Глава 6. Дорога к Двум баронам

До поселения, о котором рассказывал парень, всадники добрались довольно быстро. Найти его не составляло труда. Юноша был прав: читать следы, оставленные отрядом зомби, было очень просто. Спустя некоторое время доказательством его умения применить на практике навыки следопыта стал жидкий дым, показавшийся на горизонте. Всадники пустили коней в галоп и вскоре достигли поселения, вернее того, что от него осталось. Трупы и обгоревшие остовы домов — вот и всё, что обнаружили путники в этом мёртвом месте.

— Бриар, это ужасно, — произнесла девушка, поднеся платок к носу. Вокруг стояла смесь неприятных запахов из гниющего мяса зомби, обгорелых тел жителей и пожарища.

— Жизнь слишком жестока, миледи. Она становится такой, когда исчезает единая власть, позволяющая карать и миловать, поощрять и контролировать, просить и дарить. Когда возможность повелевать попадает в тысячи рук, каждый начинает считать себя королём, судьей и палачом. Наш император, уничтожил культ бога смерти Мора, загнав остатки его служителей в отдаленные болота и леса. Они долго таились, изредка высывая свои носы для наживы во времена смуты, но то, что они устроили сегодня... Такого я давно не видел. Для такого действия должен был существовать веский повод. Я даже не знаю, что могло заставить культистов пойти на такой решительный шаг.

— Может быть они решили присягнуть на верность Гангенам и нанести удар с тыла? — высказала предположение девушка, продолжая прятать свой носик за платком.

— Не думаю, — возразил воин, внимательно смотря по сторонам. Вокруг были лишь мёртвые тела, но стоило держать ухо в остро и быть готовым к нападению.

— Ты не думаешь, что нам следовало помочь этому парнишке? Он такой отважный. Как его звали? Нилус, кажется.

— Нет. Это его война, наша война куда серьезней. Если проиграем мы, то будущего лишатся тысячи таких мальчишек, как он. Тем более я уверен в его силах. Он в одиночку зашел слишком далеко для обычного паренька-посыльного, сразу видно, что у него был хороший учитель.

Картина разрушения, представшая перед глазами девушки, смягчила её сердце. Всё же женскую душу трудно спрятать под короткой прической и мужским камзолом. Черты лица Ганы смягчились, а глаза увлажнились. Она отчетливо представила, как совсем недавно по этим ещё целым улочкам бродили люди, а дети по обыкновению путались под ногами у взрослых. Молодые влюблённые пары украдкой обменивались томными взглядами. Сейчас все это превратилось в прах по вине человека, который таким образом высказывал уважение своему божеству, черпая силы из чужой боли.

— Много ли еще осталось этих культистов? Может быть стоит с ними договориться? — девушка дернула головой, словно испугалась своих слов и пыталась прогнать эти мысли, но секунду претерпев борьбу внутри себя между моралью и прагматичностью, словно извиняясь за свою идею, перед спутником добавила: «Они могли бы помочь нам в грядущих сражениях.»

— Договориться с людьми, черпающим силу из людских страданий? — Бриар удивленно поднял одну бровь, затем, немного помолчав, продолжил: «Временный союз.

Временный союз при условии их полного уничтожения — это возможный вариант, но не реальный. Хвала матери Луне, мы выжгли эту заразу с нашей земли, и у культа бога Мора больше нет единовластия. Остались лишь разрозненные, недобитые одиночки, пытающиеся выжить и прячущиеся по лесам и болотам.»

Воин помнил те времена, когда главным злом на континенте был культ бога Мора. В те времена ему пришлось пустить немало крови последователям этого мёртвого учения. Старый солдат даже не представлял, как можно было договариваться с этими нелюдями, отчётливо помня все страдания и боль, что они причинили жителям Динарской империи. У Бриара к ним были свои счёты. Он вспомнил лицо Ризы и тут же загнал это воспоминание в самые далёкие уголки памяти. Впрочем, вспомнив важность своей миссии, воин тут же взял себя в руки. За годы жизни он научился управлять чувством мести, пряча его за прагматизмом. Выбирая между событиями прошлого и будущего, он всегда выбирал последнее.

— А если найти несколько жрецов бога Мора и предложить им индульгенцию и свободу в обмен на временный союз? — не отступала от своей идеи девушка.

Воин думал, что Гана пошутила, но, посмотрев на её серьезное, сосредоточенное лицо, понял, что это не так. Молодости всегда свойственно безрассудство. Опыт воина подсказывал ему, что некоторые силы лучше не вскармливать, иначе потом будет тяжело их унять.

— Мы можем простить их и сослать после победы на Запад, — пояснила свою мысль девушка, — лучше быть живым культистом, чем встретиться со своим богом.

— Миледи, для этого нам нужна единая власть, признанная всеми высокородными лордами, которые подчинятся ей. Сделать это будет непросто. Ну а затем нам нужно будет найти жрецов культа, долгие годы прячущиеся в удалённых уголках наших земель. Учитывая, что надвигающаяся на наши земли орда совсем не оставляет нам на это времени, осуществить это практически нереально.

— Я здесь власть! — решительно заявила девушка. В её голосе неожиданно проснулись властные нотки.

Воин заглянул в глаза Ганы и понял, что эту юную леди на её пути сможет остановить только смерть. И это немного пугало: в борьбе за власть нет места безрассудству, лишь только холодный расчет, поддержанный стальными клинками. Она была последней надеждой его мира, который он помнил, и который он хотел восстановить из руин.

— Мы соберем гвардию, кто-то должен знать про культистов, — немного подумав, ответил воин, решив, что лучше дать девушке надежду на реализацию её плана, — дети Луны знают и чувствуют больше, чем простые смертные.

— Но ты же один из них! Разве ты этого не чувствуешь? — Гана от удивления даже остановила своего коня.

— Луна дала мне силы, которые в этом деле не помогут, — усмехнулся Бриар, — я всего лишь обычный человек, который существует до тех пор, пока чей-то клинок не оборвёт его жизнь.

Категорически отвергать план Ганы он не хотел, девушке предстояло многому научиться, а аналитическое мышление могли развить только практика и хороший учитель.

— Я давно хотела спросить, но всё никак не решалась... Это правда что ты живешь уже триста лет? — осторожно спросила девушка, легонько прищипывая коня.

— Триста, четыреста, пятьсот... Я перестал считать после первой тысячи, — буднично

ответил воин.

— Значит ты видел начало времен? — совсем по-девичьи восхитилась девушка.

— Ну что вы, миледи, я не такой старый, — Бриар широко улыбнулся, — но смело можешь называть меня дедушкой.

За то время, что воин находился рядом с Ганой, она стала для него родной словно дочь, поэтому иногда в разговорах он с почтительных обращений непроизвольно срывался на приятельские. Впрочем, девушку это нисколько не обижало.

Гана засмеялась, и этот смех звучал на фоне окружающих следов смерти как напоминание о том, что жизнь будет продолжаться, даже в самые трудные и жестокие времена.

— Я помню годы, когда люди ещё не умели обрабатывать железо, — задумчиво произнёс воин, видимо, погружаясь ненадолго в дебри воспоминаний. В его голове их хранилось столько, что хватило бы на жизнь целого поселения. Часть из них он забыл, кое-что пытался стереть из памяти, но не мог, а что-то усиленно хотел восстановить в своих мыслях, но, сколько ни старался, так и не смог этого сделать. Он забыл, как выглядели его родители, и постоянно корил себя за это в моменты, когда пытался вспомнить лица матери и отца.

— Люди не умели таких простых вещей? — для Ганы фраза спутника прозвучала как откровение, после которого представление о мире бесповоротно меняется.

— Мы много чего не умели. Наш мир был совсем другим. Жизнь людей была короткой, а зима укрощала человеческий нрав своими морозами.

— Расскажи мне про снег, — взмолилась девушка, словно выпрашивала сказку перед сном. Могло показаться, что вокруг не лежали мертвые тела или Гана успела забыть про них.

— Каждый год после осени наступала зима. Землю покрывал снег — застывшая вода белого цвета, а дыхание вырывалось изо рта людей паром, словно из кипящего на костре котла с похлёбкой. Наш материк был больше. Суша простиралась дальше на юг и на север. Так было до того...

— Как бог обрушил своё оружие на Луну, — перебила своего спутника нетерпеливая девушка, — эту историю знает каждый малыш. Получается, что у империи было больше земель?

— Тогда ещё не существовало Динарской империи. Люди жили разрозненными племенами. Я не хорошо помню тот день, когда Луна пролила на нас свои огненные слёзы, ломая материк на части. Земля уходила из-под ног, пожирая животных и людей. Часть суши с севера и юга поглотил океан. Вода в реках кипела, а дым от лесных пожаров на несколько дней превратил день в ночь. С тех пор жизнь стала меняться, а зима больше не появлялась в наших краях. Люди начали строить свой мир заново, каким хотели его видеть. Потом зверолоуды, Дом Гангенов и огненноголовые были изгнаны с наших земель, а крепость Лорель прочно запечатала единственный проход на запад, чтобы они никогда не вернулись, — Бриар редко давал уроки истории, стараясь хранить свои знания подальше от других людей. Там было много сведений и простым смертным лучше было их не знать.

— Мы прогнали их?! — девушка, думавшая, что её уже ничем не удивить, испытала настоящий шок. Буквально за пять минут устройство мира, которое она знала, перевернулось с ног на голову, и как базарный скоморох на ярмарке готовилось сделать ещё несколько кульбитов.

Воин молча кивнул головой.

— Так было нужно.

— Значит все попытки прорваться сюда и нападения — это всего лишь жажда мщения и желание вернуться домой?

— Миледи, мир гораздо сложнее, чем кажется. Если бы мы их не изгнали, на этой земле не было бы мира. Согласитесь, это было гораздо милосерднее, чем просто убить их всех? — Бриар не так представлял этот разговор, рано или поздно он был обязан рассказать Гане много историй о сотворении и развитии мира, политике и истории былых сражений, — не те, воспетые уличными музыкантами, в попытках выпросить лишнюю монету у прохожих, а настоящие, не такие красивые, а местами грязные и кровавые.

— Наверное... Но почему мы не помним об этом? — девушка настойчиво продолжала любопытствовать, игнорируя все тонкие намёки своего наставника о том, что разговор на эту тему сейчас не совсем уместен.

— Я помню, и этого достаточно. Прошое — это всего лишь время, где остались наши мёртвые предки. В настоящем находятся живые люди, которым предстоит делать новое прошлое. Мир такой, каким мы его создаём, прежде чем перестанем дышать и навсегда покинем землю. Всё имеет начало и конец, даже такой бессмертный, как я, когда-нибудь найдёт свой вечный покой. Сильный побеждает слабого, а мудрый — глупого, это простые и неизменные истины, их всегда стоит помнить и нельзя никогда не забывать.

— Там, впереди! — воскликнула Гана, прерывая неторопливый ход непринуждённой беседы, и, спрыгнув с коня, побежала к сидящему в центре небольшой площади человеку. Он явно был жив, его грудь вздымалась от прерывистого дыхания, а глаза следили за путниками. К раненому подошёл Бриар и преклонил перед ним колени.

— Риот! Дружище, Риот, это ты! Старый капитан сказал, где я могу тебя найти, и он, как всегда, не ошибся! — по силе объятий, в которые воин заключил этого человека, стало ясно, что это старые друзья, испытывавшие длительную разлуку.

Раненый лишь довольно ухмыльнулся в ответ, немного поморщившись от боли.

— Бриар, к чему такая радость? Он же смертельно ранен! Нужно... Нужно как-то помочь ему! — Девушка взволнованно прыгала вокруг двух старых приятелей и озиралась по сторонам, словно ища уцелевшую в пожарище лавку лекаря.

— Ещё не родился тот человек, который сразит меня, — прохрипел пересохшим горлом Риот.

— Миледи, оставьте свои беспокойства, этот шельмец уже к утру будет прыгать пуце вашего! — захохотал Бриар, что в подобной ситуации выглядело весьма странно.

— Но как? — девушка присела на корточки и принялась разглядывать раны Риота, справедливо полагая по спёкшейся от крови одежде, что он должен был умереть ещё пару часов назад.

— Он тоже дитя Луны, и, возможно, это единственный гвардеец, которого нельзя убить, — буднично пояснил Бриар, помогая своему другу устроиться поудобнее. — Ты сможешь идти?

— Думаю, чуть позже смогу, нужно немного подождать — час или полтора. Мне сломали бедро, кости уже почти срослись, осталось много трещин, и пока я не смогу ехать верхом.

— Откуда вы знаете про свои кости? — этот день для девушки стал самым удивительным в её жизни, и она продолжала утешать свое любопытство в попытках узнать как можно больше, словно боялась, что завтрашний день не принесет ей столько открытий.

— Гана, этот человек за свою жизнь ломал свои кости чаще, чем танцевал с девушками, — пояснил Бриар, снимая с лошади бурдюк с водой и протягивая его своему другу, — ты, наверное, ужасно хочешь пить?

Раненый жадно приложился к горлышку. Он пил без остановки, запрокидывая ёмкость все выше по мере того, как в ней заканчивалась вода. Часть её лилась мимо рта, стекая на грудь.

— Я, конечно, видела, как мужики могут напиваться в харчевнях, но впервые вижу, чтобы за раз выпивали столько воды, — тихонечко, почти шепотом обратилась к своему спутнику девушка.

— Это как-то связано с его даром, — так же тихо ответил воин, пожав плечами, — вода помогает ему восстанавливаться.

— Он тоже бессмертный, как и ты, Бриар? — продолжала вполголоса любопытствовать девушка.

Тем временем Риот закончил пить, вытряхивая в рот последние капли. Он тяжело, словно после сытного обеда, выдохнул и сам ответил девушке: «Не думаю, меня сложно сразить клинком или стрелой, но старость рано или поздно заберёт меня в свои объятия.»

— Ещё воды? — учтиво предложил Бриар.

— Нет, спасибо. Пока хватит — бывший гвардеец протянул пустую ёмкость своему старому приятелю, — как вы меня нашли? Мне кажется сам Тирен вел вас ко мне, ведь таких совпадений не бывает в жизни!

— Мы видели твоего паренька, — пояснил Бриар, — он указал нам дорогу, да и наш капитан мне рассказал, где ты решил пустить корни.

— Где Нил? Что с ним? — Риот попытался подняться. Grimаса боли исказила его лицо, а из груди послышался сдерживаемый где-то внутри вскрик. Гана подхватила его за руку, а Бриар — осторожно, словно в его руках был хрупкий младенец, посадил обратно.

— Друг, не нужно лишних движений. Твоего парня мы встретили по дороге, он кромсал оживших мертвецов как настоящий гвардеец. Ты хорошо его обучил.

Риот опять пытался привстать, но тяжелые руки Бриара не позволили ему это сделать.

— Я понимаю твой порыв, но ты не можешь двигаться, найти его сейчас практически невозможно, он может быть где угодно! Если парень не глуп, а учитывая, что воспитал его ты, я уверен, что он выберется из своей передраги и отправится в замок к Двум баронам. Больше идти некуда, все пути идут через их земли. Мы как раз движемся туда, и ты сможешь подождать своего воспитанника там, — Бриар крепко держал своего раненого друга за плечи и произвольно осторожно встряхивал, произнося свои аргументы, — раз мертвецы вокруг нас не поднимаются, значит твой ученик прирезал культиста. Не волнуйся, с ним все будет хорошо. В любом случае у него два пути — или идти к Лорель или в противоположную сторону. Рано или поздно он наткнется на поток беженцев из пограничной крепости и примет правильное решение, свернув на восток.

— Беженцы? Что случилось? Гангены!? Опять!?

— Да, друг. К нам идет новая могучая орда. Их очень много, капитан Каракка со своим гарнизоном попытается задержать неприятеля, но долго они не смогут продержаться, нам нужно собрать гвардейцев и объединить высокородных лордов.

Пока Риот залечивал свои раны и восстанавливал силы, у Бриара было достаточно времени для того, чтобы поведать о большой беде, надвигающейся с запада. В самом центре сгоревшего поселения, в окружении мертвецов, бессмертный воин начал свой рассказ о

событиях, произошедших за последние дни.

Глава 7. Путь домой

Ночевать в таком гиблом месте, как Дикий лес, было равносильно самоубийству. Несмотря на все свои навыки следопыта, Нилу было тяжело найти обратную дорогу в темноте, среди нагромождения сухих коряг и скрюченных умирающих деревьев. Иногда парню казалось, что он ходит кругами, но возможности брать ориентир по звёздам у него не было — всё небо было затянуто тучами. Нил осознал, что заблудился и, сдерживая слезы от обиды, теперь просто шёл вперёд, стремясь выбраться из пристанища засохших растений и мёртвой земли. Парень тяжело переставлял ноги, он был почти без сил и сильно замерз, но не мог позволить себе остановиться. Позади, словно детали ускользающего сна, оставался его сожжённый посёлок, его мёртвые соседи и Риот, сражавшийся до последнего вздоха. Именно этому наставник учил Нила, и он не хотел сдаваться на милость мёртвого леса. Да, он победил колдуна, а восставшие из могил мертвецы без контроля извне были так же смышлёны, как бабочки на поляне, но помимо них ночью в лесу могло скрываться большое количество других опасностей. Часы, проведённые здесь, казались ему вечностью. Юноша настойчиво вёл зареванную сестру через лес, а затем, когда она совсем выбилась из сил, посадил её на спину и нёс на себе. Ближе к утру девочка уснула под медленную поступь брата.

Нил чувствовал, что сил почти не осталось. Несколько раз он останавливался и прислушивался, улавливая странные шорохи. В такие моменты одна рука машинально ложилась на рукоятку меча, хотя Нилу несколько раз казалось, что именно оружие само просилось в руку своего молодого хозяина. На удачу все его тревоги были ложны. Возможно, это ветер забавлялся над юным посыльным, или уставшее от напряжения сознание находилось в плену своих иллюзий. Солнце лениво поднималось из своей берлоги, путаясь в грязных тучах, не желавших уступать своего места на небесном своде. К великому счастью, путь детей и дороги ночных хищников этой ночью не пересекались. Ещё один смертельный поединок мог стать для Нила последним: усталость сковывала его движения, повисая на каждом мускуле непомерной ношей. В запахи сухой травы вмешались привкусы дыма и еды. Нил повёл носом. Неподалёку кто-то готовил на костре пищу. Возможно, где-то поблизости было селение или дом какого-нибудь отшельника. Собрав всю свою волю и преодолевая желание рухнуть в траву, уснуть и забыться, Нилус ускорил шаг.

Наконец между деревьями показались просветы, становившиеся всё шире с каждым движением юноши. Вскоре лес расступился. С возвышенности это место выглядело так, словно огромный великан провёл черту, за которую не смели ступать мёртвые деревья. Далее, насколько можно было видеть, простирался луг с сочной растительностью. Контраст был таким резким, что, казалось, это именно трава высосала все соки из леса. Нил увидел впереди несколько повозок, а в центре этого походного лагеря горел костёр. Люди! Здесь были живые люди! Нилус, спотыкаясь и падая, ринулся вперёд. Он слышал приглушённые голоса и видел человеческие фигуры. Ему было уже неважно, кто там находится. Главное, что они были людьми, а не монстрами. Из последних сил, едва переставляя ноги и пригибаясь под тяжестью спящей сестры, он преодолел последние метры, отделявшие его от костра, и рухнул на землю.

— Ой, — вскрикнула худенькая белокурая девушка, сидевшая напротив того места,

откуда из лесного сумрака вышел Нил.

Путники вскочили со своих мест, хватаясь за оружие или предметы, которые могли им послужить таковым. Увидев, что причина тревоги — это пара изнеможенных детей, они обступили их.

— Что с ним?! — спросила дородная женщина, поднимаясь со своего места у костра. Она единственная, кто не успел среагировать на появление мальчика, и теперь с интересом и тревогой выглядывала из-за спин своих компаньонов. К Нилу подошел низкорослый седовласый крепко сбитый бородач и осмотрел лежащего перед ним парня. Поднес руку к его шее.

— Он спит! Он просто спит! — удивился он. Тут же сильные руки подняли Зару и Нилуса и куда-то понесли, но юноша этого уже не понимал, он видел сон, в котором парил над землей, оседлав огромную сову...

Под размеренное покачивание Нил проснулся. Он словно находился в детской люльке, которую толкали заботливые руки матери, ему казалось, что она заглядывает сверху и улыбается. Рядом с женским образом появился второй человек. Это был мужчина, Нил сразу понял, что это был его отец, хотя не мог рассмотреть черты его лица. Они расплывались в очертаниях, словно юноша пытался смотреть сквозь поток слёз. Так и не поняв, было это реальным видением или остатками ускользающего сна, парень уставился перед собой. Его взгляд упёрся в полог из грубой ткани. Рука что-то крепко сжимала. Это была рукоять меча. Нилус сразу же вспомнил все события истекших суток, но так как он мог дышать, смотреть и был при оружии, значит ему ничего не угрожало.

— Привет, — перед Нилом появилось милое девчачье личико, — ну и горазд же ты спать! Девушка улыбалась и разглядывала юношу своими выразительными голубыми глазами. Это была та девчонка, которая первой заметила Нила, когда он выбрался к людям из леса.

Нилус сел и осмотрелся. Он находился на куче тряпья и тюков внутри повозки, которая куда-то двигалась.

— Нил проснулся! — услышал парень знакомый и родной детский голосок.

Сестрёнка, не вставая в полный рост, на четвереньках быстро подползла к Нилу, — мой братец самый сильный! Мой братец самый смелый! — она крепко обняла Нилуса, прижавшись к его груди.

— Я всем рассказала, как ты меня спасал, — хвасталась девочка, — как ты победил одноглазого великана и двух драконов!

— Твой брат — точно настоящий воин! Он даже во сне так крепко сжимал свой меч, что его не смогли забрать, — хохотнул невысокий бородач, сидевший сзади повозки, свесив одну ногу с края, — так и положили спать с оружием.

— Тебе бы не помешал щит, — присмотревшись к мечу Нила, заметил старик, — С таким оружием он может быть незаменимым.

— У меня нет на него денег, да и таскать его с собой из селения в селение — задача непростая. В Лорель за пару яблок я попросил у стражника подержать его щит. Он показался мне очень тяжёлым, правда, это было пару лет назад...

Нил вспомнил события прошедшего дня, от усталости и переизбытка чувств детали терялись в образе казавшегося бесконечным Дикого леса, воспоминания о коварном кульгисте и его марионетках. Сейчас парень чувствовал себя в безопасности. Он находился в

крытой повозке, груженной разным скарбом и пожитками, в которой, помимо сестрѐнки, находилось ещё четыре человека. Голубоглазая белокурая девушка, лицо которой было первым, что Нил увидел после сна, двое мальчишек, примерного с Зарой возраста, и пожилой бородач. От увиденной картины веяло домашней атмосферой, заботой и добротой, по которым уже успел заскучать Нил. Глядя на счастливую сестрѐнку, он понял, что хотел бы остаться с этими людьми как можно дольше.

— Меня зовут Радобор, — решил, наконец, представиться старик, — это мои внуки — Лотта, Ронан и Селен. С остальными я тебя познакомлю на следующем привале. На новых знакомых была простая крестьянская одежда из грубой ткани и кожаные мокасины — обычный наряд для рабочего люда в этих краях.

— Я — Нилус. Как я понимаю, с Зарой вы уже познакомились.

— Озорная девчушка, — кивнул старик, — она нам про тебя многое рассказала, в пору сложить из этого легенду. Что с вами все же стряслось?

Нилус вспомнил своё утреннее поручение, свою работу посыльного, ухватился за эти факты как за подсказки и начал вытягивать из воспоминаний деталь за деталью. Все в повозке, затаив дыхание, молча слушали рассказ юноши. Каждый делал это по-своему: — дети впитывали каждое слово с открытыми от удивления ртами, девушка с заметной частотой бросала в сторону рассказчика восхищённые взгляды, а старик изредка хмурил брови, от чего его лоб покрывался морщинами.

— Дети падшей Луны бывают разными, — задумчиво произнес Радобор, когда юноша закончил свой рассказ, — никогда не угадаешь, хорошие они люди или нет.

— Откуда вы? Я раньше не видел вас в наших краях, — решил утолить своё любопытство Нил.

— Мы бежим из Лорель, к её стенам приближается воинство с запада. Видимо, на этой земле никогда не будет мира, — в подтверждение своих слов старик показал татуировку на шее в виде двух треугольников, соединенных между собой двумя горизонтальными линиями. Рядом с ней виднелся бледный шрам, видимо, когда-то Радобор принадлежал другому городу.

Каждое слово, произнесѐнное стариком, было пропитано грустью. В ней виделись брошенные дома, оставленный домашний скот и тяжѐлый труд, потраченный на восстановление старой крепости.

Старик опустил руку в бадью, стоявшую рядом, достал оттуда небольшую миску и протянул её Нилусу: «Поешь, ты, наверное, сильно проголодался.»

Только в этот момент Нил понял, что дико голоден. В миске была пшеничная каша и кусок ржаной лепешки. Глядя на то, как юноша уплетает эту простую снедь, Лотта заулыбалась, но, тут же смутившись, отвела взгляд.

— Это она готовила, — реакция девушки не осталась незамеченной стариком, — будет хорошей хозяйкой. При этом он подмигнул ей, а Лотта сделала такой недовольный вид, словно ее только что пытались сосватать за первого встречного.

Нил был весьма воспитанным юношей, но вид пищи и пустой желудок заставили его позабыть все правила этикета, и он набросился на угощение. Опомившись, парень хотел сказать слова благодарности, но его рот был полностью забит едой, поэтому лишь покивал головой в сторону девушки и выдавил из себя «спасибо», затерявшееся в жеваной каше и превратившееся в невнятное, но удовлетворенное бурчание. Лотта смущѐнно улыбнулась, покраснела и принялась деловито перебирать в руке свою длинную косу.

— Видя, какой у тебя отменный аппетит, я начинаю верить, что на днях ты победил дюжину великанов, — улыбнулся старик, намекая на недавний героический рассказ Зары о своем брате, и достал из походной сумки длинную трубку.

— Дедушка, а расскажи нам какую-нибудь историю про богов? — попросил один из мальчуганов.

— Пожалуйста! — вторил ему брат.

— Хорошо, хорошо, что же вам сегодня рассказать? — Радобор достал кисет и начал забивать трубку душистыми болотными травами, — может быть, поведать вам о Гертине Бесстрашном и о том, как он сражался с морскими чудовищами?

— Дедушка, ты что забыл? Ты вчера нам это рассказывал, — возразил один из маленьких слушателей.

— Может быть, тогда поведать вам историю о том, как на нашей земле появились дети Луны? — предложил другой вариант старик.

— Да, да, — громко обрадовались мальчуганы и стали устраиваться удобнее на своих местах, готовясь слушать очередной увлекательный рассказ.

Нилус знал все эти легенды наизусть, когда-то он так же выпрашивал их у своей матери перед сном. Неспешное путешествие не предвещало других развлечений, поэтому парень приготовился к очередной интерпретации старой истории. На нередких колдобинах и выбоинах повозку сильно встряхивало. В один из таких моментов он чуть не выронил миску из рук, поэтому поднес её как можно ближе ко рту и продолжил есть, сосредоточившись на процессе и не вдаваясь в подробности хорошо знакомой ему истории.

— Прекрасная Айрида — невеста бога земли Тирена — была настолько прекрасной, что каждый, кто видел её, сразу же в неё влюблялся. Именно поэтому ревнивый жених прятал девушку в пещере самой высокой вершины Ашханских гор, позволяя ей выбираться наружу лишь ночью, когда никто не мог её разглядеть. Девушка тосковала по солнечному свету, и тогда Тирен сделал для нее Луну. Он повесил её на небе, и ночь перестала быть похожей на саму черноту. В свете Луны Айрида купалась в озере, а когда взмахивала своей головой, то некоторые капли улетали на небо и превращались в звезды.

Дети совсем притихли, слушая своего деда. Нилус взглянул на свою сестрѐнку, она широко раскрытыми глазами смотрела на старого рассказчика и увлеченно впитывала каждое слово из его истории. Глядя на неё, казалось, что с девочкой ничего не происходило: совсем недавно её не выкрадывал злой культист и армия зомби не пыталась убить её брата. Можно было подумать, что они сейчас возвращаются со своими односельчанами с городской ярмарки, где выгодно продали свой товар, и скрашивают свою дорогу байками, с нетерпением ожидая теплой встречи дома. Дом. Перед глазами Нилуса вновь предстали кровавые картины, совсем недавно увиденные в родном селении. Отныне он был главой семьи, ему нужно было решать, что делать дальше. На его руках осталась маленькая сестрѐнка, и юноша совершенно не имел представления, что он будет делать дальше.

Тем временем Радобор, надышавшись через трубку ароматов трав, расслабился, стал активно жестикулировать и строить гримасы, превращая свой рассказ в театр одного актера.

— Скоро все привыкли к свету Луны, и ночь перестала быть такой страшной, поэтому многие звери, люди и боги стали гулять и охотиться не только днём. Молодой бог ветра Волинд, играя со своей ручной совой, пролетал в одну из ночей над озером и заметил внизу блеск, — это Айрида в очередной раз стряхивала со своих волос капли воды, превращая их в звезды. Он спустился вниз, стал подсматривать за ней и, конечно, сразу же влюбился. С тех

пор он не мог найти себе покоя и постоянно метался из стороны в сторону, поднимая сильные ветра. Однажды он осмелел и, подгоняемый своими чувствами, решил признаться в своей любви Айриде, но девушка лишь улыбнулась и молча ушла в свою пещеру. После этого молодой бог стал пылать любовью, и этот жар нагрел воздух, лишив нашу землю зимы. Она осталась только в виде снега высоко в горах, куда Волинд не заглядывал. Все его внимание отныне было приковано к земной тверди, по которой ходили ноги прекрасной девы. От своей любви бог ветра стал впадать в неконтролируемый гнев, и это насторожило Тирена, ведь во многих местах, где появлялся Волинд, он ломал вековые деревья. Бог земли начал изучать следы и понял, что они ведут к месту, где купалась его невеста. Тогда он, разозлившись, решил проучить наглого юнца. Он спрятался рядом с озером и дождался того момента, когда восплававший любовью бог вновь прилетит на свое тайное место. Увидев, как наглец подглядывает за его обнаженной невестой, Тирен взмахнул своей палицей и хотел обрушить её на голову Волинду, но ручная сова, научившаяся видеть в свете Луны точно так же, как и днём, клюнула его в руку. От неожиданности бог разжал ладонь, и оружие улетело в небо. Оно ударило по Луне, отколов от неё большой кусок и множество маленьких крошек. Лунный камень ударил в Ашханские горы, прорубив в нем проход, соединяющий теперь Восток и Запад, он проник в самую глубину горной породы и до сих пор сверкает там. Это свечение ещё можно увидеть на болотах в тех краях. Дождь из лунных крошек шёл целую неделю. Они падали на землю и в воду, везде оставляя свою божественную силу. С тех пор прошло много сотен лет, и мир стал таким, какой он есть. Появились зверолоуды, гаркхи, огненноголовые, колдуны и люди с разными умениями, которые они скрывают глубоко внутри, а у кого-то отпечаток магии виден даже снаружи.

— Это как у Двух баронов? — не скрывая своего любопытства, перебил один из сорванцов.

— Именно так, — хмыкнул дед и, видимо, хотел погрузиться в воспоминания того момента, когда в молодости он имел честь видеть господ этих земель, но его ностальгический порыв прервал второй из мальчишек.

— Эх, хотел бы я летать как Волинд, я бы тогда сгонял тучи к нашим полям, и мы бы не боялись летней засухи, — деловито заявил он.

— Дедушка, а что стало с богом ветра? — неожиданно вмешалась в разговор Лотта, её, как истинную девушку, больше интересовали романтические подробности, чем магия, волшебство и разборки разгневанных мужчин.

— Он успел улизнуть от бога земли и с тех пор старается не спускаться слишком низко. Высоко в горах он поёт свою тоскливую песню, страдая от того, что не может лицезреть свою возлюбленную. А совы с тех пор боятся кары Тирена. Они прячутся днём в дуплах деревьев, украдкой вылетая на охоту лишь по ночам.

— Наверное, это самая грустная песня, ведь он больше никогда не видел свою возлюбленную, — с нескрываемой печалью сказала Лотта, украдкой взглянула на Нилуса и, встретившись с ним взглядом, снова покраснела. Смутившись, она вновь принялась нянчить свою косу. Эта деталь не ускользнула от двух ее младших братьев, и они, не стовариваясь начали наперебой подначивать девушку.

— Лотта влюбилась, Лотта влюбилась в Нила!

— Замолчите, дураки, — обиженно буркнула девушка на своих братьев, — а не то я задам вам трепку!

И спустя пару секунд молчания и гневного сопения ноздрями добавила: «Ничего я не

влюбилась!»

Чтобы прервать этот детский балаган, дедушка строгим голосом напомнил о своем присутствии:

— Ну и какая мораль у легенды, что я вам рассказал? — Хитро прищурившись, спросил Радобор и шумно втянул через трубку воздух.

— Не стоит злить богов?

— Вражда богов изменяет жизнь?

— Не ошибайся как сова?

— Нужно спать по ночам?

— Не стоит клевать руку бога, иначе будешь спать только днём, как малыш, и пропустишь все интересное?

Братья затараторили наперебой, пытаясь угадать истину, надеясь получить похвалу от своего дедушки в случае правильного ответа.

— Нет, не подглядывай за чужой невестой и не будет неприятностей! — Ответил дед, когда варианты стали иссякать и, увидев удивленные лица внуков, довольно захохотал.

Нилус несколько минут как закончил свою трапезу и ждал подходящего момента, чтобы вновь поблагодарить гостеприимных хозяев за сытный ужин. Лотта, пряча взгляд от глаз Нила, взяла пустую миску из его рук и передала её Радобору. Тот переложил трубку в левую руку, привстал со своего места, забрал посуду и положил туда, откуда взял её ранее.

— Куда вы направляетесь? — И если минут десять назад для него этот вопрос был не актуален, то сейчас Нил был сыт, он отдохнул и начал задумываться о перспективах. Родственников у них с Зарой за пределами посёлка не было, и они были вольны идти в любую сторону. Предстояло лишь выбрать направление.

— Мы бежим от границы из крепости Лорель, большая беда движется в нашу сторону с Запада, и я даже не представляю, что может её остановить. Мы отстали от основного обоза, потому что мне пришлось задержаться чуть дольше в крепости — я отличный плотник и помогал восстанавливать оборонительные сооружения. Сейчас мы движемся в сторону города Жандаль, принадлежащего хозяевам этих земель — Двум баронам, но я не знаю, откроют ли там перед нами ворота.

Направление, в котором двигался обоз, устраивало Нила. Главное — добраться до города, а там он уже смог бы решить, что делать дальше. Он вспомнил, что матушка рассказывала ему о дядюшке Салтусе, обитавшем в Жандаль. В любом случае бежать в сложившейся ситуации было больше некуда, да и крепостные стены казались ему более перспективным местом, чем Дикий лес. Под мерное раскачивание телеги, после приёма пищи, Нилуса стало клонить в сон, и он уже почти улетел в этот прекрасный мир грез под тихую возню малышни и пыхтение старика, как вдруг повозка резко остановилась, а где-то впереди послышались крики и пронзительный женский визг. Из-за неожиданного толчка парень повалился на спину и больно ударился о край повозки, но тут же вскочил на ноги. Он помог подняться сестренке, спустил ее вниз на землю, спрыгнул сам и осмотрелся. Их повозка шла в арьергарде, и сзади не было видно никакой опасности, лишь продавленную колёсами телег колею, извилисто уходящую за горизонт.

— Сидите здесь, — полушёпотом приказал своим внукам дед, извлек из недр перевозимых вещей деревянную дубинку, очень проворно для своего возраста спрыгнул на землю и мягко приземлился на обе ноги.

В этот момент Нилусу показалось, что старик был не прост. Что-то изменилось в нём,

юноша почувствовал силу и уверенность, исходящую от Радобора. За спиной такого человека или стоя рядом с ним каждый почувствовал бы себя уверенно. Подобное ощущение он испытывал рядом со своим наставником Риотом. Нил обнажил меч и взялся за рукоять двумя руками, старик посмотрел на эти приготовления и голосом, не терпящим неповиновения, коротко бросил: «Стой тут и следи за детьми. Я посмотрю, что там впереди стряслось».

Глава 8. Затишье перед бурей

К стенам Лорель стекались передовые отряды неприятеля. Каждый из них становился лагерем неподалёку. Сейчас, находясь на башне, Каракка видел, как с каждым часом росли силы врага. Весь горизонт заполнили дымы костров. После длительного похода враг пополнял силы. Скоро начнется штурм. Так было и так будет всегда — в каждой армии найдётся достаточное количество горячих голов, желающих совершить ратный подвиг молниеносно, не прибегая к длительной осаде. Из крепости уехали последние ремесленники, теперь её наполняли жизнью лишь четыреста тридцать человек и один горный великан. Сегодня на капитане была его старая форма гвардейца — кольчуга, тяжелая кираса, наплечники и налокотники. Обмундирование было изрядно потрёпанным, но таким же надёжным, как и во времена величия Динарской империи. Его голову защищал остроконечный шлем с забралом-полумаской. Эта деталь появилась на его амуниции сразу после того, как в одном из боёв он потерял глаз, остаться без второго он не мог себе позволить. Щит Каракка никогда не использовал, предпочитая сражаться в бою двумя мечами. Позади остались последние приготовления к обороне и речь, с которой он обратился к своим братьям по оружию. Впереди ожидала неизбежная битва, которую мало кто хотел из защитников крепости, но кровь частенько проливалась и без желания одной из сторон. Каждый из горожан стоял на стене ради своих близких. Все понимали, что с каждым ударом сердца их семьи отдалялись всё дальше и дальше. Эта мысль успокаивала и была лучшей мотивацией. Глядя на казавшееся бесконечным скопление костров, многим из солдат Лорель — охотникам, лавочникам и крестьянам — было сейчас по-настоящему страшно.

Вдали послышался пронзительный рев — сигнальщик трубил в рог, а значит скоро начнется первый штурм, за которым враг станет накатывать волна за волной. Как долго гарнизон крепости сможет сражаться без перерыва на сон? Что будет, когда они впервые увидят зверолода? Капитан старался не забивать свою голову посторонними мыслями — у него был разработан план, и каждому из солдат там было уделено своё место. Вдали началось движение, группа наездников на огромных ящерицах стала рысцой приближаться к крепости. Если бы Лорель стоял в поле, то у защитников не было бы ни единого шанса против такой армии, но все обстояло иначе. С двух сторон крепость подпирали неприступные горы, образуя ущелье шириной в четыреста шагов и длиной около тысячи. Это серьезно ограничивало возможности нападающих. Именно поэтому все попытки вторжения в Восточную часть материка уже не раз разбивались об эти крепостные стены. Стрелки прильнули к своим стационарным арбалетам. Их было всего пятнадцать, и они занимали фронтальное пространство между башнями. Это оружие было больше своих младших братьев и стреляло дротиками гораздо дальше, чем могли улететь обычные стрелы. Каждое из этих метательных орудий обслуживало два человека. Чтобы перезарядить эту метательную машину, нужно было прилагать значительные физические усилия, поэтому вращать ручки, оттягивая тетиву, вдвоем было гораздо эффективнее, чем в одиночку. Стрелки напряженно всматривались вдаль. Им не нужно было выискивать в прицеле врагов, рассчитывая траекторию полета своих зарядов, они просто ждали, когда воины неприятеля подъедут к давно пристрелянным местам для того, чтобы сделать свой верный выстрел.

Вражеский отряд был внушительным — около семисот всадников. Поравнявшись с тем местом, откуда начиналась горная порода, они подняли перед собой полукруглые щиты, которые надежно защищали тело всадника, и пустились в галоп.

— Стрелки, вы знаете свою задачу! — крикнул капитан, еще раз напомнив своим солдатам о том, что они усиленно изучали последние дни, — сейчас нам не нужно убить всех этих наездников, мы должны просто обратить их в бегство. Они проверяют, на что мы способны.

Поднимая клубы пыли, кавалерия приближалась к крепостной стене. Звон тетивы больших арбалетов прозвучал почти одновременно, а их метательные снаряды пробили бреши в рядах наступающих, кое-где нанизывая на себя по несколько нападавших, а иных всадников пронзали вместе с ящерицами. Некоторые гаркхи на бегу спотыкались о своих убитых товарищей, отправляя хозяев кубарем на землю, где они ломали конечности и шеи. Солдаты у бойниц судорожно начали вращать ручки своих метательных машин, ведь каждая секунда перезарядки позволяла врагам приближаться. Теперь они понимали, зачем Каракка несколько лет подряд проводил для них тренировки по обращению с этим оружием. Положив дротики в зарядные желоба, стрелки вновь прильнули к своим стационарным арбалетам. Теперь они держали на прицеле следующий ориентир, к которому приближались нападавшие. Несколько секунд растянулись в томительное ожидание, которое разорвали звонкие песни улетающих к цели дротиков.

— Лучники! Приготовиться! — подал команду Лондаик. Пока для его мощных катапульт не было работы, не стоило обнаруживать их раньше времени. Это угощение он берёт своим врагам на десерт, а пока ещё не подали и первого блюда.

После третьего выстрела арбалетчиков в небо взметнулись стрелы, опускаясь вниз смертельным дождем. Атака захлебнулась. Очередной ряд всадников был повержен. Кто-то падал, сраженный метким выстрелом защитников крепости, кого-то сбрасывали с себя ящерицы. Строй нападавших был разрушен, и разрозненный отряд начал отступление. Это зрелище вызвало ликование защитников Лорель. Это была их первая победа, хотя многие понимали, что это всего лишь разминка. Главная битва еще предстояла. Когда всадники, оставив на поле своих убитых и раненых товарищей, удалились на значительное расстояние, Каракка подал сигнал к открытию ворот. И стремительная группа конников галопом домчалась до ближайшей линии со сраженными воинами нападавших на крепость огненноголовых. Они быстро нашли там несколько раненых, которые истекали кровью, забрали их с собой и молниеносно вернулись назад. Капитану нужна была информация о возможностях осаждающих сил, и он намеревался выменять её у пленённых солдат на их жизни.

Иль Равей был одним из первых, кто прибыл к стенам вражеской крепости. Молодой, с горячим и весьма несдержанным нравом, к своим восемнадцати годам он уже выиграл несколько сражений с соседними племенами, что позволило ему значительно расширить владения своего клана, получить уважение и доверие отца. Это возвысило его перед остальными наследниками и сделало любимцем в глазах престарелого князя. Молодой военачальник закончил трапезу, вытер жирные руки о край шатра и вышел к своим людям. Тысячник тут же подал команду, и воины, подскочив со своих мест, начали выстраиваться перед своим командиром. Иль был уверен, что помечен богами для великих ратных подвигов и сегодня он был намерен утереть всем остальным кланам нос, первым взяв крепость,

закрывавшую проход в восточные земли.

— Вы все видели, что такое неподготовленная атака! Они, — Иль Равей вытянул руку в сторону лагеря соседнего клана, — просто погнали отряд на убой. Но благодаря им, мы знаем, чем нам может ответить враг. Сейчас многие командиры отправят своих людей в атаку, но только штандарт Равей поднимется на эту стену первым!

Воины одобрительно заулюлюкали, сотрясая воздух оружием. Многие из них уже сражались под командованием молодого наследника, а те, кто ещё не ходил с ним в бой, были наслышаны о его громких победах. Длинные волосы огненноголовых были заплетены в многочисленные косы и украшены зелёно-белыми лентами — цветами их рода. Многие уже нарисовали на лица краской боевые руны, которые было принято наносить перед сражением у многих из плеиён.

— Мы должны быть первыми на стене! И тогда каждый из вас увековечит своё имя в ратных подвигах нашего клана! Наш род станет ещё более прославленным, а после боя десяти воинам, которые первыми заберутся на стену, я выплачу по сто золотых, а все остальные после славной победы получат по десять монет!

Воины взревели, предвкушая предстоящую победу. Огненноголовые жили сражениями, мирная жизнь была им не по вкусу. Они, как истинные хищники, жаждали крови и предвкушали новые трофеи. Кланов постоянно сражались друг с другом, и эту братоубийственную войну смог прекратить лишь несколько лет назад молодой король Ганген. Это стоило ему больших усилий, но энергичный владыка западных земель всегда добивался своего.

— А за стеной всех нас ждут не только слава и богатства, но также рабы и земли, которые станут нашими! Клан Равей станет самым могущественным на всём континенте от запада до востока! — продолжал воодушевлять своих подданных молодой военачальник, но ему пришлось кричать, чтобы слова, тонувшие в ликовании его подданных, были слышны.

— Сотники отдадут дальнейшие указания, собирайте снаряжение и ждите сигнал к наступлению!

Иль ещё немного постоял перед своими людьми, наслаждаясь эффектом от своей триумфальной речи, и убедившись, что все воины находятся в прекрасном расположении духа, вернулся в шатер. За ним тенью проследовал его наставник, советник и помощник — Шинн. Это был пожилой воин, который был приставлен к молодому господину и всегда находился рядом с ним с тех самых времён, как Иль начал учиться держать в руках оружие.

— Мой господин, разрешите осмелиться и высказать свои мысли по поводу предстоящего штурма, — приложив правую руку к груди и склонив голову в вежливом поклоне, он деликатно начал свою речь.

Молодой военачальник был слишком импульсивен и частенько совершал опрометчивые поступки, поэтому его отец и приставил к нему Шинна. Князь был уверен, что опыт и мудрость, которые были присущи этому старому воину, уберегут его любимого сына от беды.

— Конечно, старина, выкладывай всё, что думаешь! — Иль плюхнулся на тюфяк и сделал приглашающий жест своему советнику, но тот лишь вежливо кивнул, предпочитая стоять на ногах. К Шинну он относился со снисхождением, ведь он здесь был по воле отца, тем более иногда давал неплохие советы.

— Я хотел бы порекомендовать вам не начинать атаку.

Пожилой воин не успел закончить предложение, а вспыльчивый юнец уже вскочил на ноги, опрокидывая кубок с вином, который неосторожно зацепил рукояткой сабли.

— Ты в своем уме, старик? Крепость ослаблена, протягивай руку и бери! Ты же полгода назад лично, под видом купца с караваном, проникал внутрь и видел всё своими глазами. Многие представители достопочтенных родов отправляли так же своих лазутчиков. Все знают, что в крепости никудышный гарнизон из крестьян, каменщиков и гончаров! Это простой сброд, который не сравнится с нашей обученной армией!

— Да, это так, но гарнизоном командует капитан Каракка, — старик ненадолго замолчал, вспоминая прошлое сражение у Лорель, перед глазами промелькнула череда образов из того времени, одним из которых был могучий воин на гнедом коне — предводитель императорской гвардии.

— Полно тебе, старина, — усмехнулся молодой наследник, — ну один старик вспомнил другого, может быть, у вас и есть с ним личные счеты, но время не щадит никого! Ты прекрасный воин, великолепный боец и мудрый советник, но твое время прошло! Сейчас, времена молодых и сильных!

— Каракка — очень опытный воин, к тому же он дитя Луны...

— Все мы — огненноголовые — дети Луны. В наших волосах — отпечаток лунного камня, а в наших жилах течёт лунная кровь! Мы — истинные дети Луны, а они всего лишь выродки. Они ничего не смогут противопоставить нам! Нас — больше! Мы — прирожденные воины! И пока не подошли основные силы, во главе с моим отцом я хотел бы взять крепость, чтобы прославить наш род! Гангены приблизят нас, и мы станем самыми знатными среди огненноголовых!

Понимая, что все уговоры не увенчаются успехом и не имея на руках весомых фактов, Шин решил на другой шаг.

— Мой господин, позвольте тогда мне повести отряд, а сами оставайтесь с сотней солдат в лагере.

— Я не хочу упускать свою славу! — вспыхнул молодой военачальник, в порыве гнева буквально прожигая своим взглядом глаза собеседника.

Старик выдержал этот натиск, в его глазах читались великая сила и уверенность, которая когда-то не раз вела отряды в атаку.

— Я не хочу, чтобы шальная стрела или камень пролетали рядом с вами даже на расстоянии пары шагов. Вы — гордость клана Равей! За этой стеной вас ждет большое количество замков и сражений. Я лично водружу наш штандарт на крепость! Я готов сделать это ради вас, но я не готов объяснять вашему отцу...

— Довольно, — перебил его Иль, — я тебя понял. Так и быть, на этот раз я послушаю тебя и не пойду в атаку, но в следующей битве тебе меня не остановить.

— Я даже не буду пытаться, мой господин, — смиренно склонил голову советник, — с вашего позволения я пойду отдавать последние распоряжения войскам.

Солдаты сновали по лагерю, словно муравьи, обнаружившие возле муравейника жирную гусеницу. Одни разбирали повозки и сколачивали вместе деревянные щиты, создавая передвижные укрепления на колесах, которые могли бы катить впереди себя, чтобы укрываться за ними от вражеских стрел, другие соединяли вместе элементы штурмовых лестниц. В лагере царило воодушевление, которое всегда сопровождало начало каждого сражения. Иль Равей хотел оставить с собой лишь полсотни телохранителей, но настойчивый и упрямый Шинн уговорил оставить в резерве двести воинов. Сам же он

собирался отправиться на штурм с отрядом численностью в тысячу солдат. Несколько кланов с честолюбивыми командирами, заметив приготовления соседей, торопливо начали готовить свои передвижные укрепления к атаке. Вскоре сигнальщик Равей протрубил в рог, и отряды начали боевое построение, взметнув в небеса свои клановые штандарты на длинных пиках. Заметив это, в соседних лагерях командиры подали распоряжения, прозвучала серия сигналов, и их отряды, прикрываясь за мобильными укрытиями, начали свое движение в сторону крепости. Деревянные щиты на колесах были покрыты несколькими слоями из плетеных веток, в которых должны были вязнуть стрелы и копья, посылаемые врагом.

Со стороны за этими маневрами, щурясь не то от яркого солнца, не то от желания скрыть свои эмоции, наблюдал Кин Кирей.

— Молодой Равей остался в лагере, — отметил он деталь, которая не ускользнула от его цепкого взгляда, и продолжил свои размышления вслух, — Это мудрое решение, и скорее всего не его, а его советника Шинна. У юного воина не хватает выдержки, и старик повел солдат на смерть вместо него.

— Почему ты так уверен в этом, отец? Иль уже не единожды снискал славу великого воина, — полубопытствовала дочь. Она завидовала тем воинам, которые готовились идти на штурм, и волевыми усилиями подавляла свое нетерпение, чтобы спрятать его от отца.

— Ему просто везло. Так бывает. И сегодня ты убедишься в моей правоте.

Во вторую атаку за сегодняшний день своих воинов отправили пять кланов: три — огненноголовых и два — людей. Зверолюды так и остались в стороне от боевых действий, справедливо полагая, что их время настанет лишь тогда, когда солнце спрячется за горизонт. Остальные терпеливо ждали в своих лагерях, готовые в любой момент поднять свои войска для поддержки союзников, если передовым силам удастся овладеть стенами. Нападающие развернулись в боевые порядки в начале ущелья, и теперь лишь по штандартам можно было определить, к каким кланам они принадлежат. Звуки множилось и блуждали между скал ущелья — барабанщики задавали боевой ритм, который создавал зловещую музыку, вторящую шагам воинов. Отряды выстроились в три линии и начали медленное движение к Лорель. Шин возглавлял центр первой линии, с флангов к ним примкнули отряды других кланов, которые торопились быть в числе первых, кто ворвётся на крепостные стены. Неспешное движение под барабанный ритм сопровождалось выкриками командиров, отдававших указания или подбадривавших солдат. Расстояние до крепостной стены медленно сокращалось, с каждым пройденным метром повышая уровень адреналина у воинов. Наконец с крепостных стен был произведен выстрел из стационарных арбалетов. Гулкие удары потрясли передвижные щиты, остановив метательные снаряды и сохранив людям жизни. Это вызвало одобрительный рёв со стороны атакующих, придало воодушевление, и воины без дополнительной команды ускорили шаг, а барабанщики — свой боевой ритм. Неожиданно сухая земля под ногами сменилась липкой грязью, в которой вязли колеса телег и по щиколотку проваливались ноги солдат. Возможно, защитники таким образом пытались сбить темп атаки, надеясь, что осадные орудия или передвижные укрепления увязнут в этой рукотворной распутице. Грязь была очень странной, вязкой и липкой, многие поскользнулись и падали ниц, спотыкаясь и увлекая за собой на землю рядом стоящих бойцов. Они барахтались в этой жиже, пачкаясь с ног до головы. Атака потеряла свой темп, и вторая линия почти догнала первую. Из-за замешательства и суматохи

в рядах нападающих, несколько выстрелов со стен достигли воинов, которые оказались вне защиты передвижных укреплений. Пронзенные насквозь метательными снарядами, они стали наглядным напоминанием тому, что нарушение дисциплины чревато смертью.

Первая линия наконец выбралась из скользкого грязевого плена, напоминая сейчас перемазанных и злобных демонов из поучительных сказок, что рассказывают мамы на ночь непослушным детям. Настала очередь следующей шеренги перенять эстафету борьбы с грязевым препятствием. Шинн не мог понять, в чем смысл этой тактической хитрости. Смешать боевой строй и измотать воинов? Его солдаты были очень выносливы. Конечно, в пешем строю им доводилось воевать не так часто, как верхом, но их сил хватило бы на взятие пары таких крепостей. Вскоре первая линия атакующих приблизилась к еще одному грязевому участку, преграждавшему путь к Лорель. Видимо, защитники крепости использовали все же это как препятствие, отбирающее силы у солдат и замедлявшее их движение. Скоро эти самонадеянные глупцы узнают всю мощь, на которую способны огненноголовые. Видимо, молодой Иль Равей был прав, и Шинн слишком уж осторожничал. Второй грязевой отрезок его солдаты преодолели гораздо медленнее, чем первый: колеса передвижных защитных укреплений проскальзывали, солдаты скользили, падали и прилагали большие усилия, чтобы сохранять строй и двигаться дальше. Несколько раз, пользуясь образовавшимися в защитных сооружениях брешами, своей цели достигали выстрелы стационарных арбалетов, но это не могло остановить нападавших. Совсем скоро передовые отряды доберутся до крепостных стен, щиты на колесах зацепят подпорками и поднимут так, чтобы они защищали от выстрелов сверху, камней и от кипящих жидкостей, которые могли лить вниз оборонявшиеся в Лорель солдаты. Шинн уже видел в своих мыслях, как бревно, прикрепленное к основанию первого передвижного укрепления, извлекается воинами со своего временного пристанища, закрепляется на цепях под поднятым щитом и превращается в таран, а штурмовые лестницы покрывают все пространство стены. Он заметил, что отряд приближается к опасной черте, за которой его солдат могли бы достать лучники с крепостных стен. Короткая отрывистая команда — воины подняли над головами свои щиты и встали плотнее. Теперь им были страшны разве что камни от метательных машин, но если бы они были у защитников крепости, те непременно уже пустили бы их в ход. Советник обернулся назад и увидел, что в лагерях началось движение, многие кланы уже начали выстраивать свои войска, справедливо полагая, что пора торопиться на штурм, ведь они покроют свои имена позором, если Лорель овладеет первая же группа атакующих. Его радужные мысли прервали с крепостных стен. Неожиданно для всех с башен сорвались два огненных шара. Все же в крепости были две катапульты, но чем же они стреляли? Шинн проследил за траекторией полета. Один заряд прилетел точно в грязевой участок, где барахталась последняя линия нападения. Как только он коснулся липкой грязи, та вспыхнула ярким пламенем, обволакивая одним большим огненным коконом передвижные укрепления и солдат. Другой огненный шар плюхнулся в участок липкой грязи, в котором барахталась вторая линия обороны. Люди молниеносно превратились в один сплошной жертвенный костёр. Пути к отступлению отрезали две огненные стены, и отрядам первой линии оставалось лишь одно — продолжать свое движение вперед. Густой чёрный дым двумя стенами отгородил крепость от лагеря штурмующего войска. Ветер приносил едкий запах гари. Солдаты первой атакующей линии были напуганы, но военная дисциплина не давала их страхам вырваться наружу. Они были живы, а это было главным. Хотя радость эта была преждевременной, с крепостных стен в небо поднялся рой огненных стрел, оставлявших за

собой чёрный дым. Лишь небольшая их часть пролетела мимо, но многие попадали в щиты и передвижные укрепления, которые были измазаны проклятой горючей грязью. Она сразу же вспыхнула, поглощая все, до чего дотягивалась. Солдаты в панике бросились в стороны от огня, сталкиваясь, падая и загораясь друг от друга. Вскоре все они пылали, корчась на земле. Шин чувствовал, как мгновенно его кожа покрылась огнём и ощутил лёгкое тепло. Он поднял перед собой щит и твердым шагом направился к крепости. Советник не привык отступать, у него был только один путь — вперёд!

Защитники крепости были воодушевлены своей второй победой за день. Радость читалась на каждом лице, и они начали верить в то, что им удастся отстоять свой дом от захватчиков. Недавние рыбаки и сапожники, охотники и гончары взяли верх над вражескими воинами, ремеслом которых была война. Каждый чувствовал свой вклад в эту победу, но не все разделяли этих радостных настроений. Капитан Каракка прекрасно понимал, что им удалось удивить и напугать врага, но скоро он оправится от этого, и атаки будут идти волна за волной, некоторые из них будут разбиваться о крепостные стены, но рано или поздно этот поток затопит укрепления и смоем защитников. Лагерь, разбитый вдали, украшенный разноцветными штандартами и казавшийся бесконечным, сейчас был скрыт густым дымом. Капитан прекрасно осознавал, что это всего лишь малая часть армии, что надвигалась на восточные земли. Было даже страшно подумать о людском бескрайнем океане основных сил, которые ещё находились в пути.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Спасибо тебе, Герштаф, твой план и твоя смесь сработали на отлично, — не оборачиваясь и продолжая смотреть на полыхающих внизу врагов произнес Каракка. Капитан частенько удивлял окружающих своим умением определять тех, кто к нему подходил сзади. Подкрасться незамеченным было совершенно невозможно.

— Я рад, что мы успели всё сделать вовремя, — ответил горный великан, — давно хотел проверить свою горючую смесь в реальном сражении.

— Иногда я думаю, что тебя к нам послал один из богов, — задумчиво произнес Каракка, видимо, он уже обдумывал очередной оборонительный план, — если бы тебя не было, мы бы уже потеряли много людей и, возможно, были выбиты с первой линии стен. Благодаря твоим изобретениям нам удалось прожить на день дольше, чем нам отмеряно матерью Луной. Не думаю, что сегодня они решатся ещё на один штурм.

— Я тоже так думаю, — поделился своим мнением Герштаф, — за считанные минуты мы уничтожили около четырёх тысяч наших врагов — это целая армия. Теперь они вряд ли попробуют сунуться к нам, не подготовившись основательно. Страх удержит даже самые горячие головы.

— В лоб сегодня и, возможно, даже завтра они нас точно не будут атаковать, а вот штурм под покровом ночи малочисленным отрядом звероловов-лазутчиков весьма вероятен.

— Значит самое время под прикрытием стены из огня и дыма сделать вылазку и разложить мои грибы, — великан не договорил фразу, отвлекшись на одинокого воина, шедшего навстречу крепости, прикрывшись большим круглым щитом. Это было удивительно. Он весь — с ног до головы — был объят пламенем, но похоже это обстоятельство не вызывало у него ни малейшего беспокойства. Объятый пламенем воин шёл уверенной походкой.

Несмолкающее ликование защитников стен стали прерывать удивленные возгласы, и

вскоре радостные крики сменились встревоженным ропотом. Гершгаф вскинул свой арбалет и прицелился, но Каракка положил свою руку на массивное оружие горного великана.

— Не нужно, — сказал он и тут же выкрикнул приказ: «Не стрелять! Никому не стрелять!».

Гершгаф уставился на капитана, и сквозь узкие прорези его костяного забрала было непонятно, вопрошает он или удивляется.

— Это всего лишь очередное дитя падшей Луны. Нам незачем его убивать, — капитан развернулся в сторону лестницы. — Пойдем вниз, предложим ему сдаться, лишний язык нам пригодится, учитывая, что те раненые, которых мы подобрали за стеной в прошлый раз, истекли кровью.

Глава 9. Длинная дорога в неизвестность

Нилусу было интересно, что же происходит в начале обоза. Стараясь не терять из вида пространство вокруг себя, чтобы быть готовым к отражению любого нападения, он осторожно выглянул из-за повозки. Впереди сплошной стеной стоял лес, и дорога дальше шла через него, исчезая за казавшимся непроходимым частоколом из деревьев. Больше ничего разглядеть ему не удалось. Через несколько минут Радобор вернулся озабоченным и хмурым.

— Полезай внутрь, — скомандовал он, залез в повозку вслед за Нилусом и строгим голосом, которым обычно повелевают старшие в роду своим младшим соплеменникам, обратился к детям: «А вы сидите тихо и не выглядывайте.» Вскоре их транспортное средство качнулось, и небольшой караван вновь двинулся в путь. Юноша не стал продвигаться на свое место, где он находился с начала поездки, а сел на краю повозки, посматривая из стороны в сторону. Наконец они проехали то место, которое так напугало женщину из головы колонны — по краям дороги как клыки кабана торчали два кривых кола, на которых были нанизаны человеческие тела, по одному на каждом. На мертвецах клочьями висела обветшавшая рваная одежда, а сами трупы были уже до половины исклеваны птицами, местами оголяя взорам незадачливых путников голые черепа и пустые глазницы. Юноша сразу вспомнил зомби, с которыми ему пришлось сражаться, и рука сама потянулась к рукояти меча. После встречи с культистом, который по своему желанию легкими манипуляциями своего разума заставил мертвецов вырезать целое селение, юноша понимал, что впереди могла грозить другая опасность.

Нил молча взглянул на старика, который также безмолвно посмотрел на него. Парень догадался, что Радобор не хотел пугать детей, находившихся внутри повозки, поэтому и не стал ничего объяснять. За те годы, что юноша прожил, работая посыльным, он научился защищаться, быстро бегать, преодолевать длинные расстояния, прятаться и легко переносить отсутствие пищи, воды или сна. Прошедшие сутки прошли для него словно год, который научил его новым навыкам выживания. Нил впервые убивал людей, хотя к этой категории сложно было отнести уже мёртвых зомби, да и кровожадного культиста тоже. Люди не могли быть такими, как он, безжалостными и беспощадными, во всяком случае в своей жизни он ещё не встречал подобных.

— Дедушка, что там случилось? — спросила Лотта, не выдержав нависшей тишины, которая начала тяготить и давить на всех, находившихся в повозке. Даже два бойких сорванца поумерили свой нрав, прижавшись к своей сестре с двух сторон, и теперь походили на пару цыплят под крыльями своей мамы.

— Ничего страшного, девочка моя. Просто тётушка Лоретт испугалась лисицы, которая перебежала дорогу, — старик вновь стал весёлым, как и до недавней вынужденной остановки, а его прищуренные глаза вновь излучали улыбку и добродушие.

— Ох, она у нас всегда такая пугливая, — девушка доверчиво согласилась с объяснением своего деда. Её фраза была словно сигнал, которого давно ждали притихшие мальчишки, которые тут же выбрались из объятий своей родственницы и принялись вновь безжалостно разрывать тишину своими громкими высокими голосами и надоедливой вознёй.

От напряжения, которое царило внутри повозки, не осталось и следа, дети вновь начали играть со свойственной только им безалаберностью. Нил, пользуясь моментом, подошел поближе к старику. Глядя на уплывающую из-под колес дорогу, он вполголоса спросил:

— Вы приняли решение ехать дальше? Мне кажется, что у опушки леса... Это были предостерегающие знаки!

Перед глазами вновь всплыли образы изуродованных тел на кольях, и Нила передернуло от этого воспоминания. Он снова подумал о своем доме, на месте которого осталось лишь пепелище. Юноша понимал, как сильно ему повезло, ведь было гораздо лучше двигаться с людьми, чем продираться по бездорожью вдвоем со своей маленькой сестренкой. Ехать в повозке было гораздо комфортнее, чем топтать мокасинами дорогу, да и вопрос с едой здесь не возникал. Пока их кормили, не требуя ничего взамен.

— Знаешь, буду честен, мы давно уже сбились с пути, но возвращаться назад нельзя. Объезжать лес, — старик вновь потянул воздух через трубку, которую нервно крутил в руках, — объезжать его — дело туманное, неизвестно, насколько далеко он простирается. Возможно, Лорель уже пала и орды с запада двигаются в эту сторону, поэтому у нас нет другого выхода, кроме как просто ехать вперед. Раз тут есть дорога, значит люди уже ходили в этих местах.

— Крепость? Неужели так быстро наши воины могли быть повержены? — Нилу не хотелось верить в то, что городские солдаты, которых он видел несколько раз в детстве, могли так быстро сдаться. Они всегда казались ему могучими и мужественными. Может быть, такое впечатление сохранилось в его памяти, потому что в селениях, по которым он путешествовал, люди не несли воинскую службу и не носили доспехов.

— Они были обречены с самого начала, — грустно ответил старик, — гарнизон слишком малочислен.

Только сейчас Нилус осознал всю безнадёжность ситуации, в которой он и его спутники оказались. Позади их ждали полчища кровожадных врагов, а впереди — пугающая неизвестность.

— А если на нас нападут по дороге? — выдвинул предположение Нил, — вдруг лес — пристанище разбойников, там очень просто устроить засаду?

— Будем бдительными, у нас нет другого выхода...

Впереди ждала дорога длиною в сутки, которые казались вечностью. Лес тянулся бесконечной стеной, которая почти не пропускала солнечный свет. Высокие сосны с размашистыми ветками то и дело пытались обнять проезжающие мимо повозки, поглаживая их своими игольчатыми лапами. Нил почти не спал, изредка проваливаясь в полудрему. Он понимал, что кроме него в случае опасности сестру некому было защитить. Его попутчики были приятными семейными людьми, простыми крестьянами и ремесленникам. Да, они были старше его, но это совсем ничего не значило. У них даже не было нормального вооружения, и Нил сомневался, что раньше им приходилось сражаться хоть с кем-то. Максимум, что выпадало на их долю, это пьяная драка на праздник урожая при выходе из таверны, а Нилус в свои четырнадцать уже сразился с опасным противником и вышел победителем. Почему-то когда юноша держал руку на рукоятке меча, он был переполнен решимости и не ведал, что такое страх, хотя, может быть, это была лишь юношеская самоуверенность. Он бился с превосходящими его по численности опасными врагами, он сделал это один раз и сделает ещё столько же, сколько от него потребует судьба. Старик

тоже почти не смыкал глаз, во всяком случае, когда реальность вырывала Нилуса из объятий дремы, Радобор всегда был бодр и смотрел вслед уходящей вдаль дороги. Уже темнело, когда Нил неожиданно встрепенулся, словно кто-то или что-то вытолкнуло его из объятий дрёмы.

— Приснился страшный сон? — Радобор сидел на краю повозки напротив и продолжал вдыхать воздух через свою трубочку, чем, как казалось юноше, занимался большую часть пути.

Нил прислушался к своим внутренним ощущениям, повертел головой и увидел причину своего беспокойства. Мчась во весь опор, караван беглецов догоняли три огромных диких собаки. Животные быстро сокращали расстояние, мощно отталкиваясь своими крепкими лапами от земли. Юноша вскочил на ноги и обнажил меч, буквально через мгновение первый хищник догнал повозку и совершил прыжок, пытаясь запрыгнуть внутрь. Перед юношей возникла мохнатая голова с хищным оскалом. Это было так неожиданно, что он не нашёл ничего лучше, как просто пнуть атакующую собаку в нос. Пёс заскулил и улетел за борт, но его место занял сородич, который сбил с ног Нилуса, опрокидывая его навзничь. Парень в последний момент успел схватить пса одной рукой за шею, не давая тому вцепиться в своё горло, и пронзил его живот мечом. Собака несколько раз встрепенулась, царапая Нилуса лапами в предсмертной агонии, клацая зубами и брызгая на него слюной. Вскоре она стала слабеть и затихла. Юноша свалил с себя мертвую тушу и начал вытаскивать из нее свой меч. В этот момент он увидел перед собой огромную мохнатую морду — это был ещё один атакующий пёс. Нил понимал, что не успеет встретить грозного противника с оружием в руках и выставил перед собой свободную руку, защищая свое горло.

Мощные челюсти огромного хищника, сомкнувшись на ней, наверняка сломали бы конечность, но парень получил бы пару секунд для того, чтобы извлечь свой меч из поверженного врага и контратаковать. Неожиданно помощь пришла от Радобора, который до сих пор незамеченным сидел у края в правом углу. Он давно выжидал момент, достав свою дубинку, и наконец смог действовать, со всей мощи он обрушил своё оружие на голову пса. Тот заскулил и повалился навзничь, его задние лапы остались за бортом повозки, а передние зацепились за гобелен, лежавший на полу. Хищник забил задними конечностями по воздуху, пытаясь найти опору, чтобы заскочить к людям, но этого замешательства хватило Нилу для того, чтобы со всей имеющейся у него силы наотмашь ударить животное своим мечом. Псиная голова отделилась от тела, из которого брызнула кровь. Проснувшиеся наконец от шума дети, до конца не осознавая, что происходит, закричали, а Нил, не отвлекаясь, бросил взгляд через плечо, увидел, что его сестра и мальчуганы сбились в кучку около Лотты, и подошёл к краю повозки. Оставшийся в живых пёс уже оправился от пинка, который получил первым и, щетинясь, скалился внизу. Он не торопился атаковать, видимо, понимая, что его сородичи столкнулись с добычей, которая была им не по зубам. Только сейчас юноша понял, что их процессия не движется, а снаружи были слышны крики, женские визги, рычание и шум борьбы. Похоже, что стая атаквала утомлённых дорогой путников со всех сторон. Юноша перехватил меч поудобнее. Окрылённый недавними победами и разгорячённый боем, он собирался спрыгнуть вниз и убить последнего хищника, но его остановила рука старика, которая крепко схватила его за плечо.

— Стой! Неизвестно, сколько этих тварей там находится. Здесь нам будет удобнее держать оборону.

Пёс ослабил, рычал и, прижав уши, стоял на полусогнутых лапах, готовый в любой момент броситься на людей. Хотя, похоже, он был просто испуган, иначе уже пытался бы

вцепиться кому-нибудь в глотку. Несколько ударов сердца Нил смотрел в глаза матерому хищнику, не решаясь, броситься ли ему на врага или послушаться совета Радобора, как вдруг собака подняла уши торчком, словно услышав что-то, и юркнула в кусты, оставив за собой лишь восторженные ветки. Крики и шум вокруг стихли, значит стая убежала, то ли поняв, что караван им не по зубам, то ли учуяв поблизости присутствие более опасного зверя.

Нил спрыгнул на землю. В сумраке вечера забрызганный собачьей кровью, он выглядел устрашающе и походил на берсерка, готового рубить на куски любого, кто попытается к нему приблизиться. Казалось, что старый Нилус-мальчишка только что умер, а на его месте появился новый — бесстрашный и опытный воин.

— Парень... — старик хотел остановить юношу но, встретив его взгляд, волевой, решительный и не терпящий возражений, замолчал на пару секунд, а затем непринужденно, более мягко и без властных ноток, присущих пожилым людям в общении с подростками, продолжил: «Ты, это... сходи, посмотри, что там впереди стряслось, а я здесь покараулю.»

Нил пошел в головную часть колонны, откуда были слышны стоны, голоса и женские причитания. Мужчины и женщины столпились в одном месте, держа в руках палки, вилы, топоры и факелы. Тусклый свет, исходивший от огня, танцевал, отбрасывая вокруг игривые тени. Заметив юношу, люди расступились и немного отошли назад, видимо, сейчас он выглядел весьма устрашающим. На земле лежал мужчина, чья грудь тяжело вздымалась, его правая рука была окровавлена и изогнута под неестественным углом. В тусклом свете Нил разглядел белесый осколок кости. Вторую руку он прижимал к левому боку, в котором зияла страшная рваная рана. Похоже, что собаки напали на него сразу с двух сторон, от одного зверя он защитился рукой, а второй пёс, крепко вцепившись, разрывал ему бок. Из-за ближайшей повозки выбежала дородная женщина, которая рыдала и причитала, поминая всех известных богов. В руках она держала тряпки и небольшой мешочек, толстуха запрокинула голову и высыпала часть его содержимого себе в рот и принялась методично жевать. Получившуюся таким образом кашу она стала прикладывать к ране на боку мужчины.

— Да помогите кто-нибудь, нужно остановить кровь! — в сердцах воскликнула женщина и несколько человек, словно ждали этого приглашения, бросились ей помогать.

К Нилу подошел неофициальный лидер беженцев, юноша несколько раз видел, как тот раздавал указания остальным, его звали Рилис, он выделялся среди остальных своей мускулатурой, отчасти поэтому стал немногим из тех, чьё имя юноша запомнил во время короткого знакомства на привале.

— Как там у вас в конце колонны? Собаки никого не тронули?

— Нет, все целы, я убил двоих, — ответил Нил и понял, что до сих пор сжимает в руке обнаженный меч, готовый в любой момент пустить его в ход.

— Двоих? Убил? — по людской толпе пробежала волна удивления.

— А вы сколько убили? — совсем обыденно спросил юноша, словно говорил не о чьей-то смерти, а узнавал цену на городском рынке.

— Ни одного. Еле отбились, затем что-то их спугнуло, — ответил Рилис и недоверчиво уточнил: «Ты точно убил пару псов? Они тебе по грудь будут... Я еле отбился от одного из них, здоровенная была тварь!».

— Можете сходить и посмотреть на их трупы, — Нилус наконец утратил весь свой боевой пыл и, вытерев меч о пучок сорванной травы, спрятал оружие в ножны. Раз стая убежала, значит она получила достойный отпор и больше не вернётся. Даже очень голодные

хищники ценили свою жизнь выше желания набить своё брюхо и после неудачной охоты предпочли бы поискать для себя жертву послабее.

Группа самых любопытных путников тут же помчалась проверять, правду ли сказал парень. С этого момента Нила стали уважать, и никто не сомневался в правдивости его истории про спасение сестры. Волков освеживали, и через сутки дороги, во время очередной остановки, к Нилу подошел Рилис, в руках он нес какой-то сверток.

— Знаешь, мы подумали, что ты отважный парень, и, возможно, именно ты спас нас от нападения псов. Стая могла одолеть нас, но ты пустил кровь парочке псин, — он немного помялся, словно чувствовал определенное неудобство. Всё же он был крепким мужчиной, который отчасти был обязан жизнью своих сородичей не своему воинскому мастерству, а отваге какого-то мальчишки.

— Шкуры поверженных врагов — твоя добыча, поэтому Лоретт в знак благодарности сшила для тебя эту накидку, — мужчина протянул сверток, — прими этот дар.

Нил развернул неожиданный подарок и примерил его. На его плечах красовались две собачьих головы, смотрящие пустыми глазницами в противоположные стороны, сбоку к ним были пришиты хвосты, которые свисали вдоль спины. Во время холода в накидку можно было завернуться. Юноша подвигал руками — его новый элемент одежды практически не сковывал движений.

— Спасибо, я поблагодарю Лоретту лично, — Нил в знак признательности склонил голову, — а как себя чувствует раненый?

— Он потерял много крови и его лихорадит, думаю, длинного пути он не выдержит, нужно найти лекаря и как можно скорее, — в лесной чаще, где сквозь могучие ветви деревьев едва проступало небо, эта фраза звучала совсем безнадежно.

— Будем надеяться, что эта дорога скоро закончится, — юноша еще раз уважительно склонил голову и подошел к костру.

— ... тут он как рубанёт своим мечом, и голова огромной псины как отлетит! Кровь брызнула во все стороны, будто в лужу большой камень кинули, только ещё больше! — Зара была центром внимания собравшихся и, видимо, в очередной раз рассказывала о геройствах своего брата. Впрочем, с ролью сказительницы в последнее время она справлялась отменно.

— А вот и мой братик — герой! — воскликнула она, заметив Нилуса.

— Это наш Нил, — хвастались перед остальными счастливые мальчишки — Ронан и Селен.

Люди тут же подвинулись, предлагая юноше свободное место. Не успел Нил плюхнуться и устроиться поудобнее, как в его руках оказалась тарелка с похлёбкой, которую подала Лотта. Она смотрела на Нилуса со смесью смущения и восторга. Пристально осмотрев накидку, она приблизила лицо к уху Нила и прошептала: «Она тебе великовата, дай её мне, и я её подгоню по твоей фигуре.»

Юноша не стал возражать, отложил в сторону тарелку и принялся снимать накидку.

— Похоже, что голубка Лотта начинает ворковать с нашим героем, — пошутил кто-то из сидящих, вызвав взрыв хохота.

Девушка вскочила с места, покраснела и прижала накидку к груди.

— Ничего вы не понимаете, — сказала она и, показав язык, счастливая и довольная побежала в свою повозку.

Ещё одни сутки пути выдались монотонными и скучными, единственным отличием от

предыдущих стали восторженные взгляды мальчуганов, которые гордились тем, что едут вместе с Нилом, да теплые взгляды Лотты, которая всё чаще и смелее поглядывала на юношу. Мальчишки даже пытались стать ближе к Нилу, назвав его несколько раз старшим братом, заметив, что тот не высказывает возмущения, стали величать его так с завидным постоянством и на людях. Это, как им казалось, делало их персоны значимее перед другими детьми. Дед, видя это всё, лишь ухмылялся и удовлетворённо побрякивал в усы. И вот, наконец, повозка остановилась. Нил поднялся со своего места и первым выскочил наружу. Из вечернего сумрака выступала обширная просека. Она приветливо встречала уставших путников, молчаливо обнадеживая. Было видно, что люди не один год вырубали здесь деревья. О том, что им приходилось каждый день отвоевывать территорию у леса, говорило бесконечное множество пней, торчавших повсюду из земли. Дорога упиралась в небольшую возвышенность, которая оскалилась крепким частоколом, за которым виднелись соломенные крыши построек. Это было поселение, над которым главенствовала смотровая вышка. Люди! После длительной дороги Нил даже забыл, что кроме его спутников в мире существуют другие люди. Колонна беглецов из Лорель остановилась. Мужчины собрались перед первой повозкой, устроив импровизированный совет.

Глава 10. Старая крепость

Капитан ещё раз проверил часовых. Стрелки спали прямо на боевых постах, с головой укутавшись в плащи и прислонившись к стене. Ночь стремительно спускалась с небес на землю, укутывая все живое одеялом темноты. Луна медленнее, чем хотелось, карабкалась на свой заоблачный трон. Сегодня она должна была быть максимально большой, два самых огромных кратера, которые местные называли глазами, станут следить за своими детьми. Каракка хотел, чтобы эта ночь прошла без происшествий, диверсий и повторных атак. Его солдат впереди ждали серьёзные испытания. Опытный военный немного опасался звероловдов. Сегодня, в полнолуние, от них можно было ожидать всё что угодно, но он надеялся, что урока, который защитники крепости преподали нападавшим днём, должно было хватить для излишне воинственных врагов. Запах гари до сих пор витал в воздухе, напоминая всем о трагических событиях для нападавших. Капитан сам давно ждал, когда же небесная мать явит свой лик полностью. Только в такие моменты он мог использовать свои силы по максимуму. Каракка поднялся на башню и увидел Лондайку, сидящего на лафете метательной машины. Он задумчиво смотрел за стену, жуя длинную соломинку.

— Наверное, ты вспоминаешь былые времена, когда у тебя в подчинении была целая дюжина таких малышей? Сейчас они бы нам не помешали, — без лишних предисловий начал капитан.

Лейтенант медленно повернул голову в сторону Каракки, и грустная улыбка коснулась его губ. В другое время он бы вытянулся в струнку при появлении своего командира, но негласные правила войны разрешали обходиться без формальностей.

— Что было в прошлом, того не вернуть, — печально ответил он и вновь взглянул в сторону миллиарда маленьких огоньков, которыми пестрел лагерь врага, — нам не сдержат их.

— Конечно, нет, Лондаик. Мы должны лишь задержать их. Дать время отступить горожанам вглубь империи, затем отойти самим и подготовить там оборону.

— Капитан, империи больше нет, мы привыкли вспоминать её, надеяться на возрождение, но..., — лейтенант развел руки в стороны, — ...мы живем здесь, в единственном месте, где нам удалось найти приют. Заброшенном и пустом... Людям, которым нигде больше не было места. Все мы бежали сюда от войн, страха, болезней и голода — у каждого была своя причина. Восстановив Лорель, я обрёл надежду, которая в одночасье превратилась в ещё один повод для смерти.

— Лондаик, что-то ты совсем раскис, — капитан скрестил руки на груди, — мы выполняем свой долг. Каждый из нас мог лежать на дне реки с камнем на шее или гореть на костре. Благодаря нашему императору мы все имеем право жить, гвардейцы — дети Луны, мы спасали мир раньше, спасем и сейчас. А смерть, дружище, нас подождёт, не зови её раньше времени.

Немного помолчав, капитан подошел к своему боевому товарищу и положил ему руку на плечо.

— Мы не умрём, слышишь?

Лейтенант как загипнотизированный продолжал смотреть вдаль, изредка моргая, он молча кивнул, не отвлекаясь от созерцания завораживающего зрелища.

— Я чувствую, что все изменится. Бриар, появлялся здесь не просто так. Ты же всегда верил своему капитану. Разве моя интуиция меня подводила хоть раз?

Лондаик, не проронив ни слова, покачал головой.

— То-то же, — хмыкнул Каракка, — выспись сегодня как следует. Возможно, у нас больше не будет для этого времени...

Капитан шёл по обезлюдившей улице. Совсем недавно в это время здесь можно было встретить горожан, сидевших на лавочках и рассказывавших байки. Кто-то просто отдыхал после трудного дня, кто-то, повинувшись горячей юношеской крови, тайком убегал на свидания. Крепость Лорель после того, как сюда вернулись люди, всегда была наполнена жизнью. Сейчас же улицы её были пустынные, а стены холодны. Совсем скоро люди вновь покинут свое убежище, видимо, сопротивляться судьбе — дело бессмысленное, если чему-то суждено превратиться в развалины, того не миновать. Наконец капитан добрался до конюшни, которую обороняющиеся временно использовали для содержания пленных. У входа, целиком завернувшись в бурку, сидел мальчишка. По торчащей лохматой, давно не мытой голове даже в полумраке без труда узнавался Притт. Этот мальчуган выполнял поручения Лондайка, весь день таскаясь за лейтенантом как хвостик.

— Чего затаился как наемный убийца в подворотне? — подойдя вплотную, почти у самого уха пробасил Каракка.

Мальчишка вздрогнул и подскочил, видимо, он не заметил, как задремал.

— Уфф, капитан, как же вы меня напугали, — затараторил мальчишка, протирая чумазое заспанное лицо.

— Я это — принес пленному еду, мне лейтенант приказал, — пояснил он, словно извиняясь за то, что был застигнут спящим.

— Иди и выспись хорошенько, — строгим голосом приказал капитан. Парнишка определенно нравился ему, и он хотел отправить его к Двум баронам вместе со всеми, но тот напрочь отказывался. Капитан лично сажал его в повозку к трактирщику, но и оттуда своенравный мальчуган сбежал и вновь вернулся в крепость. После этого Каракка велел парнишке выполнять все поручения Лондайка. Тогда над лейтенантом все стали подшучивать, намекая что и он наконец-то дожил до своего личного посыльного.

— Хорошо, — сказал малец, но в свойственной ему своенравной манере решил подкорректировать полученное указание, — сейчас подожду, как он доест, и унесу посуду.

— Ступай, — более строгим голосом приказал Каракка, — посуду утром заберёшь.

Недовольно бурча что-то под нос, парень побрел прочь. Проводив его взглядом до угла, капитан вошёл внутрь конюшни. В ближнем углу накрытые старыми попонами лежали три тела. Этих воинов подобрали ранеными у стен после первой атаки, но все они скончались от ран. Единственный живой арестант сидел в самом дальнем углу, его ноги были закованы в массивные деревянные колодки, обитые железом, закрытые на массивный замок.

— Приветствую тебя, брат, — произнес Каракка.

Капитан закрепил факел на стене. В отблесках света, которые тот отбрасывал, отчетливо виднелись лишь белки глаз, черты лица расплывались в пляшущих тенях. Но внешний вид пленного капитан оценил ещё днем, старому военному было сразу ясно, что перед ним не обычный солдат, а закаленный в боях опытный офицер.

— Я тебе не брат, динарский пёс! — злобно огрызнулся дерзкий огненноголовый, — и скажи мальчишке, чтобы он больше не таскал свою жратву! Вам не отравить меня!

— Меня зовут Каракка, я — здешний капитан. Если бы мы хотели тебя убить, я бы лично выпустил тебе кишки, или для наглядности, чтобы твоим соплеменникам было понятно, что они зря к нам сунулись, сбросил бы тебя со стены, — капитан опустил на корточки и заглянул в лицо пленнику, глаза которого не выражали ничего, кроме презрения.

— Ты дитя Луны, такой же, как я и многие из моих людей, — продолжил беседу командир гвардейцев, — что делают с такими, как ты, на твоей родине?

— Огненноголовые — вот единственные истинные дети Луны! Зверолоуды и вы — всего лишь выродки, недостойные жизни!

Капитан замолчал. Молчал и арестант, все так же угрюмо смотревший в сторону.

— Я даю тебе слово, — после небольшого раздумья предложил старый гвардеец, — я отпущу тебя и дам тебе оружие, но взамен ты будешь сражаться под моим штандартом. Тебя не тронул огонь. Ты — дитя Луны, такой же, как я и мои собратья. Будь с нами на одной стороне!

Пленник резко повернул лицо и гневно прошипел: «Я никогда не предаю свой клан! Я никогда не стану подчиняться бледноголовому.»

Капитан резко схватил пленного за кисть руки. В полумраке мелькнула сталь клинка. Ещё один взмах — и две кровоточащих ладони соединились в рукопожатии. Пленник пытался освободиться, но это было невозможно сделать. Капитан обладал могучей хваткой. Наконец он разжал руку и поднялся. Достал из сумки лоскуток и кинул пленнику.

— Перетяни руку, я пометил тебя. Теперь часть моей крови в тебе, а твоя — во мне. Я найду тебя в любой точке света.

Он повернулся, чтобы уйти. Похоже, что с этим огненноголовым пока разговаривать было не о чем.

— Постой, — неожиданно окрикнул капитана пленный, — меня зовут Шинн, и я знаю, кто ты такой. Когда-то мы встречались с тобой у стен этой крепости.

— Может быть, я и убил кого-то из твоих близких, — не оборачиваясь, произнес капитан, — но твои сородичи убили не меньше дорогих для меня людей. И прекратить это кровопролитие можем только мы — дети падшей Луны.

Огромная луна с надкушенным боком висела прямо над головой, казалось, протяни руку, и ты сможешь достать до её края. Но капитана мало интересовали сейчас красоты пейзажа, а думы его были далеки от лирики. Шинн отказался от его предложения, и другого ответа капитан даже не ждал. Если бы пленник сразу принял сторону защитников крепости, его слово не стоило бы и ломаного гроша. Время — единственное, что может расставить всё по своим местам, поменять убеждения или изменить принципы. Рано или поздно каждый сын Луны оказывался в рядах гвардейцев, иного пути у них не было. Капитан повторял свой недавний путь, проверяя посты. Лондаик до сих пор находился там, где Каракка оставил его после беседы, он спал рядом со своей метательной машиной. Капитан не стал его тревожить, возможно, для лейтенанта это был его последний сон... Он подошел к краю башни и заглянул в глаза Луны. Он смотрел в них до боли в зрачках, не моргая и практически не дыша, хотя, скорее всего, это она заглядывала внутрь него. В теле капитана текли частички крови каждого гвардейца, и он мог чувствовать их, невзирая на расстояния, каждое полнолуние. В каких бы далеких окраинах империи не осели его солдаты, каждый знал, что Лорель в осаде, а единственной дорогой для них сейчас является путь к столице. Капитан объявил общий сбор, гвардия вновь собиралась в единый кулак, как во времена величия

Динарской империи.

Глава 11. Лесной приют

Неожиданно, скрипя петлями, открылись ворота лесной обители. Мужчины сгрудились впереди обоза, а навстречу им из поселения вышли три человека, державшие в руках горящие факелы. Коренастый крепыш, увешанный волчьими шкурами, видимо, их вожак, подошёл вплотную к горстке уставших от дороги людей.

— Меня зовут Строг, я глава семьи Рокканов, — без лишних предисловий представился он, водя факелом из стороны в сторону, пытаясь лучше разглядеть лица незваных гостей. — Что привело вас к нашим стенам?

— Мы едем в крепость к Двум баронам, — вперёд вышел Рилис — самый крепкий из мужчин в обозе с беженцами.

— К Двум баронам? Но вы сбились с пути на пару дней. Вам придется возвращаться, потому что эта дорога ведёт только до нашего родового селения. Здесь тупик. Вам нужно повернуть назад.

Слова эти были поглощены тишиной, такой мёртвой, что отчётливо слышался треск горящих промасленных тряпок на факелах. Все эти испытания и усталость были напрасны. Никому не хотелось в это верить. Рилис вернулся к своим товарищам.

— Что будем делать? — спросил он.

— Если возвращаться сейчас, то мы рискуем снова встретиться со стаей этих бешеных собак, — сразу же выдал главный аргумент кто-то из толпы.

— У нас раненый, да и вообще все очень устали.

— Нужно попросить их дать нам ночлег и защиту.

— Да — да, точно, — одобрительно загудела людская толпа.

Утомлённые опасным путешествием люди хотели просто отдохнуть, не думая об опасности. Они были измотаны, покрыты толстым слоем дорожной пыли и нуждались в крепком сне.

— Уважаемый Строг, не могли бы вы позволить нам переночевать за стенами вашей обители, а утром мы бы вновь отправились в путь? К тому же недавно мы пережили нападение стаи диких псов, и нам хотелось бы обезопасить себя. У нас есть раненый, и ему нужна помощь и отдых. Мы можем заплатить. — Рилис взял на себя ответственность переговорщика собственноручно, и он чувствовал, что обязан убедить хозяина лесной обители. Другого пути у него не было, поэтому он сразу просто выдал все желания и возможности группы беженцев.

— В нашей глуши деньги не имеют цену: всё, что нужно, нам дает лес. Как мы можем доверять вам? Вдруг вы нападёте на нас, когда мы пустим вас за стену? — Строг говорил громким уверенным голосом, сразу было видно, что это властный человек, привыкший к ответственности и беспрекословному подчинению.

— Мы все простые крестьяне и ремесленники, с семьями, мы бежим из Лорель и не представляем для вас опасности. Нам нужно выспаться за надёжными стенами, а завтра на рассвете мы покинем вашу обитель. Если вам нужно что-нибудь починить или отремонтировать, то все наши умения к вашим услугам.

Глава семьи Роккан ненадолго задумался. Он подошёл ближе и, освещая пространство перед собой факелом, внимательно всмотрелся в людей, стоящих перед собой. Он медленно

прошёл вдоль всей группы, заглядывая в глаза каждому путнику, словно пытался кого-то узнать. Наконец он заметил женщин и с любопытством выглядывающих из фургонов детей.

— Хорошо, — наконец вынес вердикт Строг, — мы примем вас и дадим вам кров, как бог леса Эрто даёт укрытие всем своим жителям. Заезжайте внутрь!

Строг Роккан отступил в сторону и сделал приглашающий жест рукой. Мужчины разбрелись по своим повозкам. Небольшой караван двинулся через ворота внутрь лесного посёлка. Нилус шёл рядом со своей повозкой, внимательно следя за обстановкой, он давно уже заметил на стене за выемками в частоколе лучника, ждущего малейшего повода для того, чтобы поразить любого из незваных гостей. Люди внизу стали бы лёгкой добычей для стальных наконечников его стрел. Возможно, беженцы сильно рисковали, принимая приглашение Строга, но их выбор был не велик, крепкий сон за надёжными стенами — всегда лучше, чем полудрема в чистом поле, когда ты хватаешься за оружие при каждом подозрительном шорохе.

Центром поселения являлся большой двухэтажный дом с треугольной крышей, на которой имелась наблюдательная башенка. Остальные жилые строения и хозяйственные постройки были расположены подковой, отходя в обе стороны от главного дома, образуя площадь, на которой сейчас расположились повозки. Нилус шёл, примечая каждую деталь, последние дни научили его опасаться казалось бы на первый взгляд безобидных вещей. Всего парень насчитал пятерых местных жителей, и все они были вооружены. Вскоре из центрального дома посмотреть на прибывших выбежало ещё два человека. «Всего семеро», — подытожил юноша. Пока они не проявляли агрессии лишь с праздным любопытством разглядывали нежданных гостей. Хотя на себе Нил ловил недобрые взгляды и не мог понять, чем они вызваны. Может быть тем, что он единственный из прибывших, кто был вооружен мечом? Для себя он объяснил такое поведение именно так, ведь ему бы тоже показался подозрительным вооруженный человек, попросившийся в сумрачный час на ночлег.

Люди стали выходить из повозок, прогуливаясь и разминая затекшие за время долгой поездки конечности. Дети сперва с удивлением и опаской рассматривали новое окружение, но вскоре со свойственной им беспечностью начали веселиться и играть.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спросил Радобор, кивнув в сторону большого дома.

— Не знаю. С одной стороны, неизвестно, что у них на уме. С другой стороны, нас больше. Я насчитал всего семь человек, хотя может быть местные просто прячутся. — Нил говорил это спокойно, констатируя факты, словно был старым, закаленным в боях воином, побывавшем во множестве переделок, ценившим верность, но знавшем цену предательству.

— А ещё половина местных жителей — женщины в мужских одеждах, — сделал замечание старик, задумчиво крутя в пальцах свою трубочку, — и детей я здесь не заметил.

Нил начал присматриваться к Рокканам, все они носили грубую, свободную одежду из волчьих шкур. Все без исключения имели длинные волосы, убранные в конские хвосты. Именно поэтому Нил сразу не заметил женщин, особенности их фигур терялись в мешковатых одеяниях. Все были вооружены кинжалами, топорами, некоторые носили за плечами колчаны со стрелами — стандартное оружие для человека, живущего в лесу, который должен выживать, борясь с флорой и фауной. Вероятно, что у Рокканов имелось и другое оружие — копья и рогатины, бывшие неотъемлемыми атрибутами многих охотников, но на глаза Нилусу они не попались.

— Пройдусь немного, осмотрюсь, — юноша оповестил о своем решении старика.

— Конечно, — ответил тот, — я пригляжу за детьми.

Нил шёл вдоль построек. Центральный дом, судя по всему, был местом, где жили Рокканы. По обе стороны от него располагались разнообразные здания, об их назначении юноша мог только догадываться. Все постройки были массивными, сложенными из толстых бревен. Внимание Нила привлекла большая баня, топка её печи находилась снаружи во дворе, а не внутри помещения, как обычно. У них в селении, впрочем, как и в других подобных, тоже были места, где жители могли помыться. Строить маленькие бани для каждого было расточительством и неприличной роскошью, потому везде, даже в городах, для простого люда строили помывочные общественного пользования. Индивидуальные места для купания могли позволить себе только зажиточные, высородные люди. Парень подошел к бане ближе и коснулся внушительной плотной двери.

— Чего рыскаешь здесь? — прорычал кто-то совсем рядом.

Голос был злобным, человек явно даже не пытался скрыть своих намерений. Нил резко развернулся, заметив только сейчас, что всё это время ходил внутри поселения, крепко сжимая рукоятку меча, лежавшего в ножнах. Перед ним стояла женщина средних лет с грубыми чертами лица. Карие глаза буквально сверлили юношу взглядом, полным ненависти. Она держала в руках топор, нервно поигрывая им в воздухе.

— Извините, я просто решил осмотреться. Совсем не хотел вас огорчать, — как можно более миролюбиво ответил Нил и усилием воли натянул на лице улыбку. Женщина своим агрессивным поведением не нравилась парню, но он не хотел нарушать законов гостеприимства.

— Ты! — начала женщина, но не успела закончить фразу.

— Ирга, как ты разговариваешь с гостем?! — к месту возможного конфликта подошёл Строг, — я что велел тебе сделать?

— Наколоть дров и затопить баню — не спуская глаз с Нила, сквозь зубы ответила женщина.

— Вот именно! — подметил мужчина, — иди и займись делом, я думаю, гости не откажутся от хорошей помывки. Ведь они уже успели забыть за время своего путешествия, что такое горячая вода. Нужно напомнить им, что радость жизни состоит из простых приятных мелочей.

Последняя фраза явно адресовалась Нилусу, и звучала она как попытка извинения перед юношей.

Ирга взвалила топор на плечо и нехотя отправилась к поленнице.

— Прости меня за её поведение, — улыбнулся Строг, хотя эмоция эта была далеко не искренняя, — мы живём в этой глуши, поэтому успели отвыкнуть от общения с другими людьми, это сказывается на манерах.

Мужчина дружески похлопал Нила по плечу, словно они были старыми приятелями.

— Хороший плащ, — отметил он, — проведя рукой по меху одной из собачьих голов, что украшали одежду Нилуса.

— Да, неплохой, — согласился юноша, — удобный.

— Ты охотник? — поинтересовался Строг Роккан, — сам убил этих волков?

— Это дикие собаки, — поправил Нил, — в дороге они напали на нас, мне пришлось защищать своих.

Вдаваться в подробности и хвастаться перед незнакомцем своими ратными подвигами

совершенно не хотелось. Хотя если бы подобное случилось с юношей несколько дней назад, он бы рассказывал о своих подвигах всем встречным, обильно украшая свои истории красивыми выдумками. Но сейчас Нил ощущал себя совсем другим человеком. Старого Нилуса больше не было, его место занял другой — решительный, ответственный и серьёзный, готовый без промедления убивать, если на это появятся причины.

— Всем нам приходится защищать своих — это долг каждого настоящего мужчины, — согласился с юношей Строг, — иначе и жить не стоит.

— А вы не боитесь прихода армии с запада? Не хотите отправиться с нами в замок к Двум баронам?

— Нет, мы лесные охотники и сторонимся людей. Наш удел — жить здесь, вдали от поселений. Люди вообще не частые гости в этих краях...

— Вас много здесь живёт? Большая ли ваша семья? — осторожно спросил юноша, пытаясь выведать как можно больше полезной для себя информации.

— Нет, не большая. Ты уже всех увидел, — уклончиво ответил глава лесного клана.

— А где ваши дети? — Нил решил выжать из оппонента максимум пользы, — я не заметил ни одного ребёнка.

На секунду лицо Строга коснулись тени разных эмоций: боли, ненависти и горя, но он быстро совладал с ними.

— Мор, — быстро ответил он, отводя взгляд, — никто не выжил.

Тут же он резко изменился в лице, словно этого неприятного вопроса и не получал. Мужчина по-приятельски ещё раз похлопал парня по плечу и удалился по своим делам.

— Увидимся позже.

Нил возвращался к своей повозке. Его попутчики были полны радости, и все были в прекрасном расположении духа. Ещё бы, за несколько дней путешествия, они наконец-то находились за крепкими стенами и ощущали себя в безопасности. Около одной из повозок Нил заметил столпотворение, жена раненого, имени которой Нил не помнил, о чём-то просила Строга.

— Да, конечно, мы отнесем вашего мужа в дом. Я вижу, что он плох, — Нилус поймал краем уха фразу местного вожака, — наш знахарь осмотрит его раны.

— Спасибо! Большое спасибо, — благодарила женщина, суетясь вокруг главы Рокканов, как курица, снующая под ногами хозяйки.

— Как прогулка? — старик встретил Нила, сидя на краю повозки и по обыкновению втягивая аромат трав из своей странной трубочки.

— Хорошо, — юноша облокотился на край телеги и резюмировал результат своей разведывательной прогулки. — Странные они. Неприветливые. Даже немного агрессивные.

— Это как раз нормально, особенно для отшельников, — возразил старик, — жизнь в лесу приучает к осторожности. Но всё же есть что-то пугающее или отталкивающее в семье Рокканов.

— Они живут в поселении, своими размерами оно рассчитано явно не на семь человек, — продолжал делиться наблюдениями Нил, тут же пытаясь находить ответы на вопросы, которые задавал. — Может мы здесь видели не всех Рокканов? Может быть они прячутся? Зачем им это делать?

Вопросы возникали в голове Нила один за другим, и не один из них не вёл к правильному ответу, лишь только к намёкам и догадкам. Мысли путались, слишком много событий промелькнуло за последнее время перед Нилусом, и он ещё не успел всё

проанализировать.

— Строг сказал, что их дети погибли от болезни, но прозвучало это очень странно. Может быть именно из-за этого семья Рокканов такая угрюмая...

— Ложись, поспи, я подежурю, — старик словно почувствовал, что юноша нуждается в небольшом отдыхе, и сразу предложил ему свою помощь.

Нил собирался уже возразить, но, опередив все его аргументы, Радобор тут же пояснил.

— Ночью, можешь бодриться сколько хочешь, но для этого нужно отдохнуть. Ты у нас практически единственный опытный воин, и мне было бы спокойнее, если во время, когда мать Луна появится на небе, ты был бы отдохнувшим и готовым к действию.

Эти аргументы быстро убедили Нила. Юноша молча залез внутрь повозки и моментально подчинился власти сна. Даже крики и визги играющих детей не смогли нарушить его покой.

Нил проснулся от того, что его кто-то трясёт за плечо. Так глубоко в сон парень проваливался лишь в тот момент, когда вышел из Дикого леса. Перед ним на корточках сидела сестрёнка.

— Нил, пойдёшь мыться? Мужчины собираются в баню, — пояснила она причину, по которой нарушила покой брата.

— А как же женщины? — протирая глаза и борясь с желанием снова вернуться в приятные объятия сна, машинально спросил Нил.

— Помылись уже, еду готовят, — пригласили Рокканов на ужин. В знак благодарности к их гостеприимству.

— Ты тоже с ними ходила?

— Нет, она села рядом с тобой и сказала, что без братика никуда не пойдёт, — вмешался в разговор Радобор. Он все также сидел на краю повозки со своей трубочкой, словно за то время, что Нил спал, не сдвинулся с места. Хотя, возможно, так оно и было.

— Нил, ты идешь мыться? — в повозку заглянул их возничий Дорел.

С этим парнем лет восемнадцати Нилус общался пару раз на привалах и особо не сдружился, впрочем, юноша держал дистанцию со всеми людьми из обоза. Лишь для старика и его внуков он делал исключение, признав в них своих.

— Нет, я посплю.

— Ну как хочешь, лопайся тут с грязи, — загоготал парень и удалился, насвистывая себе под нос весёлую мелодию.

Спать Нилусу не хотелось, но посещать баню он тоже не собирался. Юноша не хотел оставлять свою сестру без присмотра и находиться в замкнутом пространстве без оружия.

— Нил, может всё же сходишь и смоешь с себя дорожную пыль? — из угла повозки пропела Лотта. Она расчесывала свои длинные волосы деревянным гребнем и улыбалась.

— Сказал же «нет», — буркнул юноша, — буду вонять и отпугивать диких собак, — отшутился он, вызвав взрыв смеха у окружающих. Он наконец-то окончательно проснулся. Голова немного гудела, и чтобы разогнать этот улей, мешавший ему чувствовать себя бодро, Нил спустился на землю и умылся холодной водой из бурдюка. В воздухе пахло аппетитной едой, на нескольких кострах женщины готовили праздничный ужин, весело переговариваясь и смеясь. За долгие дни бегства из крепости они наконец-то могли чувствовать себя в безопасности и в полной мере наслаждались этим ощущением. Впереди их ждала долгая дорога, которая могла таить опасности, голод, длинные бессонные ночи и другие испытания,

которыми обычно переполнена жизнь всех людей, которым приходилось бежать от чего-то или кого-то.

Глава 12. Вестники войны

Солнце просыпалось, готовое с новыми силами вспахать небесный свод. Легкий ветерок заставлял деревья тихо нащёптывать путникам свои песни увядающей листвой. Трава, покрытая утренней сыростью, потревоженная копытами коней, сбрасывала капли росы на землю. К сожалению, на трех путников было всего два скакуна, к тому же один из воинов был ранен, поэтому о быстром перемещении не могло быть и речи. Впрочем, езда верхом было гораздо лучше пешей прогулки. Отряд из трёх человек отправился в путь, как только Риоту стало чуть лучше. Он сам настоял на этом, и теперь сидел в седле, стиснув зубы. Терпение и боль были его неразлучными жизненными спутниками, таков был дар Луны, с которым ему приходилось существовать. Хотя сам воин никогда на это не жаловался, благодаря навыку своего организма он до сих пор мог дышать и наслаждаться восходом солнца. Охотник ехал на коне один, а девушке и бессмертному воину пришлось делить на двоих своего скакуна.

— Сколько тебя помню, ты не чурался романтики, — Бриар заметил, что его друг последние пару минут не спускал взгляда с медленно взбирающегося на небо светила.

— Ты, как бессмертный, должен меня понимать, — Риот повернулся к собеседнику. Лицо раненого воина было очень бледным и покрыто испариной, словно он всё это время бежал рядом со всадниками, а не скакал на коне. Галоп его организм ещё не мог выдержать, поэтому кони двигались рысцей. Воин терпел боль, оставаясь на тонкой грани присутствия сознания, и чтобы отвлечь разум от саднящего чувства, старался занять его мыслями, а пейзажи как нельзя лучше располагали к философским размышлениям.

— Я давно умер для чувств, мой разум подчинён только железной логике и рационализму. Слишком много рассветов и закатов я видел в своей жизни. Увы, мой друг, они успели мне наскучить.

— Ты лукавишь, Бриар, — если бы мог, Риот улыбнулся бы сейчас своему старому приятелю, но боль сковала лицо в устрашающую гримасу. В один из приступов боли он прикусил губу, и тоненькая капелька крови наливалась на потрескавшейся и обветренной коже.

— Может быть сделаем привал? — заметив это, Гана деликатно предложила идею отдыха, чтобы не смутить раненого гвардейца излишней заботой, которая иногда так раздражает обычных мужчин, а воина могла просто оскорбить.

— Нет, я не устал. Ещё немного — час-полтора — и можем попробовать пустить лошадей в галоп, — Риот сразу отмел в сторону предложение об отдыхе. Он не хотел быть обузой, хотя понимал, что своим присутствием сковывает возможности своих спутников в скорости перемещения.

— Бриар, разве ты не замечаешь, как прекрасно каждое утро? Какое оно неповторимое? Форма облаков — она всегда разная. Капли воды всегда стекают вниз, прокладывая каждый раз новую дорогу. Я часто думал о том, сколько воинов не увидело очередную радугу после дождя? Каждый раз эти мысли заставляют меня благодарить мать Луну за ту способность, что она мне подарила. Я давно уже мог быть мёртвым, но до сих пор имею возможность дышать, и чтобы знать точно, что я живой, мне нужно наслаждаться прекрасным. Если я могу чувствовать и любить, значит я не ходячий мертвец, а настоящий человек.

— Мой друг, наверное, тебе будет это сложно понять, но я попытаюсь объяснить. Всю жизнь я вижу смерть, будь то война или мир. Всё умирает для того, чтобы родиться вновь. Животные, растения, люди... Я могу остановить рукой меч врага, но не могу задержать смерть. Слишком много людей умерло на моих руках, от ран или старости. Близких и дорогих мне людей, — голос Бриара был спокойным и ровным, словно он говорил не о своих переживаниях, а читал пергамент с записями о долговых расписках, — в один из таких моментов тебя переполняет боль, и ты понимаешь, что от неё никуда не убежать. Кинжал не останавливает твоё сердце, а кровь не вытекает из распоротых вен. Я понял, что я не нужен смерти. Мать Луна создала меня для чего-то большего, чем неизбежность погребального костра.

— И для чего же? — казалось, что разговор так увлек раненого воина, что даже боль отступила.

— Я должен помогать людям делать правильный выбор. Я видел ошибки каждого поколения, собирал информацию, анализировал и делал выводы. Мать Луна дарила мне бессмертие для того, чтобы я мог видеть, слышать и запоминать. После сотысячного восхода солнца он кажется таким же обыденным и простым, как дыхание. Мы же просто дышим, не задумываясь над тем, когда делать вдох, а когда выдох?

Бриар чётко помнил тот момент, который навсегда изменил его. Он забывал многое, что происходило в его жизни, но этот случай прочно пустил корни в его разуме, оставаясь напоминанием о прошлом Бриаре, жизнерадостном и эмоциональном. Это случилось очень давно, когда снег иногда падал с неба белыми пушистыми хлопьями, а реки и озера покрывались панцирем из льда. Сейчас снег можно увидеть только в горах, а тогда он каждый год являлся в гости к людям. Бриар открыл дверь хижины, выпуская на улицу клубы пара. Внутри царил чистота и уют. Его жена копошилась у печки, а рядом в деревянной люльке спал его сын. Эта милая глазу домашняя картинка всегда заставляла его сердце биться чаще, но не сейчас. Бриар уже успел запутаться в своих жизнях, нескончаемым караваном уходившим в глубь его подсознания. Всех, кого он любил, всегда отнимала смерть, в отличие от него, вечно молодого и здорового, болезни и старость не обходили никого стороной. За свою жизнь ему приходилось быть беглецом, отшельником. Он исколесил весь континент и сменил тысячи профессий. Его любили тысячи красивых женщин, но ни одна из них не могла подарить ему наследника. И вот, когда Бриар уже совсем отчаялся когда-нибудь подержать в руках маленькое плачущее чудо, его любимая женщина сделала ему лучший подарок в жизни — родила сына. Это было лучше, чем бессмертие! Вернее, этот лунный дар обрёл какой-то смысл. Наконец-то Бриар понял, что такое настоящее счастье. Заключив свою возлюбленную в объятия, он поцеловал её в шею и осторожно, но страстно прихватил зубами. Женщина улыбнулась и ловко выскользнула из его объятий.

— Тише, дуралей, разбудишь нашего малыша, — прошептала она, погрозив ему тоненьким пальчиком.

— Я постараюсь быть тихим как филин, летающий в ночи, а вот тебе придётся постараться, чтобы не проронить и звука, — полупшепотом ответил он, снова привлекая её к себе.

Их тела сомкнулись в страстном объятии, а губы утонули в глубоком поцелуе...

— Бриар, похоже, что дальше нет дороги.

— Бриар!

От оклика воин вернулся в реальность. Давненько он не проваливался так глубоко в свои воспоминания. Во снах это случалось часто, но чтобы днём... В двухстах шагах от их маленькой компании дорогу перегораживало несколько поваленных деревьев. Путники остановили коней.

— Это явно дело человеческих рук, — отметил Риот, — что будем делать?

— Мы не можем возвращаться и петлять по лесам, нам нужно как можно быстрее добраться до Двух баронов.

— Значит вперёд? Но там нас поджидают. Я чувствую запах давно не мытых тел. Ветер приносит их как раз оттуда. Они хотя бы натерлись оленьим навозом, даже мой ученик устроил бы засаду лучше, — в последней фразе Риота послышался укор, которым опытный учитель обычно награждает нерадивого ученика.

— Хорошо, что старый охотник не позабыл свои навыки! — грустно улыбнулся Бриар. Ситуация, в которую они попали, его не радовала, но он выпутывался и не из таких передряг, правда на этот раз с ним был ценный спутник и его нужно было доставить в столицу невзирая ни на что. Нужно было срочно принимать решение.

— Нас моментально настигают стрелами из кустов, как только мы приблизимся, — словно прочитав мысли своего товарища, вслух продолжил их Риот, — и если нам с тобой это особого вреда не причинит, то нашей спутнице...

Продолжать он не стал, ответ был весьма очевидным.

— Прорываться сквозь засаду — дело отчаянное и зачастую бессмысленное, — Бриар за свою жизнь видел бесчисленное множество подобных ловушек. Грабёж людей на дорогах — банальный способ быстрого обогащения. Это было одним из древнейших занятий, которые освоил человек со дня падения Луны.

— Что ты предлагаешь? Я не против хорошей драки, но сейчас я не в лучшей форме для этого. На коне я могу сбить пару пехотинцев и буду иметь преимущество, но дорога слишком узкая для манёвра, и меня быстро собьют с коня или...

— Может быть, попробовать договориться с теми, кто спрятался в кустах? — неожиданно перебила воина девушка, до этого молчавшая почти всю дорогу. Она не выглядела испуганной, хотя глубоко внутри ей было не по себе. Гана научилась держаться достойно в любых ситуациях, ведь у неё был лучший учитель на свете. Её важное путешествие могло закончиться на середине пути, а она не могла этого допустить.

— Да, Гана, ты права. Я как раз думал над этим вариантом, — Бриар неторопливо слез с коня, — оставайтесь здесь. Я пойду туда и поговорю с теми парнями, что ленятся найти себе более полезное ремесло, чем это. Возможно, я смогу их убедить.

— А что нам делать, если те, кто сейчас прячутся по кустам, нападут на тебя? — спросила девушка.

— Бежать отсюда, — ответил бессмертный воин, заглянув в глаза к своим спутникам, — а ты, Риот, проследишь, чтобы вы это делали без остановок. Скачите, пока не окажетесь в безопасном месте. Я вас найду позже.

Бриар положил руку на рукоять меча и прогулочным шагом направился в сторону поваленных деревьев.

— Мы действительно бросим его здесь, если на него нападут? — девушка не могла решиться, нарушить ли указания своего наставника и двинуться за ним следом или остаться на месте. Человечность и чувство привязанности к тому, кто потратил на её воспитание несколько лет, буквально заставляли идти за ним по пятам, но благоразумие,

ответственность и логика велели обратное.

— Да, мы именно так и поступим, — кивнул Риот, — в мире есть два человека, которые никогда не ошибались и в чьих приказах я никогда не сомневался. Благодаря этому многие люди остались живы. Это капитан Каракка и Бриар. Они лучшие среди всех детей Луны. С ним всё будет хорошо, миледи.

Девушка понимала, что её наставник бессмертен, но сейчас она искренне переживала за него. Закрыв глаза, она стала просить у матери Луны защиту, а также молиться всем забытым богам сразу, прося у них помощи. Она не хотела потерять того человека, который заменил ей отца. Даже если эта разлука будет длиться всего несколько часов.

Глава 13. На подступах к Лорель

Зверолюды разбили свой лагерь в стороне от основных сил. Огненноголовых и людей они не жаловали, впрочем, те отвечали взаимностью и считали их дикарями. Множество разрозненных племен со временем объединились в три прайда. Внутренняя вражда всегда отступала перед внешней опасностью, поэтому все племена соблюдали закон крови. Над остальными главенствовал тот вид, вожак которого побеждал действующего вождя в поединке до смерти. При таком подходе всегда правил самый сильный и умный, потому что недалёкие люди и полные дураки умирали всегда первыми. При этом вождь имел право сделать из шкуры поверженного врага часть своей накидки. По количеству лоскутов и хвостов можно было понять, скольких претендентов на власть он одолел за свою жизнь. У зверолодов не было принято заключать узы брака, за что их особо презирали люди и огненноголовые. Женщины сами выбирали себе партнеров, исключением являлись лишь вожаки каждого из прайдов, имевшие право любить кого и когда захотят. Всего существовало три вида людей-зверей, произошедших от первородных отцов: люди-волки, люди-ящеры и люди-медведи. Остальные виды были очень малочисленны или были полукровками, появившимися от слияния разных видов, очень часто это были дети вождей. Они не имели никаких прав на власть, поэтому никто не воспринимал их в серьёз, тем более что в клановой иерархии такие зверолоды, даже не смотря на их влиятельных родителей, находились в самом низу.

Улон смотрел в сторону крепости, погруженный в свои мысли, когда к нему подошла Иштана. Эта смуглая красавица всегда находилась около своего вожака, отгоняя от него всех остальных женщин. Её боялись, поговаривали, что парочку девиц, которых она заметила крутящимися около Улона, воинственная женщина хорошенько оттрепала, что послужило для всех наглядным уроком. Сама же она старалась делать всё возможное, чтобы её любимый вождь не заглядывался на других девушек. Иштана обняла мужчину и, привстав на цыпочки, положила свой подбородок ему на плечо. Улон давно учуял её, поэтому знал, что находится не один.

— Мы будем сегодня штурмовать крепость? — спросила девушка, осторожно прихватив зубами мочку уха мужчины.

— Нет.

— Почему? — девушка не ожидала такого ответа и от удивления выпустила ухо своего возлюбленного, — разве ты не хочешь ткнуть носом в навоз всех вождей огненноголовых и высокородных отпрысков людей? Они за сегодняшний день совершенно ничего не добились! Если мы захватим крепость, то вся слава достанется тебе, а нашему роду — уважение!

— Ты разве не видела, как они сожгли большой отряд воинов?! Это были опытные солдаты и сильные мужи, всех их огонь пожрал за считанные секунды, превратив в пыль на земле. Я до сих пор чувствую запах их сгоревших тел...

— Улон, ящеры ждут твоего приказа. Если кто-то умрет этой ночью, то такова воля наших праотцов! Они в считанные секунды заберутся на стены и порвут глотки охране. Ворота будут открыты, а мы спокойно попадём внутрь!

— Женщина! — вождь повернулся к Иштане и крепко прижал к груди, голос его был твёрд, но не излучал агрессию, — я знаю, что я делаю! Если бы я не взвешивал каждое своё

решение и не обдумывал каждый свой шаг, я бы никогда не стал вождём. Я не хочу спешить. Чем больше потеряют под стенами Лорель люди и огненноголовые, тем ценнее станет наша победа. К тому же измотанные защитники рано или поздно не смогут твердо сжимать в руках оружие, а их глаза будут не такими меткими, как сейчас. В этот момент ударим мы! Это будет мощный и решительный удар, который решит судьбу Лорель и станет началом новой истории зверолодов. Мы, настоящие дети Луны, должны вернуть себе почёт и уважение.

— Я совсем не сомневалась в твоих решениях, — женщина скромно потупила взор, — но может быть тогда послать ящеров, чтобы они просто не дали возможность защитникам спокойно спать? Пара бессонных ночей и оборона от штурмующих Лорель отрядов сделают своё дело. Бессонница и усталость наполнят руки защитников крепости свинцом и наши воины возьмут крепость малыми силами.

Вождь взял девушку двумя пальцами за подбородок и притянул её лицо к своим губам. Глядя в её карие глаза, ему иногда казалось, что время останавливало свой ход.

— Так тому и быть, Иштана! Я отдам приказ воинам, и с наступлением сумерек отряды разведчиков отправятся к крепости. А сейчас иди в шатёр и жди меня, — вождь грубо схватил девушку за волосы. От неожиданности она слегка приоткрыла рот в хищной улыбке, её дыхание участилось.

— Жди меня, и я сделаю тебя самой счастливой женщиной под сегодняшней Луной.

Тимерион был совершенно спокоен. Мать Луна смотрела на него своим немигающим глазом, ласково приглядывая за своим сыном в такой ответственный момент. Дуновение ветра принесло прохладу, заставляя подняться маленькие волоски на руках и ногах. Воин был не один, рядом в две линии стояли двадцать его братьев. Каждый из них настраивался на предстоящую вылазку по-своему.

— Приступайте, — скомандовал Улон.

Зверь, томящийся внутри Тимериона, наконец-то получил возможность вырваться наружу. Как собака, сбежавшая из загона, в котором она наизусть знала каждый сантиметр пространства, зверь стремился на волю, хрустя сухожилиями, скрипя изменяющимися мышечными волокнами и костями. Через несколько мгновений после изменения тела Тимерион несколько раз быстро высунул наружу раздвоенный язык. Воздух пах потом людских тел, дымом костров и запахом горелой плоти. Глаза зверолода стали лучше видеть в темноте. Многие детали, ещё несколько секунд назад бывшие для него незаметными, открылись во всех подробностях. Полевая мышь юркнула в паре метров в кусты, и воин отреагировал на это поворотом своей треугольной морды. Метаморфоза завершилась, и все зверолоды приняли форму ящеров. Они достигали трех-четырёх шагов в длину и двух в высоту. Это был отряд разведчиков, который должен был сегодня ночью сделать свою первую вылазку в Лорель. Оруженосцы тут же начали помогать облачаться в боевую амуницию. Штурм крепостных стен сегодня никто не планировал, поэтому тяжёлую броню на воинов вешать не стали. Её место занял облегчённый вариант для разведчиков — кожаные доспехи с металлическими набойками, кожаные шлемы с металлическим каркасом и полумаской с прорезями для глаз. На лапы нацепили полуперчатки с острыми металлическими когтями, имевшими на конце крюки, — это было не только отличным оружием, но и прекрасным приспособлением для преодоления крепостных стен. Крючьями можно было цепляться за щели и выбоины между камнями, тем самым людо-ящеры имели

возможность карабкаться по вертикальной стене без использования верёвок или лестниц. Тактика зверолодов не предполагала использования осадных машин или штурмовых башен. Их воины живым потоком преодолевали стены, сметая всё на своём пути. Наплечники, наколенники и налокотники с шипами стали финальным штрихом подготовки отряда. Воины переминались с лапы на лапу, периодически стегая воздух кнутами своих языков. Наконец Темирион издал гортанный рык, подхваченный разведчиками его отряда и зверолодами, стоявшими вокруг. От такого звука у простых людей обычно начинался приступ паники, ведь они знали, что где-то поблизости находится опасный враг, который вышел на охоту. Рвя когтями траву и вырывая комья земли, людоящеры рванули вперед. Ветер обдувал лицо. Хотелось бежать вперёд, целиком и полностью отдаваясь бегу и наслаждаясь скоростью. Земля впереди пахла огнём, горелой плотью и смесью странных неприятных запахов. Вскоре отряд сбавил свой темп и разделился на две группы, каждая из которых стала шагом перемещаться вдоль скал. Мать Луна предательски выдавала силуэты своих детей на ровном пространстве перед крепостью, поэтому для соблюдения конспирации им пришлось двигаться как можно ближе к горной породе. Пока отряд оставался незамеченным часовыми на крепостных стенах. Если защитники не выставили патрули, это было бы настоящей беспечностью, но и большой удачей для отряда лазутчиков. Полоска горелой земли отвратительно воняла, забивая вкусовые и обонятельные рецепторы на языке. После того как отряд пересек эту горелую плешь, нюх каждого людоящера заметно ухудшился, казалось, что эта вонь буквально прилипала к коже. Впереди виднелось точно такое же пространство, которое не казалось таким уж вонючим, сливаясь в общей какофонии неприятных запахов. Обоняние больше не служило людоящерам каким-либо источником информации. Через несколько шагов под ногами у Темириона, шедшего первым, что-то лопнуло, обдав его морду, лапы и грудь какой-то липкой взвесью. Это стало для него полной неожиданностью. Воин остановился и недоумевающе осмотрелся. На противоположной стороне долины, там, где продвигалась вторая группа разведчиков, он увидел светящиеся всплески, которые сначала замерли, а потом начали медленно двигаться вперёд. Воин опустил взгляд на свои лапы и мгновенно понял всё. Они были покрыты светящимися спорами горного гриба, из которого великаны делали свой хмельной квас. Из-за ужасной вони, стоявшей вокруг, он не смог его определить по запаху, а внешне он выглядел как незаметный бугорок на земной поверхности. Темирион не знал, откуда здесь оказался этот горный гость, но сразу понял, что защитники использовали его в качестве сигнализации. В подтверждение его догадки на стене затрубили в рог, и пара стрел вонзились в землю в опасной близости от его лап. Темирион взревел, подавая сигнал своим воинам. Сотрясая воздух, боевым рыком они ринулись к стене, ломая свой строй и постоянно меняя направление своего движения. Тут и там под ногами воинов лопались грибы, окрашивая их светящимися в темноте спорами. Они то приближались к стене, то отдалялись, со стороны казалось, что они просто резвятся как какие-нибудь котята, гоняющие по полу солнечного зайчика.

Лондаик соскочил со своего места и ринулся к стене. Он ещё не успел глубоко провалиться в сон, поэтому чувствовал себя достаточно бодро. Хотя за всё время своей воинской службы ему часто приходилось экономить на сне. Под стенами бесновались силуэты крупных животных, испещренные светящимися в темноте вкраплениями, у некоторых под ногами вспыхивали небольшие яркие вспышки, которые оставляли свой след

на их телах. Зверолюды пытались тайком проникнуть за стену, но хитрая сигнализация Гершгафа спутала лазутчикам все карты. Теперь они просто уничтожали оставшиеся горные грибы, резвясь под стенами и пугая защитников Лорель, многие из которых только проснулись.

— Отставить стрельбу! — отдал приказ лейтенант, останавливая эту безрассудную трату стрел. Стрелять по плотно идущему строю, ориентируясь на заранее установленные метки, — это задача несложная, а пытаться попасть с такого расстояния по отдельным, непредсказуемо мечущимся ночью целям, — совершенно бессмысленное занятие. Достичь успеха в таких условиях мог только очень опытный лучник, а среди защитников Лорель таких было мало.

Переполошившиеся воины смотрели вниз с нескрываемым удивлением, а многие даже страхом. Так близко зверолодов ни один из них ещё не видел. План лазутчиков тайком пробраться за стену потерпел неудачу, и они просто уничтожали остатки сигнализации, а заодно показывали себя своим противникам. Это было, конечно, пугающим зрелищем, учитывая, что при свете Луны были видны лишь размытые силуэты, перемазанные светящимися во мраке грибными спорами. Солдаты понимали, что им предстояло в скором времени не просто смотреть на зверолодов, а сражаться с ними в бою. Вернуть спокойствие обороняющимся солдатам могла лишь мысль о том, что от этих ужасных тварей их разделяет стена. Но надолго ли?

Глава 14. Лесной приют

Вечер в лесном убежище для утомленных последними днями беглецов начал казаться идеальным. За крепким частоколом они чувствовали себя в безопасности, а гостеприимные хозяева позволили уставшим людям насладиться такими простыми и приятными вещами, как горячая вода и приготовление пищи на открытом огне без боязни быть замеченным опасными хищниками.

— Ну чего ты такой недовольный? Тебя что-то тревожит? — спросил Радобор, забивая свою трубочку свежей душистой травой.

— Не знаю, — Нил прислушался к своим внутренним ощущениям, пытаясь найти там подсказку, но интуиция молчала, — может ещё раз прогуляться?

— И опять столкнуться с той мужеподобной бабенцией, о которой ты рассказывал? — хохотнул старик. — Тебе это нужно?

— Тревожно мне, — пояснил своё беспокойство Нил и тут же признался: «Никогда так себя не чувствовал. Словно внутри, где-то в груди, меня колют маленькие иголки. Они словно заставляют меня что-то делать.»

— Хм, — старик задумался, насупив брови, и потянул воздух через трубку, — знаешь о чем я размышлял пока ты спал?

И не дожидаясь ответа от юноши начал делиться своими догадками.

— Ты вроде как обычный парень, тренированный, с мечом обращаться умеешь. Да не так, чтобы просто махать, а бьёшь им метко и со смыслом. Я видел, как ты сражался с этими здоровенными лесными псами — у тебя отличная реакция. Как у воина. А до этого по твоим рассказам, которым я верю, ты победил отряд зомби, а это люди. Мёртвые, но люди, действиями которых управлял чародей!

— Мне тогда помогли..., - начал оправдываться Нил.

— Не перебивай, а-то все мысли растеряю, — заворчал Радобор, — победив их, мертвецов вместе с хозяином-культистом, ты стал сильнее. Ты понимаешь, что цепь этих событий не простое совпадение или удача?

— А что же это тогда? — мальчишка никогда не задумывался о том, как он победил своих врагов. Он просто действовал, подчиняясь инстинктам, и они его гнали вперед, когда нужно было спасти сестру, или обострили его чувства и реакцию, когда появилась необходимость защищать детей в повозке от огромных псов, — наверное, меня очень хорошо обучал мой наставник Риот?

— Кто выжил из твоего селения? Только ты и сестра! — продолжал размышлять вслух Радобор. — Удача? Возможно...

— Это всего лишь случайность! — возразил упрямый юноша, — когда напали на посёлок, меня там не было!

— Случайности тоже бывают разные. Одни приходят всего раз в жизнь, другие постоянно. Раз за разом. И ты понимаешь, что это закономерность! Обычным людям такая удача улыбается не часто, потому что она постоянно смотрит на необычных. Мне кажется, что ты — дитя Луны!

Эта фраза прозвучала так же неожиданно, как если бы на безоблачном небе сверкнула молния. Нил остолбенело уставился на Радобора. Сама эта мысль казалась ему настолько

дикой, что он даже не пытался её к себе приблизить.

— Ты помнишь своего отца? Какой он был? Когда у тебя появилось чувство лидерства и отменные боевые навыки? — не унимался старик. Сейчас он выглядел в высшей степени возбужденно. Он нервно взъерошил свои волосы, топя в своей шевелюре пальцы, — кем был твой отец?

— Плотником, — обескураженно ответил Нил, сейчас его обуревали противоречивые чувства, которые рвали его изнутри на тысячи кусков. С одной стороны старик отметил действительно странные вещи, но с другой Нил не помнил про отца никаких деталей, а свои боевые навыки всегда считал платой за многочисленные тренировки с Риотом. Сейчас парень глубоко задумался, но углубиться в свои воспоминания не получилось.

— Я не помню его. Пытаюсь, но не могу, — словно оправдываясь перед стариком, виновато произнёс юноша, — даже лицо не могу вспомнить, сколько ни пытался.

— А где ты взял свой меч? — продолжал любопытствовать Радобор.

— Его хранила моя матушка в память об отце.

— Зачем плотнику меч? Откуда он у него? — не унимался старик. Он выглядел очень возбужденно, словно находился на пороге великой тайны. Самой большой в его жизни.

Юноша задумался. Он помнил, что мать говорила ему про их семейное оружие — его принесли друзья отца, когда он не вернулся с войны. При этом юноша не мог вспомнить образ своего родителя. Даже когда Нил старался разбудить внутри себя воспоминания из глубокого детства, ничего не получалось. Каждый день подкидывал ему больше вопросов, чем ответов. Юноша в очередной раз попытался вспомнить лицо отца. Стали появляться детали, которые были слишком размыты для узнавания. Какой-то туман не давал Нилусу увидеть черты родного лица. Он сосредоточился до такой степени, что несколько капель пота скатились по его вискам. Даже старик затих со своими расспросами, понимая, что с юношей что-то происходит. Наконец, когда клубы дыма начали отступать перед сосредоточенностью юноши, с улицы раздался истошный крик, тут же подхваченный другими женскими голосами.

— Собака, собака! — кричал кто-то.

Нилус и Радобор одновременно вскочили и спрыгнули с повозки.

— Сидите тихо и не высовывайтесь! — приказал детям Радобор.

Старик и юноша переглянулись. Взгляды эти сказали больше чем слова.

— Я пойду, посмотрю, что там, — Нил обнажил свой меч, который, как ему казалось, сам рвался наружу, и побежал к центру лагеря, где в свете костра металась людские тени.

Парень бежал туда не потому, что там была опасность, манившая его адреналином, или в знак благодарности людям из каравана. Юноша поддался импульсу, который гнал его вперёд, ведь Нил уже успел понять, что назад пути нет. Прошлый мир рухнул, а к новому лежала долгая дорога, и он был готов прорубить своим мечом каждый свой шаг.

— Тогда я буду охранять детей! — крикнул ему вслед старик, доставая из вещей свою дубину. Ему было немного неловко, что юноша отправился один в сторону опасности, но и оставить детей одних он не мог.

— Дедушка, что там происходит? Мне страшно! — пропищал кто-то из малышей.

— Замерьте в углу повозки и не издавайте ни звука, — тихо произнёс старик и приложил указательный палец к своим губам.

— Нил... С ним ведь правда всё будет хорошо? — прошептала Лотта словно утвердительный ответ Радобора мог как-то огородить юношу от опасности.

— Мой брат сильнее всех! С ним ничего не случится! — хорохорясь, ответила за старика Зара, но губы её в этот момент беззвучно произносили обращения к матери Луне с просьбами помочь её единственному родному человеку на этом свете.

Нилус со всех ног бежал в сторону криков и вскоре наткнулся на труп женщины с разорванным горлом, это были явные следы от собачьих зубов. Похоже, что псы не успокоились после той стычки и выслеживали караван беглецов. Но как им удалось проникнуть за стену? Ответ на этот вопрос Нил не знал, да и пока он его мало волновал, сначала нужно было избавиться от угрозы, а потом уже выяснять причину. Мужчин юноша не видел, из бани никто не выбежал, неужели они не слышали, что творится снаружи? Хотя баня сразу показалась Нилусу странной, и стены из толстых бревен попросту могли не пропускать звук. Ещё несколько женских мёртвых тел лежало возле костра, одна из них пыталась закрыть собой ребёнка, но это не остановило лесных псов. Юноша замедлил шаг, и в этот момент на него из темноты выпрыгнул огромный зверь, он летел прямо на парня, намереваясь сбить его с ног. Огромные клыки угрожающе белели в свете луны. Нил успел среагировать на эту атаку, в последний момент перекатившись по земле в сторону, лишь собачья шерсть слегка задела его по руке. Хищник скрылся в темноте так же неожиданно, как и появился секунду назад, но Нил знал, что он где-то рядом и готов к повторной атаке. Возможно, сейчас из мрака за юношей наблюдали и другие его сородичи, устроившие здесь кровавый пир. И они не заставили себя долго ждать. Невероятным образом почувствовав движение сзади, юноша резко присел и, развернувшись, взмахнул мечом, вспарывая брюхо огромному псу, кинувшемуся на него из темноты. Собака заскулила и забилась в судорогах на земле, бешено молотя по воздуху огромными лапами. Не давая парню опомниться, на него бросился другой зверь. На этот раз удар юноши был менее точным, он всего лишь глубоко рассёк переднюю лапу нападавшему на него хищнику. Животное приземлилось, но тут же, взвизгнув от боли, повалилось ниц, резко поднялось и, скуля, засеменило под защиту темноты, подволакивая одну лапу. Некоторое время этого пса можно было не опасаться. Находясь посередине лагеря из повозок, Нил быстро оценил ситуацию. Неизвестно, сколько собак пряталось во мраке ночи, в одиночку он не смог бы прекратить эту бойню. Женщин и детей огромные псы, судя по предсмертным крикам и звукам хрустящих костей, просто разрывали на части. У него был лишь один шанс — прорваться к бане и позвать мужчин, которые почему-то до сих пор не выбежали на этот шум. И может быть, тогда удастся кого-нибудь спасти. Хозяев убежища Нил тоже ещё не видел, возможно, они трусливо забаррикадировались внутри одного из домов. Юноша совсем не испытывал страха, он был уверен в том, что делает. Ноги сами несли его к бане, он понимал, что это единственный правильный выбор в сложившейся ситуации. Меч, спасавший его уже несколько раз, который он крепко сжимал в своей руке, не позволял сомнениям закрасться в голову. Только сообщая с другими беглецами юноша мог противостоять этому вероломному нападению. Сестра и дети со стариком находились вдали от остальных повозок, где сейчас разыгрывался смертельный пир. Нападавшие псы какое-то время будут заняты убийством женщин, а в одиночку Нилу их не остановить. Зато все эти люди своими жизнями давали сейчас юноше время и возможность позвать помощь и защитить сестру. Парень даже не осознавал, когда он научился быстро принимать такие циничные решения. Возможно, события последних дней, быстро сменяя друг друга, закалили его характер, превращая в воина, который хочет выжить, защитить свою сестру и всех, кто стал ему дорог. Жизненные обстоятельства, как кузнец, закаляющий расплавленный металл в воде и делающий его способным рубить плоть,

выковали из простого деревенского паренька циничного человека с обостренными инстинктами к выживанию. Вот показалась заветная стена бани. С удивлением Нил обнаружил, что в печи полыхало большое количество дров, пламя вырывалось наружу, хищно облизываясь. Нехорошее предчувствие закралось в его голову. Он рванул на себя дверь, но она осталась на месте. Тогда он заметил на ней засов. Эта деталь здесь казалась совершенно лишней, но теперь юноша понял, почему мужчины не могли выбраться из бани. Нил отодвинул его, и только тогда дверь поддалась. В лицо ударил сильный жар, и это несмотря на то, что он сейчас стоял всего лишь в предбаннике. Опрометчиво схватившись за запирающий механизм, Нил вскрикнул и одернул руку назад. Металл нагрелся до такой степени, что обжигал руки. Юноша пустил в ход рукоять меча, нанеся ею несколько ударов. Лязгнув ещё один засов, вместе с открывшимся проходом на парня навалилась стена горячего пара, от которого обожгло легкие и сперло дыхание. Сквозь клубы пара Нилус заметил кучи обнаженных тел внутри помещения. Без сомнения они все были мертвы. Все мужчины и дети мужского пола были сварены в этой бане, которая не зря показалась Нилу подозрительной. Всех их таким простым способом убили хозяева лесного убежища, а в том, что это были они, у Нила не возникало никаких сомнений. Юноша даже не стал задаваться вопросом — «Для чего они это сделали?» Драгоценные минуты нельзя было терять впустую, их нужно было тратить на принятие решений и действия. Получалось, что в живых оставался только он и обитатели его повозки. Задерживаться, здесь в бане, не было никакого смысла, ведь он мог попасть в ту же ловушку, что и мёртвые люди, лежавшие на полу. Если снаружи кто-нибудь закроет дверь на засов, он не сможет отсюда вырваться. От одной только этой мысли ему стало не по себе, он рванул к выходу и заметил, как там промелькнул чей-то тёмный силуэт.

Глава 15. Прерванный путь

Бриар медленно передвигался по дороге, шаг за шагом приближаясь к поваленным деревьям, мешавшим дальнейшему передвижению его маленькой компании. Не доходя двадцати шагов до препятствия, он остановился и поднял вверх правую руку.

— Я знаю, что вы смотрите на меня из кустов. Выходите и поговорим!

Спустя некоторое время Бриар услышал в зарослях с левой стороны от себя приглушённые пререкания, неловкая пауза затягивалась, словно его таинственные оппоненты не были готовы к такому повороту событий. Спустя несколько томительных мгновений ветки зашевелились, и перед ним оказался худощавый плешивый коротышка в старой, давно не стиранной засаленной одежде. Он вылетел так резко, словно кусты бузины выплюнули его за ненадобностью, хотя естественное ускорение ему придали человеческие руки, а возможно, и пара ног. Мужчина явно не очень уютно чувствовал себя перед воином, и было заметно, что он сильно волновался. Гвардеец с ожиданием смотрел на него, но тот не предъявлял никаких требований. Пауза затягивалась. За это время Бриар успел заметить пару лучников и человека, вооруженного арбалетом, которые держали его на прицеле. От внимательного взгляда воина не ускользнули ещё пять человек с короткими метательными дротиками, которые неумело прятались за преградой из поваленных деревьев.

— Господа, я рад бы с вами постоять ещё немного в этом чудесном лесу и подышать ароматным воздухом, но совершенно не настроен на романтику. Дело в том, что я и мои спутники — мы сильно торопимся. Давайте уже минуем неловкую стадию первого знакомства и перейдём к следующей — вашим требованиям?

— Господа? — нервно захихикал парламентёр грабителей и облизал пересохшие губы, — мы — народ простой! Хочешь идти дальше — оставь коней, оружие, ценности и топай восвояси!

Закончив своё предложение, человек явно прибодрился и стал чувствовать себя смелее!

— И побыстрее! Мы торопимся! — добавил он и, видимо, сам не ожидая от себя такой наглости, начал рыскать глазами по кустам, ища одобрение своих подельников, а заодно и выдавая места, где они прятались.

— Это превосходно! Наши стремления совпадают! Вы торопитесь, и мы спешим! А значит сможем быстро договориться! — воин развел руки в стороны, словно пытался обнять незнакомца как старого знакомого. Этот жест напугал маленького человечка, и он резко отскочил назад.

— Я и так уже всё сказал, — срываясь на высокие ноты, заверещал коротышка, но тут же успокоился и, быстро тараторя, добавил: «Гоните деньги, лошадей и оружие и можете идти по своим делам!».

Складывалось впечатление, что роль парламентёра была для него очень некомфортной, и он мечтал лишь об одном, чтобы всё поскорее закончилось.

— Милейший сударь, так переговоры не ведутся, мы ведь пытаемся договориться о нашей небольшой проблеме, а это означает взаимные уступки. Смотрите сами, я знаю, что вас здесь как минимум десять человек. И судя по тому, что из-за препятствия я чувствую легкий похмельный запах, утро у вас не задалось. Как мужчина я вас понимаю — бывает! Но это не повод для плохого настроения. Мы в свою очередь тоже устали от дальней дороги и

хотим поскорее попасть в замок к Двум баронам. А теперь перейдем к делу. Коней мы вам не можем отдать, потому что они нам нужны у нас действительно важное дело, оружие тоже, потому что гвардейцы императора никогда не отдадут свои мечи.

При упоминании гвардии низкорослый человек побледнел и осторожно начал пятиться назад, пока не уткнулся в поваленное дерево. Тем временем воин продолжал своё красноречивое выступление.

— Давайте совершим сделку. Мы будем считать вас паромщиками на переправе, и каждому я заплачу по золотому! Нет, даже по два золотых! Тем самым мы урегулируем все наши разногласия. Мы проедем дальше, а у вас появятся деньги. И в качестве приятного подарка, в знак моего уважения к достигнутым договоренностям, я оставлю вам бурдюк с отличным хмельным квасом из горных грибов.

Было видно, что переговорщик грабителей совсем не был готов к такому повороту событий. Обычно все в ужасе отдавали свои вещи и быстро убегали прочь, но этот не раз проверенный сценарий сегодня не сработал. Неожиданно кусты зашевелились, и из них вышел широкоплечий мужчина в такой же старой заношенной одежде, как и у его компаньона. Он отвесил коротышке хорошую затрещину и, пнув под зад, отправил обратно под защиту веток и листьев.

— Чего ты встал как вкопанный? Мы до вечера должны в кустах сидеть и ждать, когда ты из себя нужные слова выдавишь?

— Как я понимаю, вы наделены большими полномочиями, чем предыдущий парламентёр, — язвительно отметил воин, наблюдая продолжение этой комичной сцены. Его несколько раз в жизни пытались грабить, но так неумело и забавно впервые.

Новый грабитель недовольно повернул голову набок, упёр свои здоровенные ручища в бока и напустил на себя максимально устрашающий вид, который вскоре свела на нет широкая улыбка.

— Бриар!

Воин понял, что его узнали, и попытался вспомнить, где он мог видеть эту карикатуру на человека. Кудрявые вьющиеся волосы и длинная борода покрывали всю голову, подставляя под солнечный свет лишь часть лица от усов до лба.

— Это же я! Гилрой! — мужчина захохотал и от души шлёпнул себя по ляжкам ладонями, видимо, этот жест выражал у него чувство невероятной радости. Впрочем, Бриар уже узнал этого гвардейца, если грязь и лохмотья могут замаскировать человека, то повадки, как почерк, всегда выдают его с потрохами.

— Ребята, это свои! — обратился разбойник в сторону кустов, и по его властному голосу стало сразу же понятно, что в этой банде он является главарём. Гвардеец, пусть даже бывший, никогда не мог быть на побегушках у каких-то оборванцев, — открывайте проход!

То, что произошло дальше, удивило воина. Из кустов быстро выбежали прятавшиеся там люди. Они столпились по краям от завала. Через мгновение деревянная преграда стала подниматься в разные стороны, открывая проход.

— Недурно, — похвалил конструкцию Бриар, — ты сделал это по принципу разводных мостов?

— Ага, надоело постоянно валить деревья на дорогу, а потом оттаскивать их в стороны. Мы сделали несколько таких баррикад вдоль дороги, караулим путников в разных местах.

— А сам не боишься засады?

— Нет, Бароны давно хотят нас поймать, но лес — это наш дом! Армию сюда не

загонишь, а мы знаем здесь каждый кустик. Отряды, что иногда приходят по наши головы, нас изрядно веселят. Стоят в засаде, мёрзнут, не спят, ждут нас, а как заканчивается еда, едут назад в крепость. Голодные, озябшие и злые. Мы лишь тихонько похихикиваем, наблюдая за ними с деревьев.

Трое путников, ведя коней под уздцы, в окружении ватаги грабителей шагали в их лесной лагерь. Гилрой был потрясающим инженером, природа наградила его огромной физической силой, но особых ратных подвигов он не снискал. Все его трофеи обычно доставались ему на любовных полях сражений. Бриар помнил его гладко выбритым, в чистом с иголки камзоле и всегда благоухающим от ароматных масел. Мускулистый брюнет с обворожительными зелёными глазами обладал какой-то необъяснимой властью над женщинами, возможно, это тоже было частью дара Луны. Сейчас жизнь в лесу отразилась на его внешнем виде, предводитель разбойников был грязен, лохмат и смрадно пах, но он не утратил своих манер, предложив своим гостям отобедать в их лагере, но Бриар вежливо отказался и кратко рассказал о том, что должно случиться, а возможно, уже происходит у стен Лорель.

— Пойдём с нами, — предложил бессмертный воин, — мне понадобится твоя помощь.

— К сожалению, дорогой друг, я не могу покидать пределы этого леса, да и своих приятелей без присмотра не могу оставить. Ты же видел, какие они в деле. Без меня они пропадут.

— Без тебя, возможно, падут остатки империи!

— Сейчас для меня они — остатки империи, — Гилрой развел руки в стороны, показывая на угрюмых разбойников, уныло шедших чуть поодаль.

— Кто они?

— Все, кто смог убежать от правосудия Двух баронов. Этот лес — единственное место, где можно спрятаться и выживать тем, кого разыскивают за разные провинности.

— Убийцы, насильники? — начал своё невесёлое перечисление Бриар, — детоубийцы...

— Нет, что ты, все мы обычные люди, кто-то задолжал слишком много податей, кто-то проигрался в кости. У каждого своя история. Но в основном все здесь люди мирные. Лишь я — исключение из этого правила.

— А как тебя угораздило оказаться предводителем этих мирных людей? — язвительно попросил разъяснений воин, уже предполагая, что виной всему было очередное разбитое дамское сердце.

— Это длинная история, достойная отдельного вечера за кружкой хорошей выпивки, при этом она не для нежных ушей дамы, — Гилрой кивнул в сторону Ганы.

Девушка хмыкнула и сделала вид, словно этот заросший дикарь несколько её не интересует, хотя сама постоянно украдкой поглядывала на его ягодицы, упруго обтянутые поношенными штанами. Видимо, она уже попала под воздействие чар предводителя разбойников, несмотря на его непрезентабельный от долгой жизни в лесу внешний вид.

— Если армия будет наступать на замок баронов, а другого пути у них просто не будет, то она обязательно пройдёт по территории леса. В сторону их родового замка ведёт всего три дороги, кратчайшая из них — эта.

— Мы спрячемся и переждём, — не задумываясь, ответил Гилрой, — мы грабим и прячемся здесь уже несколько лет, так что сможем делать это ещё долго. Война не наше

дело, да и мы ничего не сможем противопоставить огромной армии.

— Вы можете затруднить им передвижение, — многозначно произнёс Бриар и тут же переключился на более важную тему. — Гил, ты будешь нужен мне в столице, мы снова собираем гвардию и дадим отпор нашим врагам.

— Грамота, — разбойник остановился, — грамота о помиловании для каждого из моих людей. Прощение всех грехов и... — разбойник хитро улыбнулся. — старых обид. Иначе, — Гилрой по очереди посмотрел на каждого из своих спутников, — иначе я буду висеть на городских воротах вместе со своим отрядом.

— Но в твоей нынешней ситуации есть один большой плюс, — вмешался в беседу Риот, — ты всегда мечтал быть командиром и наконец-то добился этого.

Мужчины засмеялись, а Гана лишь фыркнула и снова тайком посмотрела на вырез в рубахе Гила, из которого виднелась могучая грудь, обильно покрытая густыми волосами.

Глава 16. Лесной приют

Нил неистово сжал рукоятку своего меча и осторожно осмотрел пространство перед баней. Он ожидал нападения в любой момент, но не заметил ничего подозрительного и шагнул на улицу. Теперь ему предстояло быстро достигнуть своей повозки и придумать, как же можно выкрутиться из той сложной ситуации, в которой оказался он и его спутники. Доверчивые люди сами попали в изысканную ловушку посреди леса. Женские крики стихали, видимо, псы почти закончили свою охоту. Нога Нила запуталась в чём-то мягком, он осторожно присел и поднял предмет. Это была мешковатая одежда из волчьих шкур одного из Рокканов, юноша никогда не видел звероловов, и к данному моменту он уже и сам догадался, кем являлись хозяева лесного приюта. Свободные наряды давали возможность быстро сбрасывать их по мере необходимости превращения в огромных псов. Нил в прошлый раз насчитал семь человек, возможно, что видел он не всех Рокканов и их было больше.

Одного пса он сегодня убил, второго ранил, значит ему противостояло как минимум шесть противников, один из которых был ограничен в движении. Нилу нужно было срочно придумать что-то простое и эффективное. Юноша осматривал двор и дома, словно искал у них подсказку. Идея пришла ему в голову, как только он вспомнил о своем сожжённом селении. Это же было так очевидно! Нилус достал из ближайшего костра пару горящих поленьев и закинул их на крыши нескольких построек. Огонь сперва с неохотой начал поглощать предоставленную ему еду из веток, смолы и соломы, но вскоре стал набирать силы и резво разбегаться в разные стороны. Парень подумал, что это отвлечет внимание звероловов и теперь им будет чем заняться помимо поиска его персоны. Нилус осторожно двинулся по периметру зданий и успел заметить в темноте несколько бегущих фигур. Он притаился, вжавшись в стену и стараясь не дышать. Враги были слишком озабочены зрелищем разраставшегося пожара и не заметили юношу, галопом промчавшись в сторону полыхавших крыш. Ветер, наконец, разогнал с неба облака, и огромная Луна стала дарить земле своё сияние в полную силу. Определенно стало видно гораздо лучше, теперь Нилус имел больше шансов заметить своих противников раньше, чем они его могли учуять. Ветер сегодня был на стороне человека, неся запах разраставшегося пожара. Парень быстро преодолел расстояние, отделявшее его до повозки, где он оставил детей и старика. Псы как раз подбирались к ней. Два зверолода, потягивая воздух носом, медленно и спокойно подбирались к месту где пряталась сестра Нила. Звери чувствовали себя хозяевами положения и никого не боялись, справедливо полагая, что уже прикончили всех, кто мог оказать им сопротивление. Собачья шерсть скаталась, а морды были перемазаны в чем-то липком, скорее всего в крови, которую они сегодня пролили с избытком, разрывая женщин и детей. Один из псов присел, примеряясь к прыжку, и мощными лапами оттолкнулся от земли. Приземлиться внутри повозки ему помешал Радобор, резко выскочивший из-за полога, за которым всё это время прятался, и с хорошего размаха двинувший дубинкой по собачьей морде. Это послужило сигналом для Нила, парень рванул что есть сил из своего укрытия. Длинными прыжками сокращая расстояние, он молился лишь о том, чтобы успеть к месту боя и быстро решить его исход в пользу людей. Пока пёс, получивший удар, отлетал в сторону, второй готовился к своей атаке. Старик заметил спешащего на помощь Нила, и, видимо, в его голове созрел какой-то план. Он двумя руками взялся за своё оружие и стал

дразнить им собаку словно костью. Такого зверь не ожидал, но инстинктивно прыгнул на человека, пытаясь укусить Радобора за одну из конечностей. Старик с проворностью, достойной подростка, подставил под смыкающуюся челюсть дубинку и выпрыгнул навстречу зверю. Два тела столкнулись в воздухе, старик опрокинул пса и упал на него сверху, давя своим оружием на его пасть. Зверолюд отчаянно сопротивлялся, пытаясь извернуться, но он был пойман в ловушку. Радобор из всех сил навалился двумя руками на дубинку, которая была зажата в пасти хищника, не давая ему возможности кусаться. Зверь скулил и взглядом искал помощи у своего напарника, всё ещё приходившего в себя от пропущенного удара. Он затряс мордой словно стряхивал с себя воду и непонимающе осмотрелся. Видимо, потрясение было настолько сильным, что зверолод на несколько мгновений потерял ориентацию в пространстве. Наконец он сообразил, что ударивший его старик не в повозке, а совсем рядом борется на земле с его сородичем, и резко кинулся на него.

Радобор, оседлавший своего мохнатого противника, не давал тому возможности подняться на лапы, с усилием прижимая к земле. Косясь в сторону ещё одного опасного хищника, он заметил, что тот уже прыгнул. Старик увидел клыки белёсо блеснувшие в свете Луны, и мелькнувшую серебряную молнию. Вцепиться в горло Радобору зверолод не успел. Собачья голова отделилась от шеи, и пролетев приличное расстояние, приземлилась рядом с псиной мордой, которую прижимал к земле старик. Оборотень понял, что скоро умрёт. Он заскулил и отчаянно забился под стариком. Из охотника он неожиданно превратился в жертву, и было неясно, о чём он думал в последние секунды своей жизни. Раскаивался он в своих злодеяниях или сожалел, что не смог убить этого, оказавшегося таким прытким, старика. Нил, не мешкая, нанёс несколько колющих ударов в незащищённый бок зверя. Тот несколько раз содрогнулся, но вскоре затих и умер.

— Я уж думал, конец мне. С двумя бы я не справился, — Радобор, тяжело дыша, поднялся с тела своего противника, его руки тряслись от напряжения, — как заметил тебя, у меня мгновенно созрел этот безумный план.

— А если бы я не успел? — Нил был зол на Радобора за его опрометчивый поступок, — они бы тебя порвали на куски!

— Возможно, — совершенно спокойно пояснил старик, — зато псы были бы отвлечены, и ты бы успел добежать и расправиться с ними. Спас бы детей...

— Слышишь, — Нил обнял старика, словно это был самый родной для него человек на земле, — никогда так больше не делай! Я потерял всех близких мне людей, и как только нашёл вас и начал привыкать к вашей семье...

— Успокойся, — улыбнулся старик и потрепал Нила по загривку, — ты зареви ещё! Не пристало воину плакать!

— Даже не думал, — шмыгнув носом Нил и быстро взял себя в руки, — что будем делать дальше? Мне кажется, нужно вырваться отсюда, пока пожар разрастается и отвлекает на себя внимание! Наши попугайчики все мертвы, женщин в лагере разорвали звери, мужчины задохнулись в бане.

— Ещё двое наших находятся в главном доме! Там остались раненый в лесу Парг и его жена Клима, — вспомнил старик.

— Они наверняка уже мертвы, — возразил Нил, — идти туда за ними слишком рискованно!

— Они наши! Их нельзя бросать! — просто пояснил Радобор, оттянув ворот рубахи, он

указал пальцем на шею, — видишь мою тагуировку? Посмотри на свою! Мы все здесь принадлежим Лорель! Мы одна семья! Разве ты, обнажив меч и убежав несколько минут назад в темноту, думал о своей безопасности? Ты без страха исчез во мраке, потому что хотел спасти людей, с которыми делил тяготы дороги...

Нил не стал объяснять мотивы своего поступка, рассуждать и спорить на любые темы не было времени: огонь, получив свободу, быстро пожирал всё, к чему мог прикоснуться. Юноша разглядел в свете луны, что символ принадлежности к пограничной крепости у старика был нанесён на старый шрам. Похоже, что когда-то Радобор жил в другом городе.

— Зверолюды давно уже по ту сторону частокола, — уже без патетического тона пояснил старик, — они не переносят открытый огонь и стараются держаться от него подальше. Смотри, уже половина посёлка охвачена пламенем, и с каждой минутой его всё больше, тебе нужно поторопиться, пожар уже перекинулся на центральный дом.

— Хорошо, я сбегаю туда и выведу наших, если они живы. А ты запряги в повозку ещё пару лошадей и будь наготове. Если всё именно так, как ты и говоришь, оставшиеся в живых Рокканы будут поджидать нас снаружи, и, чтобы прорваться, нам придётся мчать во весь опор.

Юноша рванул в сторону двухэтажного дома, на крышу которого уже начало перебираться пламя. Все здания по правую сторону от него уже всюю полыхали, облизывая языками пламени звёздное небо. Нужно было торопиться, чтобы успеть до того момента, как пожар начнёт поглощать постройку вместе с Нилом внутри. Дверь легко открылась, и юноша оказался в полумраке помещения, которое уже начало обволакивать клубами едкого дыма.

— Парг! Клима! — позвал Нил, но не услышав ответ, проследовал вглубь комнаты.

Огромный холл был занят длинными столами, в углу стояла большая печь. Широкая лестница в центре разветвлялась на две, ведущие на балконы второго этажа. Они были обрамлены перилами и охватывали комнату с левой и правой стороны. Нил заметил там двери, видимо, они вели в жилые комнаты. Юноша в очередной раз отметил, что для семейства Рокканов эта столовая была очень велика, впрочем как и сам посёлок. Юноша вбежал по лестнице на левую часть второго этажа. Поиски были быстрыми. Первая комната оказалась пустой, а во второй он обнаружил тех, за кем пришёл сюда. На нижнем уровне двухъярусного топчана лежал мужчина, а сверху своим телом его накрывала женщина. Пол вокруг них был багровым от липкой крови. Люди были явно мертвы, причём Парг, скорее всего, просто скончался от полученных накануне ран, свежих отметин на его теле Нилус не заметил. А у Климы от уха до уха было перерезано горло. Выглядело это странно, потому что всех в округе зверолюды убивали лишь в зверином обличи. Может быть, кто-то обернулся назад в человека и находится сейчас в этом доме? Эта мысль заставила Нила насторожиться, он тихо, стараясь не издавать звуков, выбрался из комнаты и внимательно осмотрелся. За истекшие секунды ничего не изменилось. Помещение оставалось таким же пустым, только проникавший в него дым стал более плотным. Юноша поспешил вниз. Больше ему здесь делать было нечего, нужно было скорее выбираться наружу и придумывать, как вырваться из лесной ловушки. Сбегая со ступенек, парень не рассчитал высоту последней, оступился и повалился на пол. В этот момент над его головой что-то со свистом пролетело. Он поднял взгляд на второй этаж и увидел там в клубах дыма ту самую женщину, которая неприветливо встретила его ранее у бани. Она злобно зарычала, досадуя о своём промахе, и быстро достала из заплечного колчана следующую стрелу. Медлить было нельзя, в центре комнаты юноша являлся для стрелка лёгкой мишенью, и первый выстрел был бы безусловно точным, если бы

он не оступился. Нил со всех сил, не поднимаясь на ноги, метнулся к ближайшему столу и укрылся под ним.

— Тебе не спрятаться, гадёныш! — гневно закричала женщина. Её голос был буквально пропитан ненавистью. Она словно знала, что юноша вернётся за своими соплеменниками, и устроила на него засаду, невзирая на огонь, усиленно начинавший поглощать здание.

Нил слышал скрип половых досок над головой и понял, что его противник медленно меняет свою позицию. Стараясь не шуметь, Нил пополз под столом, намереваясь под его прикрытием подобраться как можно ближе к выходу.

— Ты убил моих братьев и сестёр! Я буду рубить тебя своим топором на мелкие куски! — угрожала женщина. — Ты думаешь, что умрёшь быстро? Ошибаешься! Я подрежу сухожилия на твоих ногах, а когда ты не сможешь передвигаться, волоком утащу тебя к моим сородичам. Там ты сполна получишь за свои дела. Мы будем отгрызать от тебя по кусочку! Я своими зубами перепилю твои кости. Каждую! Ты будешь умирать очень медленно и мучительно!

Нилу было не важно, что говорила эта взбешённая женщина, её слова его не страшили, он не боялся смерти, больше его пугала мысль о том, что он не сможет оправдать ожидания дорогих для него людей, тех, кого он оставил в повозке. Юноша медленно, чтобы не создавать лишних звуков, пробирался под столом к заветному выходу. В его голове созрел простой и действенный план.

— Гадёныш, хватит прятаться! Я всё равно тебя найду и выпотрошу, — женщина продолжала задирать Нила, — или ты не мужчина? Боишься сразиться с девушкой?

Соревноваться в скорости со стрелком Нилусу совершенно не хотелось. Было очевидно, что не успеет парень добежать до своего противника, как получит пару стрел в голову, хотя если верить угрозам этой взбешённой дамочки, скорее всего она прострелит ему ноги. В планы юноши не входили геройство и смерть в поединке скорости бега со скоростью полёта стрелы. Такой поступок был слишком безрассудным. Он хотел убежать и выжить. Нужно было лишь подползти к выходу, выждать момент, рвануть к двери и скрыться за нею, подперев её чем-нибудь тяжёлым снаружи. До желанного выхода оставалось совсем чуть-чуть. Стол над головой уже заканчивался, Нилу нужно было лишь совершить стремительный рывок к выходу. Он приготовился бежать что есть сил и начал считать про себя до трёх. Раз! Два! Что-то рухнуло сверху на столешницу, рядом с тем местом, где прятался юноша. «Кто-то спрыгнул со второго этажа», — догадался парень. Новый противник быстрым шагом прошёлся над головой юноши и мягко приземлился на пол рядом.

— Вылезай! Тебе не удалось нас обхитрить и сбежать. Сразись со мной один на один! Клянусь именем Матери Луны, Ирга не будет вмешиваться в наш поединок! Мы будем драться один на один — ты и я!

Нил узнал говорившего. Это был Строг Роккан.

— Впрочем, мы можем выйти из здания, плотно закрыть за собой дверь и подождать. Если огонь поглотит твою плоть, я буду только рад.

Предводитель семьи звероловов встал напротив выхода из дома, и Нил осознал, что оказался в серьёзной ловушке. Теперь у него не было шансов быстро вырваться отсюда. Он мог остаться под столом и задохнуться в дыму разрастающегося пожара или выйти на дуэль с опытным воином. Даже если каким-то чудом юноша смог бы его одолеть, выбраться наружу ему не даст Ирга, которая не упустит возможности пустить мальчишке кровь.

Глава 17. Непрístupная крепость

Это было самое неспешное утро, что приходилось видеть Кин Керею в военных походах. Ему казалось, что солнце еле-еле взбирается на свой облачный трон. Видимо, оно не выспалось, как и все воины вокруг. Дело в том, что шумная ночная вылазка зверолодов побеспокоила не только защитников крепости. Все главы кланов, разбившие в округе лагерь, слыша боевой клич людоящеров, подняли свои войска, объявив состояние готовности. Вперёд, ближе к крепости, были посланы наблюдатели, которые в случае успешной вылазки союзников подали бы сигнал к наступлению. Мало кто был уверен, что отряду лазутчиков удастся проникнуть внутрь и открыть крепостные ворота, но ни один из военачальников не исключал такой возможности. Ни один уважающий себя командир не мог позволить себе проспать такой момент. Это было бы настоящим позором, если бы зверолодам удалось взять крепостные стены, в то время когда все остальные войска сладко посапывали в лагере. Но чуда не свершилось: презренные никчемные дикари только потревожили ночь своими криками и не дали никому возможности хорошо поспать. Настроение у всех было угрюмым, из общей картины выделялись только племена зверолодов, которые с самого утра оголтело улюлюкали возле своих шатров, но, как иногда казалось Кин Керею, этим полуживотным для счастья было нужно совсем немного.

— Отец, чему так радуются эти дикари? — Кенна с самого пробуждения не выпускала из рук свою книгу, продолжая своё ежедневное обучение, — разве они добились успеха этой ночью?

— Они показали свою силу, — усмехнулся её отец, — зверолоды — вечные дети, которые, пользуясь правом сильного, могут вершить свою волю, как только рядом оказывается кто-то сильнее их, они тут же подчиняются ему.

— Разве у нас, огненноголовых, всё происходит не точно так же? — возразила девушка. Ей казалось, что черты, которыми отец характеризовал племена дикарей, свойственны абсолютно всем живым существам, обладавшим разумом.

— Нет, моя милая, совсем не так, — мягко пояснил отец, — не имея силы на победу, мы можем приклонить колени и принять чужую волю. Но это будет всего лишь накидка из покорности, которую мы будем носить до того момента, пока не сможем отомстить за свои обиды. Яд, наёмный убийца, неудачный выстрел на охоте — в мире существует множество простых вещей, которые отправили на тот свет не один десяток высокородных. У зверолодов всё не так. Они поклоняются силе. И будут подчиняться ей до последнего вздоха, пока не появится кто-то ещё сильнее. Именно на этом держится вся их власть. Ты знаешь, что вождём у них может стать каждый, кто победит в поединке крови?

— Да, отец, — Кенна захлопнула книгу, заложив нужную ей страницу пером сокола, которую она использовала вместо закладки.

— Это у них в крови. С самого рождения. Именно поэтому зверолоды всегда будут инструментом в чьих-то руках. Они как собаки, которым постоянно нужен хозяин.

Девушка приоткрыла рот, но вместо того, чтобы произнести хоть слово, потушила взор и глубоко вздохнула.

— Наверное, ты опять хотела спросить, чем же мы отличаемся от них, ведь мы тоже служим Дому Гангенов? — князь едва заметно улыбнулся.

Поход казался ему скучным, а обучение дочери доставляло удовольствие. Кин Керей не любил открытое насилие, он не был прославленным воином: если результата можно было добиться лестью, угрозами, уговорами или подарками, он всегда пускал в дело дипломатию, оставляя звон мечей на крайний случай. Не имея сына, князь воспитывал свою дочь настоящей воительницей. Военное дело ей давалось легко, но она была слишком прямолинейна и недалёковидна, именно поэтому глава клана Керей пытался дать ей как можно больше знаний, ведь дочь должна быть сильной, но не должна быть глупой. Она должна прославлять имя своего отца.

Кенна робко кивнула, ей не нравилось сравнение огненноголовых со зверолодами, но ей казалось, что из рассказа отца это было очевидным.

— Когда-нибудь ты, твой сын или твой внук, кто-нибудь из наших потомков станет властелином всего континента. Все племена и народности будут преклонять знамёна перед нашим гербом! А потомки зверолодов никогда не станут властителями мира! Они всегда будут служить одному из знатных домов людей или огненноголовых. Такое объяснение тебе понятно?

Девушка уже рисовала в голове картину своего величия, и ей она безусловно нравилась. Первым делом она убьёт всех, кто когда-либо имел неосторожность досаждать ей. Причём это будет изощрённая публичная казнь в назидание всем остальным! Каждое живое существо по обе стороны от Ашханских гор должно трепетать от одного только упоминания имени Кенны Керей.

— Мы должны убивать и воевать, у нас нет другого выбора. Люди, зверолоды и огненноголовые — все мы слишком долго живём на этом свете благодаря нашей матери Луне, а наш материк слишком мал для нас. Мы заперты в восточной части, и у нас нет другого выбора, кроме как резать друг друга или попытаться вырваться наружу. Это замкнутый круг, мы должны постоянно убивать, иначе нас станет слишком много и мы начнёмдохнуть от голода. Молодой король остановил кровопролитие в восточных землях, надо отдать ему должное, и сейчас мы готовы обрушить нашу мощь на тех, кто прогнал наших предков из земель запада. Прошлые обиды, желание мести и нажива — всё это является прекрасным стимулом для войны, но, моя девочка, запомни: иногда стоит спрятать оружие, и когда враг доверится тебе и повернётся спиной, то нанести ему один точный удар.

Кенна не очень любила все эти нравоучительные беседы отца, но, выказывая уважение, всегда внимательно слушала его. Она впитывала каждое слово о сражениях, но не любила всю пустую болтовню о политике. Девушка знала, что право сильного — основа мира и если она станет такой, то все преклонят перед ней колени.

— Отец, а сегодня мы бросим наши отряды на штурм крепости, — с надеждой в голосе спросила девушка. Ей не терпелось оросить своё оружие кровью защитников Лорель.

— Возможно, — уклончиво ответил отец, — война, как и политика, не терпит поспешных решений. Мы должны быть готовы к любому развитию событий, поэтому отдай приказ к строительству передвижных башен. Даже если сегодня мы не начнём свою атаку, они пригодятся нам завтра.

В последний раз Кенна была счастлива так же, как сейчас, только в тот момент, когда отец сообщил ей о своём решении взять её с собой в этот поход. Она широко улыбнулась и убежала выполнять указание отца.

Жители Лорель не зря выбрали капитана Каракку своим лидером. Они делали это не за

его бывшие ратные заслуги или богатый военный опыт. В любых делах он управлялся так же уверенно, как и в командовании войсками. Капитан умел находить подход к людям, правильно мотивировал их и показывал пример. Сегодня он успел побывать во всех уголках крепости, помогал, объяснял, подбадривал. Лондаик смотрел на закалённого в сражениях одноглазого воина и понимал, что без раздумий пойдёт за этим человеком даже в огненную реку. Может быть его харизма была частью дара Луны? Эта простая мысль пришла лейтенанту на ум только сейчас, но казалась весьма очевидной и всё объясняющей. Действительно, выполнять такой объем работы и находиться, как иногда казалось, в нескольких местах одновременно было под силу только настоящему сыну Луны. В лагере противника с самого утра царило оживление, они собирали осадные орудия. Сейчас их приготовления были почти завершены, а это означало, что совсем скоро под стенами Лорель закипит сражение. Очередной лёгкой победы над врагом у защитников крепости не получится, а это означало, что многие из них сегодня могут погибнуть. Высокие деревянные башни на колёсах выстраивались вдалеке для того, чтобы начать своё неторопливое путешествие к той единственной преграде, что сдерживала армию вторжения от беспрепятственного прохода в восточные земли. Метательные орудия были лично проверены Лондаиком ещё с рассветом. Сейчас у каждой баллисты стояли обученные воины, которые были готовы выполнять команды своего лейтенанта. Прошлая ночь выдалась тревожной, и люди не получили полноценного отдыха, но близящийся бой давал такой заряд бодрости, которого хватит с избытком на несколько суток. Лондаик знал об этом не понаслышке, он не раз испытывал это на себе. Баллистмейстер прильнул к своей подзорной трубе. Отряды интервентов выстроились у входа в ущелье. Всего десять башен на колёсах, за которыми и внутри которых прятались воины. Осадные сооружения расположились в шахматном порядке в две линии. Лейтенант продолжал разглядывать позиции противника и заметил в их лагере несколько катапульти. В их передней части были установлены большие щиты видимо для того, чтобы за ними воины могли укрываться от стрел с крепостных стен. Такие метательные машины не были опасны на большом расстоянии. Похоже, что они должны пойти вторым эшелоном. Передовые отряды отвлекут на себя внимание и силы, что позволит подкатить катапульти на линию огня, с которой они смогут бить по стенам. После небольшого ожидания со стороны вражеского лагеря послышался барабанный бой, благодаря эху сливавшийся в причудливую мелодию, под аккомпанемент которой армия интервентов начала своё наступление.

— Всем приготовиться! — скомандовал Лондаик и отыскал взглядом капитана Каракку.

Командир стоял на центральной стене с совершенно невозмутимым видом, словно вдали не было армии противника, а он просто вышел перед обедом подышать свежим воздухом для поднятия аппетита. Рядом с ним могучей горой возвышался Герштаф, свою обычную одежду он сменил на тяжёлую броню горных великанов. Это была изысканная работа умелого кузнеца, скорее всего он создал её сам. Все латы были испещрены тонкими изысканными узорами, в которых можно было разглядеть моменты эпических битв предков Герштафа. Когда-то давно его предки жили в долине, и их владения были очень обширны, но отовсюду их выбили люди и загнали в горные недра, что полностью изменило образ жизни великанов. Несмотря на то что эти события произошли очень давно, неприязнь между народами сохранилась и по сей день. Парадоксально, но сейчас потомок горного народа стоял плечом к плечу с наследниками тех, кто изгнал отсюда его предков. Лорель был пристанищем изгоев, а значит Герштаф бежал сюда не по своей воле. Ему просто некуда

было больше идти. Что послужило причиной этому, Лондаик не знал, в крепости никогда не спрашивали о прошлом тех, кто просил приют. Если человек был достойным, он оставался здесь, если же нет, то его быстро изгоняли горожане.

— Ты что здесь делаешь? — баллистмейстер заметил поднимающегося на башню Притта, — я же велел тебе охранять пленника!

— Чего его сторожить? — шмыгнул носом мальчишка, — этот огненноголовый сидит себе в колодках и ругается с самого утра.

Парень добыл где-то металлический шлем с забралом, он был ему слишком велик и болтался при ходьбе. Это была единственная деталь амуниции настоящего воина. Образ карикатурного солдата завершал большой кожаный фартук мясника, в котором мальчишка сделал прорези для головы и рук. На груди он каким-то образом прикрепил сковороду, судя по всему, она заменяла ему кирасу. За поясом у мальчишки торчало несколько кухонных ножей. Лондайку даже не нужно было задавать лишних вопросов, чтобы определить, где Притт добыл свою амуницию.

— Я хочу сражаться как и все! — твёрдо заявил юнец, — я не стану обузой и готов выполнять любые поручения!

— Хорошо, оставайся, — согласился лейтенант, подумав о том, что высокие башни — пока одни из самых безопасных мест в крепости, — но обещаю мне выполнять все мои указания! Беспрекословно! И если я велю тебе отступить, то ты исполнишь этот приказ без промедления.

— Клянусь матерью Луной! — не скрывая счастливой улыбки, ответил Притт.

— На кухне вещей не хватает? — буднично спросил Лондаик, прильнув правым глазом к окуляру подзорной трубы.

— Кому уже нужна эта кухня, — просто ответил мальчишка, и эта фраза как нельзя лучше отражала сложившуюся ситуацию.

В ближайшие дни защитникам крепости точно не будет никакого дела до кулинарных изысков.

Глава 18. Цитадель Двух баронов

Когда дорога сопровождается беседой, то всегда становится короче, а если встречаются старые друзья, которые давно не видели друг друга, то любой путь сокращается вдвое. Несколько часов путешествия пролетели незаметно. Лес закончился, и впереди стали просматриваться поля с золотистой пшеницей.

— Ну, вот и всё, — Гилрой улыбнулся своим старым друзьям и остановил коня, — не ожидал вас увидеть здесь. Постарайтесь договориться с Двумя баронами, иначе мне не пройти через их замок, и тогда до столицы я смогу добраться лишь если отращу себе крылья.

— До встречи, Гил, я постараюсь сделать всё от меня зависящее и добыть прощение для тебя и твоих людей, — Бриар пожал руку предводителю разбойников.

— До скорого, — отсалютовал Риот, — и береги свою клячу, если что, её потом можно будет показывать в цирке, между выступлениями бородатой женщины и хора карликов.

— Эту, как ты выразился, клячу зовут Принц, и это единственный конь, который есть в нашем лагере, — Гил ответил на колкость и ласково потеревил своего скакуна по загривку, — а внешний вид вас смущать не должен: когда нужно он может мчать быстрее ветра.

Разбойник отвесил вежливый поклон Гане и, пижонски стегнув коня по боку, поскакал в свой лагерь.

Трое путников продолжили своё движение, их долгожданная цель наконец-то стала ещё ближе. Недружелюбный на первый взгляд лес закончился, оставляя позади себя ночёвку в лагере разбойников, которые оказались весьма милыми и добродушными людьми. Неизвестно какая участь могла ждать этих несчастных людей, если бы не Гилрой. Этот инженерный гений взялся основательно за строительство лесного пристанища. Высоко на деревьях были организованы наблюдательные пункты по всему периметру лагеря. Сама разбойничья база представляла собой посёлок из землянок, в котором нашлось место для коровы и лошади, небольшому огороду и стрелковому полигону. Гил понимал, что в случае реальной опасности его маленький отряд не сможет ничего противопоставить хорошо вооруженным и обученным солдатам, а вот скрыто подобраться к противнику и атаковать его на дистанции — было единственным шансом на победу. К тому же навыки стрельбы из лука были необходимы в лесу для выживания, опытный охотник должен был не только уметь выследить добычу, но и метко её подстрелить. Для сотни беглецов появление бывшего гвардейца стало настоящим подарком судьбы. Всё, что они построили под его руководством обеспечивало им сносные условия для жизни. При этом Бриар заметил в лагере женщин и детей. Некоторые убегали от правосудия со своими семьями.

Поля пока ещё не были тронуты войной, скорее всего весь урожай придётся сжечь, чтобы он не достался противнику. Это должно вызвать определенные трудности с продуктами и фуражом, заставляя армию захватчиков голодать. Риот после ночи, проведенной в спокойной обстановке разбойничьего лагеря, полностью восстановил свои силы. Теперь он лишь слегка прихрамывал во время ходьбы, но это не мешало ему крепко держаться в седле, поэтому скорость движения возросла. Как и обещал Гилрой, дальше дорога вела через луга, поля и степи, путешественники проехали несколько селений, в одном из которых им пришлось провести спокойную ночь, во время которой, каждый гвардеец

увидел одинаковый сон. В нём появился капитан Каракка, сообщивший каждому гвардейцу о надвигавшейся опасности. Он отдал приказ своим подчинённым выдвигаться к столице империи.

Рано утром, едва отдохнув, трое путников вновь отправились в дорогу, и к вечеру их целеустремленность была вознаграждена белокаменными башнями, которые виднелись вдаль. Это был родовой замок Двух баронов — Жандаль.

— Красивый замок, — заметила Гана, — я никогда ещё не видела таких изысканных строений.

— Поверьте мне, миледи, внутри он не менее прекрасен, чем снаружи. При этом замок Жандаль является отличным фортификационным сооружением и может выдержать длительную осаду, — отметил Бриар детали, которые обычно замечают только мужчины, живущие с мечом в руке и которым нет дела до праздных красот.

Когда путники подобралась ближе, стало ясно, о чём говорил воин. Крепость находилась на возвышении, вокруг которого был вырыт широкий ров. Это было искусственно созданное ответвление от реки, которая протекала перед крепостью. На другой берег можно было перебраться через пару каменных мостов, попадая на небольшой участок суши размером примерно в тысячу на тысячу шагов, а дальше враг упирался в насыпь, которая продолжалась высокими каменными стенами. Внутри крепости Жандаль можно было попасть по подвесным мостам, которые на ночь и в случае опасности поднимались. Крепость имела пару ворот, благодаря которым путники могли проходить город насквозь. С обратной стороны крепости, невидимой сейчас для глаз небольшого отряда путешественников, располагался точно такой же проход с мостом. Это была стратегически важная точка, которая сдерживала наступление противника вглубь страны. Здесь, конечно, не было гор, которые бы подпирали стены с боков как в Лорель, но фортификационные сооружения и большой гарнизон позволяли защитникам обороняться длительное время, при этом река и небольшой пяточок суши перед Жандаль сводили на нет все прямые атаки, оставляя перед врагом лишь один вариант — длительную осаду с позиционной войной и тщательной подготовкой к штурму, которая могла затянуться не на один месяц. Родовое имение Двух баронов являлось последним серьёзным препятствием на пути захватчиков, которое могло бы задержать большую армию. Миновав его, интервенты могли растекаться вглубь континента потоками бесчисленных отрядов, разоряя на своем пути селения, осаждая небольшие города, сея панику и хаос по всем направлениям. Именно здесь у стен Жандаль неприятеля можно было сдерживать очень долго, но без помощи извне рано или поздно любые крепостные стены падали перед нападавшими, ведь силы и ресурсы обороняющихся не были безграничны.

— Даже не верится, что эти мосты видели мир ещё до падения осколков Луны, — восхитилась девушка, — они выглядят как новые.

— Все мосты были возведены ещё в те времена, когда лунные камни не изменили речных тварей. Сейчас у людей нет другого выбора, кроме как бережно хранить наследие предков и вовремя чинить подобные сооружения, соединяющие разные берега.

Бессмертный воин говорил о том, что и так все прекрасно знали. Все водоемы давно стали пристанищем чудовищ, которые не терпели притязаний людей на водную гладь. Если в морях обитали хищники исполинских размеров, из-за которых человечество утратило судоходство, то в реках жили твари меньших размеров, которые впрочем тоже не пускали людей на свою территорию.

Путники медленно передвигались, рассматривая исполинские сооружения. Особенно впечатлена была Гана, которая буквально выросла в четырёх стенах одного из замшелых замков западных земель. Город жил своей привычной жизнью, люди сновали по своим делам, несколько крестьян в повозках везли продукты на местный рынок. Верхом на конях прогулочным шагом передвигались тяжелые кавалеристы. Попоны их скакунов были выкрашены в геральдические цвета Двух баронов. Непонятно куда, так ленно и неторопливо следовал этот отряд из восьми всадников. Поравнявшись, они обронули на путников суровые, подозрительные взгляды, но, заметив у Бриара гербы гвардейцев императора, уважительно свернули с пути, а их командир в качестве приветствия кивнул головой. Гвардию, пусть и несуществующей сейчас империи, в этих краях чтити до сих пор. Стражники у ворот по обыкновению всех, кто когда-либо находился на таком посту, бездельничали. Они не обратили на путников ровным счетом никакого внимания, лениво провожая их взглядами. Действительно, за день тут проходило большое количество людей, и проверять всех не было смысла, а вот вечером внутри Жандаль наступал комендантский час, и всех пойманных на улицах проходимцев и попрошак, у которых не было денег на постояльи двор или которым было не у кого остановиться, стражники вышвыривали за ворота. Позволить себе ночевать за стенами могли только уважаемые люди при деньгах или родственники горожан.

Гана никогда не видела столь большого поселения, городские улицы казались ей очень широкими, а людской поток нескончаемым.

— Неужели столица ещё больше, чем этот город? — спросила девушка, вопросительно посмотрев через плечо на Бриара. Они до сих пор делили одного скакуна, предоставив второго Риоту.

— Определенно там больше места, чем здесь, — по-отечески улыбнулся воин и пояснил: «В Динарской империи города всегда были больше, чем в западной части континента, а земли плодороднее».

— Сейчас мы отправляемся на аудиенцию к Двум баронам?

— Нет, Гана, нам нужно смыть с себя грязь и немного отдохнуть с дороги, пара часов в нашей ситуации ничего не решат, а миледи не подобает появляться в высшем свете со слипшимися от дорожной пыли волосами.

Гана до сих пор не могла понять, когда Бриар говорит серьезно, а когда шутит. Она не всегда различала тонкую грань иронии, которой обладал бессмертный воин. Всё же он оттачивал свое мастерство риторики веками, и шестнадцатилетней девушке не хватало жизненного опыта для понимания, но она каждый день набиралась знаний и становилась лучше. По-другому она не могла, ведь именно этому учил её Бриар.

— Гана, я знаю, что ты обладаешь отличной выдержкой, но я попросил бы тебя быть хладнокровной и ничему не удивляться. То, что люди говорят про Двух баронов, — это правда. И мне не хотелось бы, чтобы испуг, нервный смех или удивление, были расценены хозяевами этого замка как неуважение, — голос Бриара напоминал сейчас дипломата, который не знает, как донести до избалованного знатного отпрыска очевидные правила приличия, которые тот умудряется постоянно нарушать.

— К тому же бароны настоящие великаны! — вставил Риот, — я до сих пор помню, как они орудовали своим двуручным мечом, рассекая воинов Гангенов одного за другим.

— Спасибо за наставления, — поблагодарила Гана и тут же засмеялась.

— Вот — вот! Именно об этом я тебе и говорю, — начал было Бриар, но девушка

пресекла все его очередные воспитательные попытки.

— Я буду приветливой и учливой леди, обещаю. А смеялась я потому, что вы вдвоём словно мой отец и дядюшка. Излишняя опека мне не нужна, иногда я сама могу за себя постоять. Может быть я молода, но прекрасно представляю, что цена ошибки слишком велика. А что до Двух баронов, они меня не испугают и не удивят, я с детства слышала про них столько историй, что, мне кажется знакома с ними лично.

— Несмотря на то что я также был весьма наслышан о них, в тот день, когда мой взгляд впервые упал на баронов Жандаль, я чуть не закричал, — поделился воспоминаниями Риот.

— Бриар, ты, наверное, самый древний человек на Земле, ты видел множество детей Луны, неужели тебе никогда не встречались такие люди, как бароны? — девушка была переполнена детским любопытством, которое иногда обладает людьми вне зависимости от возраста.

— Нет, миледи. За свою жизнь я никогда не встречал детей Луны, подобных Двум баронам.

Глава 19. Пламя в груди, огонь снаружи

До выхода из горящего дома Нила отделяло лишь одно препятствие — Строг Роккан. Воин сжимал в руках два боевых топора, в предчувствии поединка легонько сотрясая ими воздух. На нем не было обуви, а из одежды только широкие штаны. Его лицо и грудь были вымазаны кровью. Видно было, что недавняя охота доставила ему удовольствие, а сейчас он весь был поглощен её продолжением — поединком с Нилусом. Он был явно уверен в своих силах и быстрой победе. Как истинный вожак, он не мог позволить себе даже мысль о возможном поражении. Его лицо было перемазано кровью, и Нил знал, что она принадлежала людям, которых совсем недавно оборотни растерзали на улице.

— Что же ты обернулся человеком? — без какой-либо злобы спросил Нил, вылезая из-под стола, — боишься, что когда я тебя убью, то украшу свою накидку твоей мохнатой мордой и хвостом?

Юноша попытался спровоцировать своего противника и вывести его из себя, чтобы тот начал совершать ошибки. Выбравшись на открытое пространство, Нил спиной почувствовал грозящую ему опасность, но не стал оборачиваться. Между лопатками появилось странное жжение, но тут же пропало.

— Стой, Ирга! Не смей! — властно закричал Строг.

— Ааааа! — из недр женщины вырвался нечеловеческий крик, переходящий в рычание.

Юноша медленно повернул голову вполоборота. Руки Ирги тряслись от напряжения, она целилась в Нилуса. Было видно, что внутри неё сейчас происходила неистовая борьба желаний спустить тетиву и выполнить приказ своего вожака.

— Будь ты проклят! — в сердцах крикнула женщина и опустила лук.

— Юный наглец, тебе не вывести меня из себя, — обратился к Нилу Строг, показывая в его сторону одним из боевых топоров, зажатым в руке, — я порвал бы на части тебя и в образе зверя.

— Что же тебе мешает? — продолжал задирать своего оппонента юноша, — боязнь перед моим клинком?

— Огонь, — без намёка на обиду, по-простому ответил вожак зверолодов, словно сейчас он вёл обычную светскую беседу, а не собирался скрестить оружие в смертельном бою, — если человек может приручить огонь и держать свой страх в узде, то зверь так поступать не может. Но ты не волнуйся, когда от ран ты не сможешь двигаться, твои кишки я буду выгрызать в зверином обличье.

Строг Роккан стремительно бросился вперед, нанося размашистые удары своими топорами. Он орудовал руками как лопастями мельницы, естественным продолжением которых было оружие. Движения следовали очень быстро одно за другим, каждое из которых не давало возможности противнику для расслабления. Нил увернулся от первого взмаха, парировал пару следующих и едва не попался на острие топора, которое лишь слегка чиркнуло его по плечу. Вождь зверолодов был опытным воином с превосходной техникой и быстрой реакцией, наверное, это был самый опасный противник, с которым приходилось встречаться Нилу на этот момент.

— А ты проворный, — оскалился в зловещей улыбке Строг, — мне будет нескучно тебя убивать.

Нил парировал ещё несколько выпадов, юноша мог только обороняться, о нападении пока не могло быть и речи. Атаки зверолода были стремительны и расчётливы, он очень умело орудовал двумя топорами, поэтому удары сыпались на мальчишку с невероятной частотой, не оставляя тому даже шанса на ответ.

— Женщина здесь, наверху, ей явно перерезали горло, а не разорвали клыками, — отскочив на безопасную дистанцию, юноша пытался немного отдышаться и хотел беседой отвлечь Роккана. Его противника такое течение поединка, впрочем, устраивало, он был уверен в своих силах и играл со своей жертвой как сытый кот забавляется с обессиленной мышью.

— Это же очевидно: она увидела в окно, что происходит во дворе, испугалась зверей и закрыла комнату изнутри, только человек мог убедить её открыть дверь.

— Это был ты?

— Нет, — это сделала Ирга, — усмехнулся Строг и ринулся в очередную атаку.

Отступая под градом ударов, Нил не знал, как ему выйти победителем из этого поединка. Он мог только обороняться, постоянно уклоняясь и парируя поток ударов. Тем временем дыма в помещении стало ещё больше и по одной из стен уже побежали первые, пока ещё скромные языки пламени.

— Строг, заканчивай с ним быстрее, — крикнула Ирга, опасливо косясь на огонь. Она спустилась с лестницы вниз и стояла у её основания, держа наготове свой лук.

— Потерпи ещё немного, — ответил ей вожак. Его дыхание стало тяжелее, он явно тратил на схватку больше сил, чем рассчитывал до этого.

В голове у Нила созрел смелый план, и он решил попробовать его реализовать. В коротких передышках между атаками своего противника он продолжал отвлекать его своими расспросами.

— Почему это поселение такое большое? Оно явно рассчитано не на вашу семью, вы ведь не строили все эти здания?

— Мы долго скитались по лесам, прежде чем я стал вожаком. Я вызвал старого предводителя на поединок крови и убил его. Он был слишком мягкотел и заставлял нас скрывать своё естественное состояние охотников. Гонять по лесу кроликов и оленей — удел трусов. Мы хотели убивать людей, и я дал это своему народу. Человечина пришлась нам по вкусу, — Строг Роккан облизал свои губы, покрытые запекшейся кровью, — в это селение мы проникли, попросив убежища. Мы несколько дней не давали людям спокойно выходить наружу, пугая их в образе зверей, а потом попросили защиты в образе путников, атакованных стаей. Всё очень просто. Они пустили нас внутрь, мы их убили.

— Этот трюк потом вы проделали с нами, гнали караван, не давая спать и держа в постоянном напряжении, — догадался Нил.

— Да, и план был безупречным, если бы не ты, убивший наших братьев, — Строг кинулся в свою очередную атаку.

Дым начинал резать глаза и мешал дышать, очертания стали скрываться в его недрах, и этим хотел воспользоваться юноша. Он продолжал отступать, отражая взмахи топоров Строга. Нил пытался до того момента, пока не почувствовал позади себя скамью, сколоченную из толстых досок. Роккан понял, что загнал прыткого мальчишку в ловушку и обрушил на него очередной град ударов. Парень умудрился парировать их, а когда Строг на очередном замахе попытался опустить на его голову топор, ловко увернулся, уходя под вторую руку. Оружие зверолода воткнулось в лавку и плотно засело в ней. Этого

замешательства хватило юноше на то, чтобы коротким резким ударом воткнуть свой меч в открывшийся перед ним бок. Строг взревел, отпустил застрявшее оружие и локтём второй руки нанёс удар по спине Нила. Это было болезненно, но не смертельно, юноша продолжил свой рывок вперёд, опрокидывая навзничь своего противника и глубже погружая своё оружие в его брюхо. Нилус ещё крепче схватил свой короткий меч, пытаясь повернуть его в животе врага, и подставил плечо под летевший в его голову кулак. Строг понял, что допустил роковую ошибку, прежде всего недооценив этого юнца, но проигрывать он не собирался, пытаясь бороться за свою жизнь до конца. Вожак зверолодов был опрокинут навзничь, ранен, но не собирался сдаваться.

— Иргаааа! — прохрипел Роккан, взывая о помощи.

Краем глаза Нилус заметил, как женщина, стоявшая всё это время в стороне от поединка, вскидывает лук, как она прицеливается, натягивая тетиву. Возможно, из-за задымленности эти быстрые движения казались юноше медленными и размытыми, словно их делали полностью погружившись в воду. Юноша понимал, что не успеет ничего предпринять и от стрелы ему не спрятаться, значит, прежде чем умереть, он должен был забрать с собой Строга. Этот монстр никогда не должен был больше топтать землю и причинять людям страдания при свете Матери Луны. Он отпустил рукоять меча и перехватил руку зверолода, пытавшегося нанести юноше удар рукояткой оружия в висок. Второй ладонью парень ухватил костлявую пятерню противника, которой тот пытался дотянуться до горла. Человек-пёс слабел, но у него всё ещё было превосходство в физической силе. Парень снова почувствовал жжение, на этот раз на своём виске, видимо, именно туда целилась женщина. Его новое умение сейчас было бесполезно, потому что у него не было никакой возможности увернуться от выстрела. Все его силы забирала борьба с предводителем зверолодов. Нилус не хотел умирать, но, видимо, ему было суждено навсегда остаться в этом лесном селении. Юноша надеялся, что старик увезет его сестру и остальных детей в безопасное место. В тот момент, когда Нил уже прощался с жизнью, дверь резко распахнулась, и в ней показался Радобор. Один конец своей трубки, через которую он постоянно дышал сбором трав, старец держал в губах, а второй сжимал в руке. Женщина отвлеклась на новую опасность и повела оружием в его сторону. Старик шумно выдохнул, из трубочки что-то стремительно вылетело и воткнулось Ирге в шею. Она спустила тетиву, но её выстрел пришёлся далеко в сторону от цели. Женщина выпустила оружие, схватила себя за горло и рухнула на колени. В её шее торчал короткий дротик. Трясущимися руками она вынула его и пыталась разглядеть, но в глазах поплыли круги, на неё навалилась смертельная усталость. Женщина сомкнула свои веки для того, чтобы никогда больше не открыть их.

— Ирга! — взревел Строг, последними усилиями дотягиваясь до горла Нила.

Радобор с несвойственной для людей его возраста прытью подскочил к месту поединка и обрушил свою дубинку на голову противника. Он наносил удар за ударом, вкладывая в каждый из них всю ту ненависть, которая успела у него накопиться. Старик произносил имена тех, за кого он мстил, и свой приговор он зачитывал уже мёртвому врагу.

— Хватит, он уже мёртв, — юноша, забрызганный кровью и мозгами из размозженной головы зверолода, схватил старика за локоть. Тот нанёс ещё несколько ударов, затем плюнул на труп и посмотрел на Нила.

— Цел? — спросил он, переводя сбившееся дыхание.

— Да.

— Что с нашими? — Радобор помог Нилу подняться.

— Они мертвы, нужно выбираться отсюда и как можно скорее!

Огонь уже полз по потолку, пожирая всё на своём пути. Воздух был наполнен дымом, он разъедал глаза, лез через ноздри в лёгкие, вызывая кашель. Ещё несколько мгновений, и всё помещение будет заполнено дымом, тогда дышать здесь будет невозможно. Нужно было спешить. Юноша вынул меч из повергнутого врага и намеревался поскорее покинуть это гиблое место.

— Стой, — старик насторожился, прислушиваясь к чему-то, — слышишь?

Юноша напряг слух и вскоре действительно уловил чьи-то крики о помощи, которые доносились откуда-то снизу.

— В подвале кто-то есть! — догадался Радобор, — ищи вход. Быстрее!

Старик и юноша начали метаться в поисках прохода в подвал, огонь торопил их, уже перебравшись на половину крыши и подкрадываясь к фронтальной стене дома, где находился единственный выход. Дым мешал поискам, заставляя глаза непроизвольно слезиться. Нил закрыл лицо рукавом, спасая свои ноздри от раздражающего жжения, и торопливо начал метаться по комнате в поисках входа в подвал. Недалеко от лестницы, ведущей на второй этаж, Нил задел ногой какой-то предмет. Это было металлическое кольцо-ручка, предназначенное для открытия небольшого люка. Он поддел его пальцами и потянул на себя, открывая тёмный зев прохода с крутой лестницей.

— Кто-нибудь! Помогите мне! — вырвавшийся из подвала затхлый воздух принёс с собой просьбу о помощи.

Искать факел или другой источник света не было возможности и времени, поэтому Нил быстро спустился в полумрак. Несколько мгновений ему понадобилось на то, чтобы после пляски в глазах пламени, пожиравшего стены, привыкнуть к темноте подвала, и пошёл вперёд.

— Я здесь! — звал голос, к которому прибавился звон цепей. Похоже, что пленник, моливший о помощи, был закован.

За долгое время Нилу вдруг стало по-настоящему страшно. Его не пугала темнота или боязнь встретить здесь неведомого врага. Он боялся, что после всех схваток, из которых ему удалось выйти победителем, с помощью своей силы или благодаря провидению, он останется здесь, в подвале, погребённый под сторевшим домом. Юноша колебался несколько мгновений и двинулся навстречу неизвестности. Сделав несколько шагов, Нил наткнулся на массивный предмет, раскачивавшийся в темноте. Он ощупал находку и с ужасом понял, что это мёртвое человеческое тело, подвешенное за ноги. Юноша отшатнулся от своей страшной находки и натолкнулся на ещё одно туловище. Нилус непроизвольно вскрикнул и заметался в пространстве, натываясь на новые мёртвые тела.

— Здесь всё увешано убитыми людьми, лесные собаки здесь хранят запасы мяса на чёрный день, — пояснил голос из темноты, — скорее освободи меня!

Нил взял себя в руки и торопливо двинулся далее, расталкивая плечами в стороны человеческие туши. Глаза уже привыкли к отсутствию света и начали различать очертания. Человек, звавший на помощь, находился в самом углу, он сидел прямо на земле, облачённый в обрывки грязной одежды. Нилу показалось, что давно нечёсаная шевелюра слегка сияет в темноте, настолько светлой она казалась. Два глаза пристально смотрели на своего спасителя из полумрака. Звякнули цепи.

— Судя по крикам, что доносились сверху, и шуму боя, ты победил их вожака. Я прикован цепями к стене, ключ на поясе у Строга, освободи меня! Молю!

Нилус молча рванул к выходу, понимая, что на счету каждая секунда. Горящее здание могло начать разрушаться, но его схватила рука просившего.

— Только не бросай меня!

Нил грубо освободил свою ладонь и молча выбрался наружу. Дыма стало ещё больше, а огонь уже подбирался к заветному выходу. Было невыносимо жарко.

— Что там? — встретил его вопросом старик, чтобы не задохнуться в дыму, он приложил к лицу рукав, пытаясь дышать через материю своей рубаки.

— Там кто-то прикован, — пояснил Нилус и залился кашлем, — беги на улицу, готовься к отъезду, я освобожу его и вернусь.

Парень, не тратя времени на лишние разъяснения для Радобора, метнулся к трупу Роккана и торопливо начал обшаривать его тело. Заветный ключ он нашёл очень быстро, срезал его с ремня и рванул обратно в подвал. Бесцеремонно расталкивая висящие тела, Нил быстро подбежал к месту, где томился незнакомой, нащупал замочную скважину в замке и просунул ключ внутрь. Его ржавый механизм не хотел сдаваться и выпускать своего пленника. Наконец внутри что-то щёлкнуло, лязгнул открывающийся металлический ошейник, падая вниз, увлекаемый на землю звенящей цепью.

— За мной, — скомандовал Нил и поторопился к лестнице, ведущей наверх.

Если в подвале ещё можно было как-то дышать, то комната сейчас была целиком заполнена дымом. Ориентироваться в окружении огня было совершенно невозможно, пламя обжигало лицо и ладони. Юноша, укрываясь от жары руками, двинулся вперёд, он шёл по памяти в направлении заветного выхода. Освобожденный пленник, чтобы не потеряться, схватил Нила за плечо и семенил за ним. Находясь в шаге от заветной свободы он не хотел потеряться и глупо погибнуть в пожаре. Через несколько мгновений два человека выбежали из здания, перед которым уже стояла повозка, запряжённая тройкой лошадей. На месте возницы сидел Радобор.

— Прыгайте внутрь, — крикнул он, стараясь перекричать шум полыхавшего здания, — нам пора вырваться из этой огненной ловушки!

Глава 20. Боевая песня Лорель

Штурмовые башни медленно приближались к крепостной стене. Каракка знал, какое напряжение сейчас царило по обе враждующие стороны. Нападавшие воины боялись точно так же, как и те, кто держал оборону, ведь никто не хотел умирать раньше отведённого ему срока. Шальная стрела или камень, сброшенный сверху, могли в одночасье прекратить жизненный путь даже самого опытного солдата. Капитану казалось, что он слышал стук своего сердца, а также сердца всех, кто стоял сейчас на стене. Он совпадал с ритмом барабанов, звучащим из начала ущелья, где наступали войска противника. Сейчас всё поле предстоящей битвы было единым организмом, существовавшим лишь в такие моменты. Время тянулось слишком долго, хотелось, чтобы противник как можно скорее пересёк ту самую черту, ступив за которую он становился уязвимым для выстрелов с крепостной стены. Тогда можно было отпустить все тревоги и всецело отдаться азарту схватки. Ожидание битвы — это самое мучительное, что существовало в жизни каждого воина. Как только скрещивались мечи, любой солдат начинал жить совсем другой жизнью, за него всё решали рефлекс, мастерство и удача. Лишние мысли покидали голову, оставляя в ней лишь инстинкты и желание выжить, а единственным условием для этого была победа над врагом.

Наконец-то первая линия башен докатилась до той границы, где они становились досягаемыми для баллист из крепости. Команда лейтенанта Лондайка «Выстрел!» пролетела над головами как вестник начала сражения. Два метательных снаряда с хлётким звуком покинули катапульты и отправились в сторону целей. Левый камень попал в землю перед одной из башен и отскочил в неё, проламывая переднюю стену её нижнего яруса. Этот снаряд унёс жизни нескольких людей, разметав их тела в стороны вместе с щепой и кусками досок. Второй камень опустился перед соседней башней, но отскочил чуть в сторону, не причинив никакого вреда и пролетев совсем рядом с её краем. Точное попадание вызвало оживление у защитников Лорель. Видя причинённый неприятелю ущерб, воины радовались как дети. Возможно, некоторые из них сейчас молились Матери Луне и всем известным им богам, чтобы те как можно точнее направляли метательные снаряды катапульт. Ведь чем больше врагов погибнет на подходах, тем меньше их будет карабкаться на стены...

После выстрела команды возле катапульт работали очень слаженно. На тренировках они выполняли это множество раз, доведя свои движения до автоматизма. Вскоре метательные машины были вновь заряжены и готовы к отправке в сторону врагов своих смертельных посланий. Лондаик сделал поправки на прицельной планке и произвёл выстрел. У второй катапульты находился его ученик Верт, которому лейтенант давно методично передавал свои знания. Сказать по правде, юноше это было не очень интересно, частенько на занятиях он витал в облаках, за что получал оплеухи от своего наставника. Верт был безумно влюблён в дочку фермера, что жила неподалёку, и все его мысли были направлены только на объект своего вожделения. Лондаик знал об этом и как мужчина понимал юнца, но во время учёбы спрашивал с него жёстко и требовал постоянного внимания. На днях, когда Каракка приставил к лейтенанту маленького помощника — Притта, баллистмейстер успел немного позаниматься с мальчишкой. Он показался ему любознательным и голодным до знаний, он быстро усваивал информацию и был смышлён не по годам. Лондаик даже немного жалел, что капитан не приставил к нему этого мальчугана

раньше. Сегодня у Верта был настоящий экзамен, и пока с меткостью у него были проблемы. В боевых условиях парень волновался и совершал ошибки. За несколько следующих выстрелов Лондаик снёс верхний ярус вражеской башни, эффектно разметав в стороны остатки стреломёта и солдат, которые там находились. Ещё пара камней влетела в нижнюю часть, оставив там после себя сплошную дыру, которую нападавшие закрыли своими щитами. Камни Верта летели мимо, но один из них удачно попал в левое колесо осадного укрепления, срывая его с оси. Башня стала медленно заваливаться в сторону и вскоре рухнула вниз, разбрасывая в стороны падающих воинов. Этот удачный выстрел потонул в радостных возгласах защитников Лорель. Ученик баллистмейстера принялся радоваться вместе со своим небольшим отрядом, который заряжал катапульту. Они начали обниматься и угрожающе трясти кулаками в сторону атакующей армии. Притт тоже не мог стоять на месте, он восторженно реагировал на каждое попадание и живо переживал каждый промах, при этом его огромная каска болталась на голове словно металлический котелок, постоянно падая то на затылок, то на лоб. В таком виде он напоминал Лондайку массивный колокольчик, который обычно надевают коровам на шею.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тем временем первая линия нападения противника уже преодолела четверть своего пути до крепости, потеряв при этом одно передвижное укрепление и получив серьёзные повреждения на втором. Учитывая, что защитники обладали всего лишь двумя катапультами, это было неплохим результатом. Атака продолжалась. Лондаик видел, что враги начали выдвигать свои катапульты на позиции для стрельбы. Пока ещё они были слишком далеко для того, чтобы представлять какую-то опасность, но через некоторое время, когда атакующие подберутся ближе и отвлекут на себя всё внимание обороны, они смогут предоставить много неприятностей.

Ротанг шёл во второй линии штурмовых башен. Воины толкали эту огромную конструкцию, а барабанщики задавали ритм, чтобы никто не сбивался с шага. На трёх ярусах располагались стрелки, а на вершине располагался стреломёт. Остальные воины шагали сзади, укрываясь за высокой конструкцией от вражеских стрел. Подобные осадные укрепления вмещали до пяти сотен воинов. Каждый раз, когда Ротанг слышал зловещий свист летящего со стен камня, он надеялся, что тот пролетел как можно дальше от его мобильного укрепления. Хорошо, что в крепости было мало катапульти, и пока они были заняты обстрелом передней линии нападения.

— Скорее бы уж добраться до стены, — мрачно пробубнил кто-то рядом с Ротангом.

Мысли всех воинов были сейчас примерно одинаковы, ожидание тяготило, и каждый хотел, чтобы их башня скорее упёрлась в крепость, а бойцы начали штурм. Когда осадные машины практически вплотную приблизятся к Лорель, из лагеря им на помощь отправятся мобильные отряды на конях и ящерицах для того, чтобы как можно быстрее преодолеть расстояние до крепости, пока на её подступах кипит бой. Таким образом, свежие силы помогут передовым отрядам, связанным боем. Несколько башен должны будут остановиться вблизи от вражеских мерлонов, чтобы лучники, находящиеся в них, прикрыли своим огнём тех, кто будет карабкаться на стены по лестницам или перебираться по откидным мостам с тех штурмовых укреплений, что подойдут вплотную. К тому моменту солдаты из лагеря подкатят катапульты на позиции, с которых они уже смогут начать обстрел второй линии крепостных стен, куда будут бежать защитники. Или прикрывать отступление в случае

неудачи, давая возможность основным силам перегруппироваться и устремиться в повторную атаку. О таком исходе никто даже не хотел думать, но тактическая наука его не исключала. В целом план был предельно прост, и он не раз доказывал на практике свою эффективность.

После очередного противного свистящего звука, которые издавали летящие каменные глыбы, раздался жуткий грохот, треск, скрип, скрежет и людские крики. Одна из передних осадных башен покосилась и медленно начала заваливаться набок. Попадание было или слишком точным или чересчур удачным. Спасая свои жизни, с неё на землю прыгали воины, а остальные стали разбегаться в стороны, чтобы не попасть под тяжёлые обломки. Стреломёты со стен отреагировали на это очень оперативно, открыв стрельбу по оставшимся без прикрытия воинам, рассеивая отряд и оставляя лежать на земле с десятков солдат. Выжившие воины стали отступать к ближайшим подвижным укреплениям и присоединились к их отрядам. Ротанг стоял в первом ряду, поэтому битва разыгрывалась буквально перед его глазами. За событиями он наблюдал в небольшую бойницу, что была расположена прямо напротив его лица. Как успел заметить воин, одна катапульта со стены метала камни гораздо точнее второй. Именно она вскоре заставила повреждённую башню, получившую уже несколько прямых попаданий, остановиться. В чём крылась причина прекращения её движения, издалека было не разглядеть. Воины, шедшие за этим укреплением, были вынуждены ждать башню, следовавшую за ними, чтобы укрыться за её стенами и продолжить своё наступление. Из пяти осадных укреплений передней линии уже было потеряно два, остальные продолжали своё неторопливое движение. К этому моменту наступающим силам удалось преодолеть половину своей дистанции, и резервные верховые отряды уже начали группироваться у входа в ущелье. Туда же подкатили баллисты, которые в скором времени дали свой первый залп. К сожалению, их заряды упали слишком близко к крепостной стене, а значит метательные машины нужно было подкатить ещё немного вперёд. Защитники сменили тактику и сосредоточили свои усилия на одной — центральной башне, которая получала повреждение за повреждением, но упорно продолжала двигаться вперёд. Ещё несколько томительных минут ожидания, и баллисты Дома Гангенов смогли открыть прицельную стрельбу по крепости. Три больших валуна влетели в стену, выбивая из неё каменные крошки и пыль. Но старое строение было слишком крепким для того, чтобы рассыпаться под первым натиском. Вскоре баллистмейстеры сосредоточили свои усилия на мерлонах, но их выстрелы пока ложились выше или ниже цели. Центральное мобильное укрепление нападающих неожиданно остановилось, сильно завалившись на бок, не докатившись до стены каких-то сто пятьдесят шагов. Передняя линия наступления наконец-то достигла мёртвой зоны, куда баллисты защитников не могли метать камни, и вскоре до этого места должна была добраться вторая линия штурмовых башен. Ещё несколько тягостных минут, и начнётся штурм. Сто шагов... пятьдесят, двадцать пять, десять. Из-за двух докатившихся до крепостных стен башен хлынули воины с лестницами в руках. Башни отбросили приставные мостики, и первые отряды ринулись по ним вперёд. Их уже встречали ударами копий. В тех, кто бежал вниз, летели стрелы и камни. Завязывался ближний бой. Вторая линия штурмовых укреплений без особых потерь подкатывалась к первой. Увидев это, резервные отряды пришпорили своих коней и ящериц, пуская их в галоп. Штурм начался, и похоже, что крепость должна была пасть именно сегодня. Это стало очевидно для всех атакующих командиров. Тем более, что к вечеру ожидался подход новых отрядов, а через день-другой у крепости должны были появиться основные силы молодого короля.

Каждый клан отправил свои резервы к стенам, это сделали все, кроме звероловов. Дикари по понятным только им причинам даже не покинули пределов своего лагеря. Открытым оставался лишь один вопрос: «Кто первым поднимет над Лорель свой штандарт?».

Глава 21. Горячий приём

Бриар никогда не испытывал такого бешенства. Сейчас на его лице застыла гримаса злобы. Его одежда была перемазана кровью и грязью. Он шагал по местами заснеженной дороге, пошатываясь, словно перед этим опустошил пару кувшинов с вином. Воин не замечал слякоть, которая при каждом шаге словно страстная любовница, не желала выпускать его ноги из своих объятий. Ненависть, злоба, обида и примеси других негативных чувств разрывали разум бессмертного воина на части. В его сердце не осталось места для любви, он жаждал только мести, которая могла бы утолить чудовищный голод его обиды. Кузнеца он рубил своим мечом очень долго, превратив его труп в окровавленные ошмётки. Под горячую руку Бриару попало ещё несколько человек, которые пытались его остановить, обезумевший воин убил их всех. Что-то липкое щипало глаза, мужчина провёл по лицу рукой в попытке вытереть пот, но ладонь окрасилась в бордовый цвет, видимо, всё же кто-то сумел достать его своим ударом. Но это было сущим пустяком для человека, жившего целую вечность. Пьяный кузнец сполна ответил за свои слова, сейчас оставалось добраться до дома и поставить точку в истории своего позора.

— Бриар, стой! — окликнули воина два стражника, которые догнали его на узкой улочке. Ещё трое встали перед ним с обнажённым оружием, преградив ему путь. Было видно, что они сильно нервничали, опасаясь разгневанного воина.

Всего в их городке было десять стражников, которые следили за порядком и выполняли все поручения бургомистра, бывшего в этих краях абсолютной властью для жителей.

— Прочь с моего пути, — прорычал Бриар, удобнее перехватывая свой меч, — клянусь, если вы сейчас же не отойдёте в сторону, я вас всех убью!

Говоривший с ним стражник нервно сглотнул слюну, и казалось, что звук от этого был слышен на несколько шагов вокруг. Стало понятно, что просто так он не сдастся и поединка не избежать. Воины, осторожно взвешивая каждое своё движение, стали подбираться к Бриару.

— Ещё раз прошу тебя... — стражник начал очередную попытку уговорить воина и решить всё мирным путём, но его прервал выпад Бриара.

Бессмертный воин яростно атаковал тех, кто преграждал ему путь. Они могли спасти себя, если бы были поумнее и позволили ему спокойно пройти, но нет. Глупые люди иногда не понимают, когда стоит остановиться ради того, чтобы сохранить свою жизнь. Бриар рубил и колол, парировал и отвечал на удары. Ему казалось, что тело само двигалось, в то время как разум сгорал в пламени гнева. Через несколько мгновений всё было кончено, поверженные охранники умирали возле его ног. Их последние вздохи он оставил позади, широкими шагами сокращая расстояние до своего дома. Воин с силой оттолкнул дверь и ворвался внутрь помещения вместе с ледяным ветром. Его жена испуганно забилась в угол, прижимая к своей груди их сына.

— Бриар, ты меня пугаешь! Мне страшно, — по её щекам побежали первые слезы, протоптав дорожки для солёных ручейков. Ей не нужно было задавать вопросов, чтобы выяснить, почему у её мужа такое состояние. Она это знала, и ей было страшно.

— Ты! — взревел воин, — как ты могла?!

Женщина просто тихо всхлипывала в углу, вытирая слёзы одной рукой и держа во

второй руке тряпичный свёрток, в котором находился малыш.

— Кузнец мне всё рассказал, — не унимался Бриар, требуя ответов от своей жены, — почему?

— Потому что я видела, как сильно ты хочешь ребёнка, но у нас ничего не получалось, поэтому...

— Поэтому ты спуталась с кузнецом? — яростно выкрикнул воин и ударом меча смёл на пол всё, что стояло на столе.

От шума бьющейся посуды ребёнок проснулся и начал плакать.

— Заткни ему рот, — грубо приказал Бриар.

— Это же наш ребёнок, — рыдала женщина, — я люблю тебя!

— Не смей мне говорить такие слова! — гнев захлестнул разум Бриара с новой силой. Он вспомнил издевательскую историю, которой хвастался кузнец перед своими друзьями за харчевней. За это оскорбление они все ответили сполна. Сейчас настала очередь его жены. Воин сделал несколько шагов вперёд и одним коротким ударом проткнул тело ребёнка и женщины.

На площади раздались удары колокола. Такое случалось только в те моменты, когда людей нужно было собрать на праздники или для того, чтобы справиться с бедой. Сегодня причиной набата был он — Бриар, который сеял смерть по дороге до своего дома. Воин словно очнулся после сна и понял, что этот кошмар случился с ним наяву. Впервые в жизни он зарыдал, склонившись над трупами двух людей, которые были ему дороже всех остальных в этом мире. Он услышал голоса и крики, доносившиеся снаружи. Нужно было уходить. Бриар взял на руки мёртвые тела и вынес их на улицу.

Как же давно это было, но память хранила каждую деталь того самого вечера, навсегда изменившего характер и образ жизни Бриара. Если бы не тот случай, то воин не пытался бы покончить жизнь самоубийством и в этих тщетных попытках не начал искать ответ на самый главный вопрос: «Зачем он существует?». Возможно, и императорской гвардии тогда могло и не появиться. Удары колокола вывели бессмертного гвардейца из воспоминаний. Он вновь находился в бочке с горячей водой в комнате постоялого двора, за которую воин заплатил целую золотую монету. Всего пришлось отдать по золотому за отдельные помещения для себя, Риота и Ганы, а также одну монету за отсутствие лишних вопросов и быстроту обслуживания. Звон за окном продолжал оповещать всех, кто находился в Жандаль о том, что наступает время комендантского часа, и гостям города, кому негде было остановиться на ночь, нужно было покидать пределы крепости.

Бриару не хотелось выбираться из объятий горячей воды. Проводя большую часть своей жизни в движении, он не мог часто позволить себе такую роскошь, но время диктовало свои условия. Скоро должен был явиться караул от Двух баронов, который проводит путешественников на аудиенцию. Воздух после принятой ванны леденил кожу, воин быстро обернулся в простынь и насухо растёрся. Переодевшись в запасную чистую одежду, ему всё же пришлось накинуть на себя свой единственный дорожный плащ, поистрепавшийся за время путешествия и требовавший изрядной чистки. Причесав мокрые волосы деревянным гребнем, он надел на голову свой стальной обруч, с выступом — защитой для переносицы. Этот атрибут давно заменял ему шлем, он был гораздо легче и удобнее большинства своих громоздких собратьев. Застегнув пояс с оружием, он закончил свои сборы и решил поторопить своих компаньонов. Бриар был уверен, что его приятель Риот, как старый дисциплинированный воин был уже собран, а вот девушка могла позволить себе слишком

расслабиться в ванной, и её можно было понять. Роскошь и уют, легко ломают баррикады пунктуальности. Выйдя в коридор, воин сделал несколько шагов к соседней двери и занёс руку, чтобы постучать в номер Ганы.

Девушка давно не испытывала такого блаженства, она уже успела позабыть, что такое ароматические масла и щётка для мытья. Как маленький ребенок она брызгалась водой, погружалась в бочку с головой, задерживая дыхание и пуская из носа пузыри. Вынырнув в очередной раз, она сделала глубокий вдох и руками убрала намокшие волосы с лица. Что-то изменилось в её комнате. Стало явно холоднее. Гана не сразу поняла, что окно, которое она лично закрывала перед тем, как начать мыться распахнуто, а за оконную раму держится рука в кожаной перчатке. Схватившись за края бочки, девушка резко выпрыгнула из емкости, в которой находилась, и бросилась к большому комоду. Именно на нём она оставила своё оружие.

— Бриар! Риот! — громко позвала Гана.

Её спутники были совсем рядом, но они могли не успеть прийти к ней на помощь, поэтому нужно было действовать самой. Тем временем незнакомец уже почти перебрался внутрь помещения. Ступая босыми ногами, Гана поскользнулась на небольшой луже и повалилась на спину, смахивая в падении с комода кувшин с хмельным квасом, к которому даже не прикасалась, помня о предстоящей важной встрече. Глиняный сосуд с шумом раскололся, разлетаясь на несколько обломков. Незванный гость тем временем уже полностью перебрался в комнату. Он был одет в лёгкую чёрную одежду, а лицо ниже глаз было закрыто плотным платком. В полумраке блеснула сталь клинка, и его намерения стали понятны — он пришёл убивать.

— Гана, что случилось? Я иду! Гана, ответь! — раздался знакомый взволнованный голос за дверью, которая тут же стала содрогаться от ударов, девушка узнала голос Бриара. Воин стремился попасть внутрь, но пока его усилия сдерживал засов, на который Гана закрылась изнутри.

Незнакомец немного оторопел, увидев совершенно нагую, красивую девушку, распластавшуюся на полу. Но его оцепенение быстро прошло, и убийца стремительно бросился на свою жертву. Девушка не думалатак просто сдаваться, понимая, что не успевает встать, она встретила врага ударом ноги в колено. Не ожидав сопротивления он как подкошенный повалился на пол, в падении пытаясь ударить девушку кинжалом. Гана отвернула корпус в сторону, и выпад пришёлся мимо, лишь слегка оцарапав её плечо. Убийца рухнул на девушку, свободной рукой случайно ухватившись за её небольшую грудь. Он снова слегка замешкался, и этой секунды хватило Гане, чтобы нащупать на полу кусок от разбитого графина и со всей силы полоснуть им нападавшего по лицу. Тот вскрикнул от боли, а девушка с небольшим замахом уже наносила второй прицельный удар, на этот раз метясь в шею своего ночного незваного гостя, которому не оставалось ничего другого, кроме как отпустить рукоять крепко застрявшего в половых досках кинжала и перехватить выпад свободной рукой. Взгляды противников встретились. Нападавший был явно молод и имел голубые глаза. Сквозь края головного убора пробивались светло-русые локоны, а из разорванной щеки на лицо девушки капала кровь. Убийца зачарованно смотрел на Гану, не предпринимая больше попыток для атаки, пользуясь преимуществом в силе, он медленно отводил руку с острым обломком от своей шеи. Воспользовавшись странным замешательством убийцы, девушка ударила его коленом чуть ниже живота. Противник

содрогнулся и ослабил хватку, давая возможность прыткой девчонке выбраться из-под него. Она сразу же кинулась к комоду и выхватила из ножен свою саблю. Собрав все силы, преодолевая боль и не теряя зря времени, вечерний гость вскочил на ноги и, немного прихрамывая, рванул к окну. В этот момент под натиском могучих ударов, дверь слетела с петель, и в комнату ввалились Бриар и Риот. Увидев обнажённую Гану, они опешили, а ночной убийца успел запрыгнуть на подоконник и исчез в окне.

— У тебя кровь, ты ранена? — обеспокоенно спросил бессмертный воин.

— Нет, со мной всё в порядке, это не моя кровь, — успокоила воина девушка и возмущённо воскликнула: «Да перестаньте вы на меня глазеть!». Она смущенно прикрыла тело руками, а потом, быстро схватив с лавки простынь, одним движением накинула её поверх своего тела.

— Кто это был? Ты его разглядела? — спросил Риот, подбегая к окну.

— Молодой, с красивыми глазами. Хотел убить, — девушка кивнула на воткнутый в пол кинжал, — но похоже, что передумал.

— Я за ним. Попробую догнать и узнать, кто его послал, — пояснил Риот и шагнул через оконный проём на крышу.

Глава 22. Беги без оглядки

Все постройки лесного поселения горели, дразня звёздное небо языками пламени. Нил и спасённый им пленник залезли в повозку, и старик тронул с места. Кони рванули изо всех сил, потому что были изрядно напуганы пожаром, и Радобору составляло огромного труда сдерживать их. Дети испуганно сгрудились в самом углу в объятиях Лотты. Увидев Нила, они обрадовались, но настороженно встретили появление вместе с ним странного оборванца.

— Мой братик вернулся, — радостно закричала Зара.

— Наш братик снова с нами! — завопили близнецы, ревниво оспаривая с девочкой родственные связи. В последнее время мальчуганы сильно привязались к Нилу и во время немногочисленных остановок каравана беглецов повсюду следовали за ним по пятам.

Нил подобрался поближе к самым родным для него на данный момент людям и обнял их всех. В него вцепилось четыре пары рук, а губы Лотты осторожно чмокнули его возле уха.

— Я так рада, что ты остался невредим! — едва слышно сказала она дрожащим голосом. Похоже, что от переизбытка чувств девушка еле сдерживалась, чтобы не зарыдать.

— А кто твой новый друг? — спросила она, чтобы отвлечь внимание парня от своих попыток скрыть слёзы.

Нил вырвался из клубка дружеских объятий и решил познакомить всех с незнакомцем, но вдруг осознал, что не знает, как его зовут. Впрочем, эту ситуацию новый попутчик прочувствовал моментально и тут же представился.

— Меня зовут Адонис, я был пленником у Рокканов.

— От тебя воняет, — с наивной детской честностью выдал один из мальчуганов.

— Как тебе не стыдно, — отвесила подзатыльник брату Лотта, — простите его, манеры — не сильная сторона моего братишки.

— Ничего страшного, я всё понимаю, — печально улыбнулся Адонис, — я даже не помню, когда в последний раз видел солнечный свет, а баню и воду для того, чтобы помыться, я видел только во снах.

Повозка на большой скорости влетела на кочку, и её потрянуло так, что все резко навалились на Нила, опрокидывая его навзничь.

— Держитесь там внутри крепче, — запоздало предупредил с места возницы Радобор, — сейчас я буду ехать во весь опор!

Дети на четвереньках добрались до бортов, и каждый уцепился за их края. Повозку трясло и подбрасывало с такой силой, что не прижатые чем-то тяжёлым тюки с вещами подлетали вверх. Старик гнал вперёд, не жалея коней, страх и естественное желание жить тоже подстёгивали их, потому что животные чувствовали поблизости присутствие зверей.

— За нами погоня, — закричал Адонис, сидящий у самого края.

Нил ждал этого, он знал, что Рокканы не успокоятся просто так и не выпустят никого из лесного убежища живыми, особенно тех, кто убил их родичей и сжёг их логово. Юноша, держась за бортик, очень осторожно подобрался к Адонису. Сквозь мелькавшие по обеим сторонам дороги деревья иногда виднелись силуэты звероловов в образе огромных псов. Они увлечённо преследовали повозку, хищно скаля свои зубы. Для остатков стаи это была последняя охота, они не имели права упустить беглецов, поэтому мчались, отдавая этому все

свои силы. Псы выбрались на дорогу из-за частогокола деревьев, росших на обочине. Здесь им было гораздо проще преследовать людей, но, несмотря на все усилия, расстояние медленно увеличивалось, и повозка, запряжённая тремя конями, постепенно уходила от преследователей. Нил выпрямился в полный рост и ухватился за верхнюю балку, на которой крепилось полотно, защищавшее путников от непогоды и ветра. Юноша видел, как дистанция увеличивалась всё больше и больше. Впервые за последнее время он наконец-то поверил в то, что опасность остаётся далеко позади. Оказывается, иногда не нужно драться, чтобы спасти свою жизнь, достаточно просто бежать что есть сил. За последние дни Нилус видел слишком много смертей и слишком устал от этого. Его прежняя мирная жизнь казалась ему обрывками доброго сна, яркого и счастливого, после которого обычно хочется подольше задержаться в мире грёз или не просыпаться совсем. Силы начали покидать преследователей, и в какой-то момент они просто остановились, высунув свои языки из раскрытых пастей. Нил поднял свободную руку вверх и издевательски помахал зверолодам. Он понимал, что никогда не забудет о семье Рокканов, но надеялся, что больше никогда не встретится с ними. Именно в этот момент судьба решила подшутить над ним и его спутниками. Колесо повозки налетело на большой камень и с громким треском слетело с оси. Нил не смог удержаться и от резкого толчка вылетел через борт. С грохотом повозка стала врываться просевшей стороной в землю, оставляя глубокую борозду в земле. Дети в повозке закричали, падая во все стороны, спасаясь от серьёзных повреждений лишь благодаря тому, что все дно было устлано мягкими тюками.

Нилу показалось, что перед глазами кто-то несколько раз ударил камнем о камень, высекая снопы искр. В ушах стоял странный звук, словно его голову засунули в улей с пчёлами. Прошло несколько мгновений, прежде чем он понял, что стоит на четвереньках и безуспешно пытается подняться. С третьей попытки ему удалось встать на ноги, юношу шатало, словно он до сих пор ехал в повозке. Повозка! Нил обернулся, она находилась шагах в тридцати от него. Тут он вспомнил о преследователях, и в разуме немного прояснилось, хотя тело его слушалось неохотно. Он чувствовал сильную слабость, его голова кружилась, заставляя глаза закрываться в поисках сна и отдыха. Слишком тяжёлый груз свалился на его плечи. Преследователи! Юноша вспомнил о них и опустил руку к ножнам, но с удивлением обнаружил, что меча там нет. Он стоял посреди дороги на подкашивающихся ногах, один и без оружия. Помощи ждать было неоткуда. Нил видел, как потерявшие уже всякую надежду звери изо всех сил мчатся навстречу с ним. Превозмогая слабость, юноша осмотрел все вокруг, но в высокой траве он мог заметить меч, только если бы тот светился как мать Луна. Он снова оглянулся, в сломанной повозке находились те, кто был ему дорог, и он надеялся, что они живы.

— Бегите, я их задержу! — крикнул Нил дрожащим голосом.

Это был его единственный план, который он мог воплотить сейчас в жизнь. Через борт перелез Адонис, у юноши появилась надежда, что вдвоём они смогут дать какой-то отпор зверолодам, тем более, что недавно спасённый им парень, несмотря на свой измождённый вид, выглядел сейчас гораздо лучше, чем Нил себя чувствовал в данный момент. Но тот, увидев приближающуюся опасность, со всех ног сиганул в лес.

— Стой, трус! Куда?! — закричал Нил. Он не думал, что его призыв первым выполнит этот тщедушный человек. Поддев что-то носком своего мокасины, Нилус поднял большую кривую палку, схватив её двумя руками, он встал, ожидая приближения огромных зверей.

Строг так сильно хотел разобраться с дерзким мальчишкой в одиночку, что велел всем ждать его снаружи. Из всех оставшихся в живых повезло лишь Ирге, вожак оказал ей честь, взяв с собой на охоту. Четверо огромных псов — вот и всё, что осталось от семьи Рокканов. Ожидание Строга затягивалось, а селение уже полностью полыхало. С утра нужно будет искать для себя новый приют. Зверолюды, комфортно устроившись в этом посёлке, уже успели позабыть, что такое ночевать в лесу. Все переминались с лапы на лапу, с тревогой поглядывая на свой дом, который с аппетитом пожирал огонь. Карон повёл носом, ветер не приносил ничего, кроме дыма, забивавшего собой все остальные запахи. Его плечо противно ныло, мальчишка успел нанести ему удар мечом, когда они встретились первый раз на площади во время ночной охоты. Зверолюд успеллизать свою рану, остановив кровотечение, но об этом дерзком юнце он вспоминал при каждом шаге.

Карон наострил уши, ему показалось, что за треском рушащихся конструкций слышит звук копыт. Чувства его не подвели: вскоре из горящих ворот вырвалась повозка, запряженная тройкой лошадей, которых подгонял старик. Карон даже не помнил этого человека, когда рассматривал приехавших к ним в логово людей. На размышления совсем не было времени, огромные псы без команды, почти одновременно, бросились в погоню. Казалось, что они успеют через лес срезать путь и впиться в шеи коней, но постепенно дистанция начала увеличиваться. Карон начал уставать, последние несколько дней отняли у него слишком много сил, а передняя лапа постоянно напоминала о себе болью при каждом шаге. Из фургона показался он. Зверолюд сразу узнал того, кто недавно убил его братьев и ранил сегодня его. Мальчишка издевательски махал рукой, прощаясь со своими преследователями. Он был жив, а это означало, что Строг и Ирга не справились со своей задачей. Верить в то, что они мертвы, не хотелось. Скорее всего, хитрый юнец обманул их, и ему удалось каким-то образом вырваться из огненной ловушки вместе со своими друзьями. От безысходности и понимания, что жертва ускользает Карон встал на месте и завыл, молясь богу леса, чтобы он пришёл зверолюдам на помощь. То, что произошло дальше, можно было назвать только чудом. Видимо, лесной покровитель решил прийти на помощь своим детям. Повозку подбросило на дороге, одно колесо отлетело в сторону, и она стала останавливаться, раскидывая в стороны комья земли. Коней сорвало с привязи, и они стремительно удалялись от места крушения.

Это был шанс, дарованный богом леса, по-другому объяснить для себя то, что случилось, Карон не мог. Зверолюды, позабыв об усталости, помчались вперёд. Азарт предстоящей охоты, чувство мести и незабываемый за вечер вкус человеческой крови гнали их по лесной дороге. Карон отчётливо видел, как ненавистный мальчишка, потеряв от удара равновесие, свалился на лесную дорогу, как он медленно поднимался с земли... По его поведению казалось, что он был оглушён падением с повозки, это было на руку зверолюдам. В облике зверя Карон никого никогда не боялся, но именно этот юнец сумел его ранить. Тем лучше для четверых псов, ведь оказывать сопротивление больше было некому. С каждым мощным толчком расстояние сокращалось. На удивление юноша не боялся приближающихся к нему зверей. Он встал, широко расставив ноги, сжимая в руке ветку от дерева. В отваге ему было не занимать. Карон уже представлял, как его зубы впиваются в руку парню и как он резко дёргает своей мордой, ломая человеческие кости. Его братья тут же налетают на мальчишку со всех сторон, разрывая на части его плоть. До парня оставалось каких-то двадцать прыжков, когда тишину леса разорвал жуткий вой, полный силы. Так мог обозначать себя только хозяин территории, который предупреждал всех незваных гостей о

своей безграничной власти. Карон без усилий узнал этот звук и вспомнил ту самую охоту, когда они загнали обладателя этого могучего голоса в ловушку. Сейчас, впервые за последнее время, зверолюду стало страшно, но ненависть к мальчишке была сильнее, и он продолжил свой бег. Пятнадцать прыжков, и зубы сомкнутся на человеческой плоти. Карон увидел, как из повозки выбирались дети, тем лучше: одной жизнью он бы не насытился. Вперёд вырвался Дравт — самый младший из Рокканов, он первым успевал добежать до цели и уже совершил свой прыжок. Парень замахнулся палкой, которая вряд ли спасла бы его в такой ситуации... В этот момент из кустов вылетел огромный белый волк, он был раза в полтора крупнее псов, что жаждали человеческой крови. В полёте его клыки сомкнулись на шее Дравта, и он резко дёрнул головой, ломая своей жертве позвоночник. Юный Роккан коснулся земли уже мёртвым. Новый враг грациозно приземлился на четыре лапы и двинулся навстречу атакующим зверям. Заметив новую, более серьёзную, чем мальчишка, вооруженный палкой, опасность, псы атаковали волка, набросившись на него с разных сторон.

Глава 23. Ночная прогулка

Лаваль бежал по крыше, ловко перепрыгивая с одного дома на другой. Кое-где ему приходилось передвигаться по узким балкам и балконным перилам, но он знал все эти пути с самого детства и они ему были хорошо знакомы. Преследователь был не таким ловким, но держался неплохо, хотя и начал понемногу отставать от ловкого юнца. У него не получалось передвигаться так же грациозно, как у наёмного убийцы, но то, что он до сих пор сохранял приличный темп, делало ему честь. Перед глазами Лавалья застыла картинка с лицом девушки. Она была безумно красива. Он вспомнил своё замешательство, когда увидел её обнажённой, и на это были причины: ему заплатили за убийство мужчины. Своё ремесло убийцы молодой человек знал отлично, но с женщинами он не имел никаких дел. Лишить жизни зарвавшегося наглеца или последнего подлеца — это одно, а вот предать смерти девушку... Он не мог понять, где совершил ошибку, заказчик указал адрес совершенно точно и заплатил щедрый аванс, который Лаваль возвращать не намеревался. Молодой человек уже думал о том, как найдёт его и задаст ему пару-другую вопросов. Уж что-что, а развязывать языки он умел. Было немного жаль, что его любимый кинжал, которому он дал имя Сабьер, остался в той комнате, но с другой стороны, забытая вещь — это отличный повод, чтобы вернуться и встретиться вновь, но в других обстоятельствах. Девушка была не из робкого десятка, о чём сейчас напоминала рана на щеке и глухая боль в колене, обжигавшая при каждом шаге.

Сзади послышался грохот падающей черепицы. Она со звоном разлеталась на тысячи кусочков, ударяясь о мостовую. Молодой человек обернулся и увидел, как его преследователь судорожно барахтался на краю крыши, пытаясь удержаться от падения. Его руки соскальзывали, но он успел пальцами ухватиться за какой-то выступ. Лаваль остановился. Да, он был наёмным убийцей и получал за это деньги, но он никогда не убивал ради удовольствия. Преследовавший его человек не должен был сейчас находиться на этой крыше, а уж тем более умирать такой нелепой смертью, он просто выполнял свой долг или был заложником приказа. Молодой человек развернулся и поспешил к месту, где его преследователь цеплялся за возможность выжить. Он присел рядом с ним и принялся с любопытством разглядывать висящего человека. Преследователь явно побывал в большом количестве передряг, шрамы обильно украшали его руки и лицо. От натуги вены на его шее вздулись, а лицо покраснело.

— Чего смотришь, — прошипел он сквозь зубы, отдавая последние силы на борьбу с силой притяжения земли, — или помощи или столкни вниз!

Хватать его за руку и тянуть на крышу было чревато падением и встречей с мостовой. Поэтому, заметив рядом трубу от камина, у Лавалья созрел отличный план.

— Держись и никуда не уходи, — весело обратился он к висевшему человеку, издевательски похлопав его по щеке, вызывая тем самым поток бранных слов, которые от натуги превратились в набор хриплых неразборчивых звуков.

Наёмный убийца снял с себя моток верёвки с металлической кошкой, которая частенько помогала в его ремесле. Он перекинул её через трубу, прочно встал и, крепко держа двумя руками, начал постепенно спускаться вниз, позволяя под собственной тяжестью скатываться по крыше.

— Держи! Я спущу тебя вниз, — пояснил Лаваль.

Преследователь ухватился за предоставленную ему помощь, верёвка, обретя тяжесть, рванула вниз, но наёмный убийца держал её очень крепко. Он начал медленно опускать человека вниз. Наконец тот достиг мостовой и присел на неё, тяжело дыша. Цепляясь за край крыши, он потерял изрядно сил. Лаваль посмотрел на него сверху вниз.

— Милорд, приношу свои извинения за своё вторжение! Передай той девушке, что я не хотел её пугать или причинять ей вред, — его голос буквально звенел от задора в прохладном вечернем воздухе, — к тому же я видел её голой, теперь обязан на ней жениться. А свои обязательства я выполняю!

— Самодовольный юнец, — пробормотал Риот. Ему было неприятно осознавать, что его обвёл вокруг пальца какой-то проходимец. Но он сделал для себя простой и очевидный вывод: ночное нападение на Гану — это или недоразумение, или часть чьей-то продуманной игры. Иначе охотник сейчас не сидел бы на холодных камнях, переводя дух, а лежал в неестественной позе с поломанными костями.

Кто мог желать смерти Гане? И вообще кто мог знать о её визите в Жандаль? Бриар судорожно размышлял, пытаясь найти ответы на мучившие его сейчас вопросы. Найти правильный выход из лабиринта предположений ему не давало отсутствие достаточного количества фактов. Единственный вывод, к которому пришёл воин, — находиться в городе было небезопасно, в любой момент нападение могло повториться.

— Риот догонит его? — девушка поспешно одевалась, в то время как её бессмертный спутник стоял недалеко, деликатно повернувшись к окну.

— Не знаю, — честно ответил воин, разглядывая оружие, которое убийце пришлось оставить в комнате, — в лесу ему нет равных. Он бы выследил и загнал свою цель, а городские условия могут позволить убийце легко скрыться.

Воин заметил на лезвии кинжала гравировку «Сабьер», это могло быть зацепкой, которая помогла бы выйти на след ночного гостя. Немного поиграв в руке с оружием, Бриар заметил, как удобно оно ложилось в руку, и похоже, что было отбалансировано для метания. Закончив свои исследования, он заткнул кинжал за голенище сапога.

— Но ведь Риот очень опытный воин! — девушка присела на кровать, с усилием натягивая свои сапоги.

— Гана, запомни, это тебе пригодится в жизни. Существуют условия, при которых одни силы получают преимущество над другими, невзирая на опыт или навыки последних. Например, конница, загнанная на болото, теряет свою мобильность и становится более уязвимой для стрелков и пехоты. Так и здесь: человек, проживший в этом городе всю жизнь, знает тут каждый закоулок и может без труда укрыться или устроить засаду.

Неизвестно, как долго бессмертный воин продолжал свои наставления, если бы его речь не прервал стук в дверь. Девушка подскочила со своего места как ужаленная и схватилась за рукоятку сабли. Бриар подал ей успокаивающий жест рукой и осторожно подошёл к двери.

— Кто нарушает мой покой? — спросил он, встав рядом с дверным проходом. Арбалетный болт мог легко пробить дверные доски, а Бриару совсем не хотелось пачкать свою одежду кровью, к тому же несколько месяцев назад, после одной горячей передраги, ему уже приходилось отдавать её швее для ремонта.

— Извините за беспокойство, — голос был учтив, и было сразу понятно, что обходительное обращение к высокородным господам было у его обладателя делом

обычным, — их высочество бароны Жандаль послали меня, — лейтенанта Сьюри с караулом, для того, чтобы проводить императорского гвардейца Бриара и его спутников в замок.

Услышав такое официальное обращение, Бриар отодвинул засов и немного приоткрыл дверь, изучая в образовавшийся проём пришедших. Они не вызывали подозрения, были одеты в стандартную форму городской стражи. В коридоре воин заметил трёх человек.

— Сколько вас? — спросил Бриар.

— Пятеро, — ответил Сьюри, — трое здесь, двое ждут на улице. Вы чем-то взволнованы?

— Дело в том, что на меня и моего спутника только что было совершено нападение!

Гана продолжала маскироваться под юношу, надев мужской костюм и плащ с широким капюшоном.

— Какой ужас! Такое не должно случаться с гостями Жандаль, — возмущённо воскликнул лейтенант, — я немедленно пошлю гонца с приказом к караулам...

— Не стоит волноваться, за убийцей погнался мой друг. Он или уже поймал его, или тому удалось скрыться и залечь на дно.

— В любом случае мы осуществим вашу охрану и в сохранности доведём до замка, ни один волосок не упадёт с ваших голов, — Сьюри поклонился и приложил руку к груди, превращая своё обещание в клятву.

— Хорошо, тогда не будем больше тратить своё время на разговоры. Ведите нас в замок.

Бриар вышел из комнаты первым, за ним, пряча лицо от посторонних взглядов под капюшоном, проследовала Гана. Два воина, что стояли у лестницы, сразу начали спускаться вниз, а Сьюри замкнул процессию. Когда они спустились в холл и шли через харчевню, которая занимала первый этаж, Бриар пристально взглянул на хозяина заведения, виновато прятывшего свои глаза. После приёма у Двух баронов нужно будет задать ему несколько вопросов. Он сделал знак рукой своим сопровождающим, а сам подошёл к хозяину, внезапно озаботившемуся чистотой стола: тот принялся усиленно полировать его поверхность замызганной тряпкой.

— Любезнейший, эм, я забыл, как вас зовут, — начал Бриар.

— Миор, моё имя Миор, — упитанный человек в фартуке продолжал прятать свой взгляд с таким упорством, словно от этого зависела его жизнь.

— Так вот, Миор, у вас отличное заведение, но некоторые гости приходят без приглашения, а это невежливо, — Бриар приблизился губами к самому уху напуганного человека и прошептал: «Мы скоро вернёмся, и я хотел бы обсудить с вами этот деликатный вопрос с глазу на глаз.»

— Как скажете, милорд, — поперхнувшись фразой, промямлил Миор, изрядно побледнев.

Бриар уже не слушал его. Резко развернувшись на каблуках, он быстрым шагом подошёл к Гане и своим новым спутникам. Старый воин знал, что ожидание своей участи иногда бывает гораздо страшнее самого наказания, поэтому сделал всё для того, чтобы к тому моменту, как вновь пересечёт порог этого заведения, Миор сам прибежал к нему с признаниями и раскаяниями. В том, что он замешан в недавнем нападении, Бриар был уверен: конечно, заказчиком был не он, но надавив на этого упитанного напуганного человечка, можно было выдать из него много полезной информации. Процессия вышла на улицу, которая встретила людей тишиной и безмятежностью. Безлюдные улицы казались

ещё более широкими, чем днём, когда они были заполнены горожанами и приезжими торговцами. В окружении вооружённой охраны Бриар и Гана прошли изрядное расстояние, затем улицы стали значительно уже и темнее.

— Разве эта дорога ведёт к замку баронов? — поинтересовался Бриар.

— Не волнуйтесь, вам нечего бояться, вы под нашей защитой, — успокоил лейтенант Сьюри, — мы просто сократим здесь наш путь.

— Ну что вы, я уверен, что нахожусь под надёжным протекторатом, — согласился Бриар осторожно, стараясь не привлекать к себе внимания и разглядывая окружение. Два стражника шли впереди и трое замыкали процессию. Все, кроме Сьюри, несли факелы, которые освещали им путь.

— Ой, — воскликнул Бриар и заковылял, осторожно ступая на одну ногу, — у вас здесь что, совсем не подметают? Сьюри, посветите, мне кажется, я наступил на что-то острое!

Лейтенант с недовольным видом забрал факел у одного из воинов, и подойдя к бессмертному воину, наклонился к тому месту, на которое он указывал. Бриар резко взмахнул рукой, обрушивая кулак на затылок лейтенанта.

— Гана, беги! Это ловушка, — закричал он, нанося второй рукой удар в висок Сьюри, который с грохотом упал на мостовую.

Девушка среагировала очень быстро и с наскока толкнула одного из впереди идущих воинов, тот налетел на своего напарника, увлекая его за собой на мостовую. Гана побежала вперёд, она не размышляла на тему, стоит ли помогать в схватке Бриару, девушка привыкла выполнять его указания. Раз он так велел, значит у него были на то причины. Она не оглядывалась назад, просто бежала, стараясь не споткнуться в полумраке о какой-нибудь камень. Позади слышались крики и звон клинков. Бессмертный воин умел за себя постоять, а по-другому просто и не могло быть. Дорога не имела каких-либо поворотов или перекрёстков, она вела девушку только вперёд. Вскоре она заметила, что её путь заканчивается тупиком. Абсолютно тёмным и мрачным. Девушка сбавила скорость и перешла на шаг, в этот момент из тени навстречу ей вышли три человека. Их лица скрывали такие же платки, как и у недавнего гостя, чей неожиданный визит прервал купание юной леди. Это была ловушка. Ждать помощи ей было не от кого. Бриар сражался сзади с ряжеными самозванцами, Риот неизвестно где преследовал ночного гостя, и похоже местная стража, в эти места старалась не ходить. Девушка обнажила саблю и приготовилась защищать свою жизнь.

Глава 24. Кровь на крепостных стенах

Вражеские воины медленно продвигались по перекинутым на стену мостикам. Защитники Лорель пока сдерживали их ударами копий и выстрелами из луков. Поверженные противники падали вниз, но их место тут же занимали новые. Нападавших было слишком много, и на помощь им уже мчалась кавалерия. Первый ряд огненноголовых закрывался большими квадратными щитами, которые были почти в человеческий рост. Следовавшие за ними воины стреляли из луков и метали короткие дротики. Атакующие с правой штурмовой башни уже прорывались через мерлоны. Ещё немного, и людской поток будет невозможно остановить.

Защитники крепости в этом месте потеряли своё преимущество и пятились назад, ища спасения за своими щитами. Несколько дротиков достигли своих целей, попадая в незащищённые части тел. Строй обороняющих Лорель начал распадаться, но в этот момент передседающим врагом выросла гора из мускулов, покрытых металлической бронёй. Гершгаф в боевых доспехах выглядел очень устрашающе, словно один из демонов, вырвавшихся из древних легенд. В руках он сжимал огромный кузнечный молот, который и обрушил наседающего противника. От его удара нельзя было укрыться за щитами, он был такой силы, что опрокидывал огненноголовых, сбрасывая их с мостика в стороны. Он быстро разметал первые два ряда атакующих врагов, но им на помощь спешили новые воины, которые, впрочем, уже торопились не так сильно, как их предшественники. На великана обрушился ливень из дротиков и стрел, которые скользили по его броне, отлетая в стороны и не причиняя ему никакого вреда. Когда новая волна атакующих почти добралась до самого края мостика и была готова ворваться в крепость, Гершгаф сделал шаг вперёд, упёрся молотом в край помоста, перекинутого из штурмовой башни, и начал поднимать его вверх. Нападавшие воины, теряя равновесие, кубарем покатались вниз, а великан резко прекратил свои мышечные усилия, деревянный настил рухнул на мерлоны, сбрасывая вниз несколько нападавших, один из них в последний момент успел зацепиться руками, но подоспевший защитник крепости через бойницу вонзил своё копьё в его незащищённый бок. Прорыв на этом участке был остановлен, а на остальных направлениях обороняющиеся пока справлялись со своей задачей. Снизу воины начали карабкаться на стены с помощью приставных лестниц и верёвок с крюками. Каждый по-своему пытался взобраться на неприступную вершину, которая ещё ни разу не покорялась жителям западной части континента. Сегодня они были близки к тому, чтобы, наконец, сделать то, что не удавалось их предкам.

Штурмовые башни второго эшелона уже добрались до Лорель, а их воины через несколько мгновений бросятся на штурм. Кавалерийские резервы преодолели половину своего пути. Вдали готовились новые пешие отряды, которые могли держать быстрый темп наступления, ведь защитникам было не до них: они еле сдерживали первую атакующую волну. Даже зеролуды уверовали в близкую победу и начали движение в своём лагере, облачаясь в доспехи и настраиваясь на битву. Похоже, что исход битвы был решён. Первые группы всадников из резерва начали сбавлять скорость для того, чтобы спешиться и прийти на помощь своим братьям по оружию. И в этот момент со скал по ним открыли перекрестный огонь из луков. Это было настолько неожиданно, что солдаты не понимали,

отчего падают их скакуны и товарищи. О передние ряды мертвых коней и ящериц спотыкались те, кто скакал сзади, они падали, ломая своим наездникам шеи или просто сбрасывая их на скорости с себя. Такие падения причиняли серьёзные травмы, и лишь немногие счастливчики вскакивали на ноги и бежали к крепости, а только самые сообразительные пытались укрыться от смерти за трупами животных. Некоторые воины пытались повернуть в сторону, но с ними сталкивались другие наездники, внося в общую обстановку ещё больше хаоса. Эта кипящая каша из живых и мёртвых существ металась в панике, давя друг друга и сбивая наездников из седел. Кинувшиеся было вперёд из лагеря пешие отряды, заметив изменение обстановки, умерили свой пыл и сбавили шаг. Тем временем все штурмовые башни добрались до стены. Одна из них встала напротив ворот, её нижнюю переднюю стенку сбросили на землю, освобождая место для тарана, который воины тут же подхватили и начали методично бить им по преграде. Многие кони и ящерицы без своих седоков в паническом ужасе мчались от стен крепости назад в лагерь. Вскоре это неуправляемое стадо врзалось в пешие ряды наступавших резервов, сбивая их с ног и рассеивая по полю. Через пару мгновений вся эта масса людей и животных хаотично разбежалась в стороны. Стрелки, находившиеся в туннелях, созданных в скалах и стрелявшие через бойницы, сосредоточились на тех, кто осаждал крепость. Части из них пришлось развернуться в сторону новой угрозы и укрыться за щитами, что сбавило темп наступления, ведь карабкавшиеся по лестницам солдаты были лёгкой мишенью для стрелков.

Бойуже кипелна городской стене. Одной из первых в Лорель ворвалась свирепая огненноголовая девушка, смело кидавшаяся на врагов и орудовавшая двумя топорами. Её лицо было расписано древними рунами, а за спиной, на небольшом флагштоке, был укреплен штандарт клана Кирей. Рядом с ней постоянно находились два воина со щитами, готовые в любой момент прийти ей на помощь или прикрыть от стрел. По отсутствию на голове шлема было видно, что она презирала опасность. Каждое движение её головы сопровождалось раскачиванием её волос, заплетённых в многочисленные косички. Вразгаре сражения они казались змеями на голове бесстрашной воительницы. Нападающие понемногу теснили защитников к двум мостам, которые вели к стене второй линии. Она была гораздо выше, поэтому наступавшим приходилось идти в гору, а у отступавших солдат была более выгодная возвышенная позиция. Но сейчас мосты были подняты, а нападавшим не хватало усилий, чтобы сбросить оцетинившийся копьями строй защитников Лорель в пропасть. Невзирая на то что бой шёл уже на подступах к двум башням, баллисты продолжали метать свои смертоносные снаряды, внося ещё больше хаоса в ряды пешего резерва, который начал отступать. Ситуация была патовой. Защитникам не хватало людей, а нападавшие войска лишились своего резерва, бывшего таким необходим для решительного удара. Рукопашная на стене пока не приносила успеха ни одной из сторон. И в этот момент в ущелье вошли отряды зверолодов.

Капитан Каракка безостановочно орудовал своим мечом, казалось, что он совершенно не знает усталости. Разя врагов одного за другим, он поднимал боевой дух своих воинов. Две группы подчинённых ему людей были вытеснены от мерлонов, они сгрудились у двух мостов, ведущих ко второй стене, и стояли насмерть, отбивая атаку за атакой. Его дальновидное решение добывать камни на строительство в скалах и оборудовать там два туннеля с бойницами сегодня сильно помогло защитникам. Если бы только у них было больше людей, они могли бы нанести противнику сокрушительный удар, но силы были

слишком неравны. Тем временем огромные камни, которые метали баллисты нападавших с завидной частотой, стали попадать в башни с катапультами. Видимо, атакующим силам удалось прийти в себя и подкатить свои метательные машины ближе. Зверолюды выдвинулись к крепости, а отступавшим пешим отрядам людей и огненноголовых удалось реорганизовать свои силы и вновь пойти на штурм. В сложившейся ситуации нужно было срочно отходить ко второй линии обороны. Каракка отступил назад, и его воины сомкнули за ним щиты, укрывая своего командира. Капитан взял медный рог, что висел на его поясе, и протрубил сигнал к отступлению. Стрелки, что находились в туннелях вдоль скал, побежали назад. Согласно плану, теперь им нужно было как можно скорее добежать до выхода, который открывался за второй стеной, и занять там свои места для того, чтобы прикрыть отход основных сил. Защитники крепости постепенно оттеснялись от мерлонов силами врага. Они разделились на два отряда, которые пятились к виадукам, ведущим ко второй линии обороны. Во главе вооружённых групп стояли Герштафф и Каракка. Не испытывая давления от стрелков, которые уже ушли со своих позиций в скалах, всем, кто находился под стенами, не нужно было больше прятаться от их выстрелов, и они вновь начали восхождение наверх. Чувствуя переломный момент, нападающие ринулись в яростную атаку, надеясь на плечах защитников ворваться на вторую линию укреплений, но те ошетились копьями и отбили несколько наступательных порывов. Отходить дальше было некуда: позади людей зияла пропасть, которыми заканчивались виадуки. Подвесные мосты, которые выполняли и функцию ворот во второй линии обороны, были подняты. Капитан лично, велел своим людям в случае опасности не опускать их. Это стимулировало солдат идти в бой и делало невозможным бегство. Подобные экстремальные способы управления войсками не раз помогали капитану побеждать панику в рядах своих бойцов. В данный момент шанс, что силы Гангенов прорвутся, был велик. Командовавшая штурмовым отрядом огненноголовая девчонка, понимая, что это прекрасный шанс сбросить остатки гарнизона вниз, призывала своих людей к решительному броску. Время стремительно утекало, делая положение защищавшейся стороны всё хуже и хуже. Резервы нападавших с каждой минутой приближались к крепостным стенам. Если им удастся взобраться наверх, это станет концом для горстки людей, стоявшей на краю пропасти.

— Сомкнуть ряды! — закричал капитан своим людям и бросил взгляд на стену сзади. Почему они медлили? Может быть они забыли о тщательно проработанном плане? Через несколько томительных секунд, казавшихся вечностью, Каракка увидел взметнувшийся над мерлонами второй линии обороны красный флаг. Это означало, что стрелки перебрались из туннелей на стены и были готовы прикрыть отступление своих товарищей. Капитан затрубил в рог условный сигнал, после чего ворота-мосты медленно поползли вниз.

Его отряд испытывал давление со стороны нападавших и давно был оттеснён от стены, он находился в худшем положении, чем группа защитников крепости у противоположной пропасти. Боковым зрением капитан заметил, что второй отряд только сейчас начал отступать от мерлонов, а попытки нападений на них временно приостановились. Новые вражеские резервы, что забирались на этом участке стены, тут же упирались в своих союзников, которые, прикрываясь щитами, пятились назад. Причиной этому был Герштафф со своим чудным арбалетом. Ворота на противоположном мосту были уже опущены, и отряд отходил внутрь второй линии защитных сооружений Лорель. Вспомнив о подарке великана, капитан достал своё оружие и сделал первый выстрел. С пяти шагов он через щит пробил огненноголового воина насквозь, и болт воткнулся шедшему за ним солдату в шею. Каракка

до этого не испытывал свой арбалет в бою и был поражён его эффективностью. Он быстро отстрелял все заряды, сея смерть и панику в рядах противника. Быстро сменив внутри механического арбалета коробочку с болтами, он сделал ещё несколько прицельных выстрелов, заставляя врагов отступить. Мост начал медленно опускаться, и каждая секунда в этот момент казалась ему вечностью. Понимая, что от оружия страшной силы ничто не спасает, нападавшие воины решили позволить отряду отступить. Люди капитана, медленно пятясь, приближались к заветным воротам, но лишь потому, что враги прекратили свои попытки преследования.

Огненноголовая девчонка выглядывала из-за щитов воинов первого ряда, тяжело дыша и улыбаясь. Она была счастлива. Первый рубеж Лорель взял именно её отряд. Теперь её имя войдёт в историю клана, торопиться дальше не было смысла. Нужно было сберечь людей для дальнейшего наступления. Вскоре со второй линии обороны через головы отступающих пролетели первые стрелы. Это лучники, наконец, решили предостеречь силы нападавших от попыток преследования. Командиры атакующей стороны приняли решение не рисковать и, прижав плотно щиты, укрылись за ними от дождя из стрел. Через пару минут последний отряд защитников Лорель скрылся за стенами, а ворота перед ними поднялись вверх, снова создавая на мосту непреодолимый обрыв, упирившийся своей бездной во вторую крепостную стену. Наступила передышка, которая давала возможность обеим сторонам реорганизовать свои силы, помочь раненым и подготовиться к следующему этапу сражения.

Лондаик услышав сигнал Каракки, приказал своим воинам отступать. Уничтожить баллисты, чтобы они не достались врагу, не было возможности, и это было единственным, о чём сейчас сожалел лейтенант. Вражеские заряды стали один за другим попадать в башни, но пока они не причинили особого ущерба. Воины быстро покинули свои посты и начали спускаться по лестнице, которая вела во внутренний двор. Чтобы почувствовать себя в относительной безопасности, им нужно было пересечь его и скрыться за большими воротами, которые в мирное время служили для транспортировки товаров. Лондаик ждал, когда его воины покинут башню, как командир он должен был покидать позицию последним. Рядом с ним до сих пор оставался Притт.

— Ты всё ещё здесь!?! — прикрикнул на него лейтенант, — ты слышал приказ? Бегом отсюда!

— А я чего, я же тут, с вами! Помогаю... — начал оправдываться мальчуган.

В этот момент заряд одной из вражеских катапульти попал в баллисту на башне. Деревянная основа с хрустом треснула, разбрасывая осколки в разные стороны. Острый обломок балки отлетел в сторону и, войдя в живот Лондайку, вышел из его спины. Человек пошатнулся, сделал несколько неуверенных шагов и завалился на бок. Жизненные силы покидали лейтенанта. Перед ним лежал мальчишка. Ему в голову попал осколок камня, но огромный шлем, смешно выглядевший на Притте, принял основной удар на себя. Лондаик сейчас думал лишь об одном: ему было жаль, что он разрешил этому смышлённому мальчугану находиться возле себя. Он несколько раз моргнул, но каждый раз становилось всё тяжелее и тяжелее открывать веки. На баллистмейстера навалилась смертельная усталость и, подчиняясь её давлению, он больше не открыл глаз.

Глава 25. Волчья жизнь

У каждого в жизни наступал хотя бы раз момент, когда он думал о безысходности. Она бывает разной, и это зависит от многого. Босоногий мальчишка может неудачно закинуть удочку, зацепить крюком за корягу и в стремлении не потерять крючок, он до последнего момента будет бороться с подводным препятствием. Он будет тянуть изо всех сил, то усиливая, то ослабевая нажим, пока не поймет, что у него есть лишь два выхода: бросить удочку или сохранить её, но потерять крючок. Крестьянин в голодный год стоит перед выбором оставить семена для посева или сварить из них похлёбку для голодающей семьи. Надежда всегда живёт в наших сердцах и управляет мыслями, но безысходность расставляет всё по местам. В такие моменты может спасти только настоящее чудо или магия матери Луны. Нил понимал, что на него смотрели не собачьи глаза, это сама смерть заглядывала в его душу. Зверолоуд атаковал в прыжке, и юноша готовился встретить его ударом палки. Мелькнула белая молния, импровизированное оружие просвистело в воздухе, никого не задев. Парень увидел, как на землю упало мёртвое тело нападавшего пса. Нежданное спасение пришло в виде огромного белого волка, который, убив первого из Рокканов, тут же прыгнул в сторону оставшихся троих. Несмотря на своё преимущество в размерах волку пришлось выступить против сил, превосходивших его количеством. Даже опытные рыцари верхом на боевых конях иногда проигрывали простым крестьянам, не имевших другого выбора, кроме сражения, когда они брали не умением, а числом. Нилус застыл на месте, наблюдая за схваткой зверей. Несколько мгновений назад, стоя с палкой в руках и готовый умереть, сейчас он выглядел растерянно. Он не знал, как может помочь своему незваному спасителю. Не привыкший бездействовать, парень был вынужден просто смотреть на яростную смертельную схватку, развернувшуюся перед ним, и не понимал, как он до этого мог побеждать таких опасных противников. Нилу казалось, что он стал маленьким, словно сухой листочек, который легко может унести даже слабый ветерок. Юноша за последние дни провёл множество поединков, из которых ему удавалось выходить победителем, хотя совсем недавно он вёл вполне себе обычную жизнь. Да, ему иногда везло, иногда ему приходили на помощь, но он всегда верил в свои силы и остроту своего клинка. Но стоило только потерять меч, и Нил на несколько мгновений снова превратился в обычного деревенского мальчишку, несколько дней назад бегавшего от селения к селению, доставлявшего послания и выполнявшего мелкие поручения.

Псы атаковали волка с нескольких сторон, стараясь вцепиться кто в лапу, а кто в шею. Они действовали слаженно, и было видно, что они не первый раз нападают, имея численное превосходство. На этот раз их тактика дала сбой, и не потому, что она была плохая. Просто их противник был быстрее, сильнее и больше. Белый волк убрал переднюю лапу за мгновение до того, как на ней должна была сомкнуться челюсть неприятеля, оттолкнувшись от земли, он поменял вектор движения, и, не ожидая этого, ещё один противник пролетел мимо, а промахнувшийся Роккан, целивший в горло врага, тут же был перехвачен огромными клыками. Смертельно раненый упал, забился в агонии и захрипел: у него была порвана артерия и трахея, из которых, пузырясь с лихим свистом, выходил воздух вперемишку с кровью. Пёс задыхался и умирал, не представляя больше опасности. Новый союзник людей остался один против двух противников. События менялись со стремительной скоростью. У

псов не было больше других вариантов, кроме как драться. Убежать они бы попросту не смогли, волк, догнав их поодиночке, быстро бы прикончил каждого. Противостоять ему в схватке — это был достойный вариант, но и он давал мало шансов на выживание, хотя таким образом последние из Рокканов хотя бы могли бороться за свои жизни. Надежда ещё пульсировала в их мыслях, но безнадежность уже овладела их телами. одному из псов удалось схватить волка за заднюю лапу, частично лишая его подвижности, этим преимуществом попытался воспользоваться его сородич, но был опрокинут ударом передних лап, после чего упал, открывая живот. Он хотел тут же вскочить, но мощные зубы впились в его брюхо, разрывая внутренности и вытягивая наружу кишки. Всё это происходило очень быстро. Собрав всю свою силу, Нил поборол свой внезапный ступор и, сделав два шага, со всего размаха опустил свою палку на загривок оставшейся собаке. Та взвизгнула и от неожиданности отпустила из пасти свою добычу, чем тут же воспользовался белый волк, в считанные секунды расправившись с последним врагом.

Всё было кончено. Как ни в чём не бывало, зверь сел и принялся зализывать свою рану. Нилус понимал, что волк не причинит ему вреда, подошёл к нему совсем близко и протянул руку. Его спаситель прекратил своё занятие и потянулся к нему мордой. Ладонь легла на мягкую шерсть, несколько мгновений юноша и зверь простояли так, словно знакомясь, затем волк резко вскочил на все четыре лапы, повёл носом и отбежал на приличное расстояние, присев на новом месте, словно подзывая своего нового друга. Нил приблизился и с удивлением обнаружил в траве свой меч.

— Спасибо! — удивлённо и восторженно воскликнул парень, поднимая находку и вкладывая оружие в ножны.

Волк ещё несколько секунд посмотрел на юношу своими большими голубыми глазами и, наострив уши, словно что-то услышав, резко встрепенулся и повернул морду в сторону, после чего резко стартовал со своего места и скрылся в ближайших кустах.

— Постой, — окрикнул его Нил, но зверь уже скрылся в темноте за листвой.

— Нил, с кем это-то там стоишь?

— Это был волк?

Послышались родные голоса, парень, на подкашивающихся ногах побежал к месту крушения повозки.

— Все целы? — спросил он.

— Да!

Его окружили дети, Лотта и Радобор.

— Ты победил всех собак?! — восхищались мальчишки.

— Нет, это не я, — честно сознался Нилус, — я уже прощался с жизнью, потому что остался без оружия против четверых противников, но тут из леса выскочил огромный белый волк и моментально расправился со всеми врагами.

Дети слушали краткий пересказ недавних событий, раскрыв рты, и наверняка по детской привычке постоянно кормить своё любопытство забросали бы Нила вопросами, но тут своё веское слово высказал Радобор.

— Все вопросы завтра, а сейчас марш всем в повозку устраиваться на ночлег. Я соберу немного хвороста, разожгу костёр и покараулю эту ночь.

— Радобор, тебе нужен отдых, — возразил юноша, — ты и так последнее время постоянно дежурил по ночам.

— Не спорь со мной, сынок, — уверенно остановил красноречие Нила старик, — я тут

старший, а потому повелеваю всем хорошенько отдохнуть!

— А куда подевался наш новый знакомый Донис? — вдруг спохватилась Зара, поняв, что кого-то не хватает.

— Не знаю, в лес убежал, — безразлично ответил Нил.

Дети уже видели свой третий сон, а старик и юноша сидели у костра, изредка подкармливая его хворостом. Огонь дарил тепло и приятно потрескивал, разбрасывая в стороны искры. Внезапно со стороны леса послушался хруст веток, затем он повторился, но чуть ближе. Юноша насторожился и схватился за рукоять меча, мало ли кто мог прогуливаться здесь ночью. Может быть, кто-то из Рокканов выжил и сейчас добрался до стоянки людей, выжидая момент для нападения? Опасения Нила не оправдались: вскоре на свет выбрался Адонис, прихрамывая на одну ногу. Он молча сел рядом, обхватив колени руками, и уставился на огонь.

— Это был ты? — спросил Нил пришедшего.

— Ты о чём? — притворился, что не понял вопроса Адонис.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю. Твои волосы бледны, глаза голубые, и я уверен, что хромаешь ты не просто так: если закатать штанину, я увижу там следы от собачьей хватки.

— Это был я, — сознался парень, понимая, что отпираться дальше было бессмысленно.

— А чего ты сразу не сознался? — вспыхнул Нил.

— Как ты себе это представляешь? — уверенно ответил на возражение Адонис, — здравствуйте, я зверолод? Так, что ли? Тем более у нас особо не было времени на знакомство, да и ты слегка напугал меня своей накидкой.

Нил провёл рукой по своей одежде, которая в последнее время так привлекала внимание.

— А что с ней не так?

— У моего народа так принято показывать свой статус, мы делаем одежду из шкур поверженных врагов, — объяснил зверолод, — я думал, ты знал об этом, раз носишь такой наряд.

— Нет, мне его Лотта сшила, я даже и не подозревал о таком значении, — честно сознался Нил, понимая теперь причину агрессивной реакции Ирги, когда она впервые встретила юношу у бани в лесном убежище.

— Не одолжишь мне свой меч? — Адонис удивил человека такой странной просьбой, — мне ненадолго.

Нил подумал, что если бы этот зверолод и хотел убить его, то давно бы это сделал. И совершил бы это с помощью своих клыков. Но он совсем недавно в образе волка помог найти потерянное оружие и был обязан Нилусу жизнью. Впрочем, он уже оплатил этот счёт. Юноша медленно начал обнажать меч и замер в раздумьях.

— Воин никогда не отдаст свой меч другому, — поделился мудростью до этого молчавший и погружённый в свои мысли старик. Он полулежал на нескольких тюках, подперев голову одной рукой, и безмятежно смотрел на костер. Во второй руке он держал свою трубку, изредка поднося её к губам, — вот возьми мой нож.

— Спасибо, — Адонис скромно подошёл к Радобору и неумело вложил в ладонь протянутое ему оружие. Покрутив его в руках, он попробовал остроту пальцем, видимо, порезавшись, чертыхнулся и отправился в сторону недавней битвы.

— Я видел, как ты стрелял из этой штуки, — подождав, когда их новый знакомый скроется в темноте, Нил решил получить пару ответов на давно мучавшие его вопросы.

— Жизнь научила меня всегда быть готовым к неожиданностям, поэтому для таких случаев у меня должен быть весомый аргумент. Безобидный старик с трубкой в руке вызовет меньше опасений, чем старец с топором.

— Ты просто делаешь вид, что вдыхаешь аромат трав?

— Вовсе нет, — Радобор наконец-то оторвал взгляд от гипнотической пляски огня, — моя трубка всегда заряжена дротиком, он пропитан соками из смеси трав. Для обычных людей это яд, для меня — единственная возможность хоть ненадолго продлить свою жизнь.

Нил не был готов к такому повороту событий. В последнее время судьба усиленными темпами старалась его удивить и испытать. В разговоре повисла пауза, словно старик ожидал от Нила новых вопросов, не торопясь рассказывать ему свою историю.

— Ты болен? — наконец осмелился выдвинуть предположение юноша.

— Можно и так сказать, — рассмеялся старик, — дело в том, что я в какой-то степени сын Луны.

Такого ответа Нил не ожидал и хотел уже было забросать Радобора вопросами, начавшими тут же распирают любопытство юноши, но к костру из темноты подошёл Адонис. В одной руке он сжимал нож, а в другой — четыре отрезанных собачьих хвоста.

— Кто-нибудь из вас умеет сдирать шкуры? — было видно, что Адонис пересиливал себя, прося о такой помощи.

— Ты разве не спускал шкуры со своих врагов ранее, ты же говорил, у вас так принято, — Нил был удивлён этой традиции звероловов. Она казалась ему странной, как если бы после победы над соперником люди срезали с поверженных врагов уши или волосы.

— Я никогда ранее не сражался с сородичами, — зверолод говорил совсем тихо, — вернее, не побеждал в схватках до смерти.

— Конечно. Пойдём, я научу тебя, — поднялся со своего места старик, оставляя Нила наедине со своими вопросами, которые так и остались без ответа. — А утром попросим Лотту, и она сошьёт тебе накидку, она в этом деле настоящая мастерица.

Глава 26. Тайна тёмных улиц

Бриар давно потерял счёт своим поединкам. Когда-то в начале своего бессмертного пути он пытался запоминать свои победы, но потом понял, что это бессмысленное занятие, потому что забирать чужие жизни было для него так же естественно, как дышать. Это было частью его существования. Люди рождались и умирали, а их судьбы были лишь секундами на часах судьбы Бриара. Он помнил свои тщетные попытки оставлять на своём предплечье шрамы, каждый из которых означал бы поверженного врага. Но все раны быстро затягивались, не оставляя и намёков на повреждения. Сейчас, сражаясь с четырьмя лже-стражниками, бессмертный воин уже знал все их возможные атаки и свои контрвыпады. Подобное уже происходило в его жизни, неизменно возвращаясь к нему как надоедливое дежавю. Он отразил удар, пропуская противника вперёд, уходя за его спину. Следующий убийца пытался тут же атаковать, но Бриар пропустил его, легко увернувшись, и тот, потеряв равновесие, начал падать на одного из своих подручных. Продолжая своё движение, словно элемент давно изученного танца, бессмертный воин уклонился от удара и пронзил атаковавшего последним убийцу. Быстро развернувшись, он отразил два удара врага, успевшего развернуться для повторной атаки. Поднырнул ему под руку, и быстрым движением достав из сапога недавно найденный в комнате Ганы кинжал, вонзил его в плоть противника по самую рукоятку. Он так и оставил стоять врага, моментально повернувшись к парочке, что барахталась на мостовой. Бриар знал, что убийца с кинжалом в груди уже не опасен, отточенное за жизнь движение отправило лезвие прямо в сердце. Он быстро атаковал размашистыми ударами оставшихся противников, не давая им возможности встать и заставляя их защищаться лёжа. Вскоре с ними было покончено. Бриар подошёл к до сих пор стоявшему мёртвому противнику и вынул из него кинжал, после чего тело рухнуло на землю. Бессмертный воин медленно повернулся и склонился над бесчувственным лже-лейтенантом, которого он лишил сознания своими кулаками в самом начале драки. Ему показалось, что тот не дышит, и он уже начал сожалеть о том, что так сильно приложился к его голове. Воин вытер кровь со своего оружия о плащ Сьюри и заметил, что грудь того медленно вздымалась, значит он был жив. Спрятав меч в ножны, он покрутил в руках кинжал, ещё раз убедившись в том, как же приятно было его держать. Бриар прислонил его к горлу лейтенанта и начал бить его по щекам, вскоре это возымело действие, и тот пришёл в себя. Сьюри не понимал, что происходит и кто загоразживает ему свет Луны. Но вскоре память его прояснилась, он попытался встать, но лишь слегка порезал себе шею о приставленное к ней лезвие.

— Говори, кто тебя нанял и какую цель вы преследовали? — начал свой допрос Бриар.

— Тебе не сойдёт это с рук, — продолжал отыгрывать свою роль Сьюри, до последнего пытаясь выйти победителем из сложившейся ситуации, — ты напал на городскую стражу!

— Вы неаккуратно убили стражников, когда пытались завладеть их одеждой. У двоих твоих людей виднелись следы от ударов, а одежда была запачкана кровью, — начал своё разоблачение бессмертный воин, — это были те два парня, что не входили в помещение харчевни. Ты думал, что по дороге в темноте я не смогу разглядеть этого? К тому же к замку Баронов ведёт всего одна дорога, я лично знал человека, проектировавшего Жандаль. Крепость строили на моих глазах.

— Но это значит, что ты... — Сьюри понял, какую ошибку он допустил, его глаза округлились от удивления, — ты — Бриар?

— Да, меня зовут именно так, и я повторяю вопрос. Кто тебя нанял, какую...

Воин не успел договорить. Его пленник быстро схватил Бриара за руку и нанизал своё горло на лезвие кинжала. Брызнула кровь, захлёбываясь ею, умирающий Сьюри пытался смеяться.

— Это было глупо, — Бриар поднялся, — я бы оставил тебя в живых.

— Но тогда меня убили бы свои, — булькая кровью, тихо промолвил лже-лейтенант и замер, уставившись мёртвыми глазами в небо.

Бриар быстро обыскал труп, пытаясь найти какую-нибудь зацепку, которая могла вывести его на след человека, оплатившего услуги этих головорезов, но смог найти лишь кошелёк, туго набитый монетами. Видимо, это был задаток за работу. Он забрал его, справедливо полагая, что деньги мертвецам не нужны, а раз они были заплачены за его голову, то являются его по праву.

Как и рассчитывал воин, своих противников он одолел быстро. Бриар не хотел, чтобы с Ганой что-нибудь случилось и её ранил какой-нибудь случайный выпад противников, поэтому приказал девушке бежать. Таким образом он имел возможность быстро и спокойно расправиться со всеми своими врагами, не отвлекаясь на защиту девчонки. Бриар помнил, что эта улица была тупиковой и через сотню шагов закончится стеной. Каково же было его удивление, когда в конце улицы он не нашёл никаких следов девушки, словно она и не пробегала здесь. Воин впервые за долгие годы начал корить себя за неправильный выбор. Ему была доверена большая ответственность, а он совершил ошибку, которая, возможно, скажется на будущем его мира. Всего мира. Осмотрев округу, он не нашёл никаких зацепок, которые могли бы помочь ему в поисках Ганы. Раз девушку схватили, значит она была нужна похитителям живой, а это давало Бриару небольшой запас времени для того, чтобы напасть на след. Он вспомнил о хозяине харчевни и, развернувшись, быстрым шагом направился назад.

У входа в постоялый двор Бриар столкнулся с Риотом. Они одновременно подошли к зданию, встретившись на перекрёстке. Гвардеец выглядел злым и уставшим. Оставшиеся до заветной двери пятьдесят шагов друзья скоротали в короткой беседе.

— Где Гана? — спросил Риот.

— Её похитили... — коротко пояснил Бриар, — это была тщательно продуманная засада, все детали расскажу позже. Как я понимаю, ночного гостя ты упустил.

— Он очень прыткий, — Риот не умел и не любил оправдываться, поэтому получалось это у него грубо и неестественно, — этот парень очень ловкий, сильный и задорный. Обычно среди «Чёрных платков» я таких не встречал. В основном там более простые и угрюмые персонажи. Если, конечно, это не кто-то из самых верхов.

— С чего ты взял, что он один из них?

«Чёрные платки» — единственный клан наёмных убийц и шпионов, славившийся своей жёсткой иерархией и отменной организацией. Когда-то давно это была одна семья, связанная кровными узами, но со временем они стали принимать в свои ряды профессионалов со стороны. Высокородные частенько нуждались в грязных услугах, которые не могли выполнять их собственные люди, поэтому грязное ремесло полувоенной тайной организации всегда было в цене. За годы своего существования «Чёрные платки»

успели создать разветвлённую сеть по обе стороны континента, проникая через Лорель под видом купцов или охраны караванов. Бриару приходилось сталкиваться с их убийцами несколько раз, и пока счёт неизменно был в его пользу.

— Он настоящий профессионал, — пояснил Риот свои предположения, — мне кажется, что своим делом он занимается не из-за денег, а ради поиска острых ощущений. К тому же он местный, уж слишком хорошо он знает здешние крыши. И по ним он не бегаёт, а летает, словно с самого детства знает каждый выступ и расстояние между постройками.

— Раз мы не предполагаем, где нам можно найти ночного гостя, значит нам нужно сейчас хорошенько тряхнуть Миора — хозяина харчевни где мы сняли комнаты. Я успел познакомиться с его виноватым взглядом и уверен, что он сможет указать нам верное направление для поисков. А возможно он даже знаком с нашим визитёром, исполнителей такого высокого уровня не так много в Жандаль. Те, с кем мне пришлось только что встретиться, были явно наняты как расходный материал. Им нужно было лишь отвлечь меня.

— Ночью крепостные ворота закрыты, и ни у кого нет возможности покидать город, значит у нас есть время до утра, чтобы найти Гану, — подытожил Риот.

Воины добрались до постоялого двора, где накануне снимали для себя три комнаты. Обычно харчевни в Жандаль были открыты круглосуточно и не знали недостатка в посетителях. У кого не находилось денег на ночлег в комнате, могли заказать себе выпивку и ждать утра в общем зале. Заведения, подобные этому, всегда имели клиентов, а по ночам здесь было шумно до самого утра. Как только дверь открылась и воины шагнули внутрь помещения, хозяин, словно ожидавший этого момента и всё время не спускавший своего взгляда со входа, закричал: «Тот, кто остановит этих господ, будет иметь право останавливаться в одной из комнат бесплатно, когда ему этого захочется!».

А чтобы до посетителей, большинство которых было навеселе, сказанное дошло быстрее, указал пальцем на вошедших воинов.

— И выпивка сегодня будет всем бесплатно! Только остановите их! — закончил своё щедрое предложение хозяин.

Это возымело нужный эффект: сразу несколько человек сорвались со своих мест. Какой-то оборванец, сидевший у самой двери, схватив у своего соседа огромную глиняную кружку в качестве оружия, замахнувшись ею, попытался ударить Риота, но воин как от мухи, непринуждённо отмахнулся от оппонента, мгновенно отправив того в беспамятство.

Бриар ударом ноги в грудь остановил человека, который пытался броситься на него со скамейки. Тот отлетел назад, падая навзничь и переворачивая крепкий деревянный стол. Формулировка «остановите их», которую часто использовали в крупных городах и значных заведениях, означала «убейте их», но в случае, если тело не успевали спрятать и приходила стража, у служителей закона не было формальных претензий к тем, кто отдавал эту команду. Одним заезжим больше — одним меньше, никто и не заметит. Ещё два человека практически синхронно отлетели в стороны, сметая своими телами со столов еду и посуду. Бриар и Риот пока даже не доставали оружие, это была не первая подобная драка в их жизни. В толпе блеснули ножи. Сотни лет, проведённые в сожалении о своём давнем поступке, который остановил биение двух родных для Бриара сердец, навсегда изменили его. Бессмертный воин знал, что вдвоём со своим другом они без особого труда изрубят всех, кто на них нападёт, но за это время упитанный хозяин, прятаящийся сейчас за деревянной стойкой, мог сбежать. Нужно было остановить бессмысленное кровопролитие.

— Вы ослепли? — властным голосом громко произнёс Бриар, — вы готовы за

бесплатную выпивку потерять свою жизнь?! Вы разучились читать гербы? Или вы забыли, как выглядит герб Гвардии императора?! Два скрещённых меча на фоне матери Луны вам ничего не говорят? Если у кого-то проблемы с памятью, то я могу вам её освежить, но геральдический рисунок станет последним, что вы запомните в своей жизни!

Речь воина возымела действие. Толпа в нерешительности остановилась, мужчины переглядывались, не торопясь бросаться в атаку. Связываться с детьми Луны, а в гвардию обычным людям было попасть невозможно, никому не хотелось.

— Мы не хотим никого убивать, но с лёгкостью можем достать свои мечи и посмотреть, какого цвета кровь у тех, кто торопится покинуть этот мир, — продолжал свою тираду Бриар, — я уверен, что каждому из вас гораздо приятнее сидеть и продолжать наслаждаться своими напитками, дожидаясь, когда утро постучится в городские ворота, чем встречать его мёртвым в выгребной яме.

Посетители харчевни переминались с ноги на ногу, сомневаясь, стоит ли продолжать драку. Несмотря на численное превосходство толпа проходимцев понимала, что одолеть двух гвардейцев будет непросто. Видя, что ситуация зашла в тупик, хозяин заведения достал кошелёк и потряс им в воздухе.

— Десять золотых тому, кто остановит их!

Ждать дальше не было смысла, конфликт мог разгореться с новой силой, а пухлый трактирщик мог воспользоваться суматохой и улизнуть, поэтому Бриар ответил на этот вызов молниеносно. Он снял с пояса туго набитый кошелёк, недавно обнаруженный у лже-лейтенанта, и развязал тесьму.

— Налетай, народ! Эти деньги ваши! — крикнул бессмертный воин и выбросил монеты на пол.

Золотые со звоном посыпались на грубо отесанные доски, заставляя всех, кто находился в помещении, забыв обо всём, броситься их подбирать. Люди хватали монеты, вырывали деньги друг у друга из рук. Вокруг Бриара и Риота пол закипел от копошащихся на нём тел. Хозяин, понимая, что другого шанса может не быть, кинулся к лестнице, ведущей на второй этаж. Бриар и Риот устремились в погоню, но их задержала людская толпа, которая, словно обезумев от вида такой большой суммы, толкаясь и сбивая друг друга с ног. Они катались по полу, сцепившись словно свора бродячих собак во время дележа случайно найденной кости. Многие начали драться, пытаясь забрать монеты у тех, кто был чуть расторопнее их. Раздав несколько хороших ударов, два императорских гвардейца спешили поскорее миновать это взволнованное людское море, боясь упустить единственного человека, который мог привести их к Гане. Они быстро вбежали на второй этаж, но дверь одного из номеров закрылась буквально перед их носом. Клацнул засов. Риот сделал знак рукой, прося Бриара отойти в сторону, он уже имел сегодня возможность проверить местные засовы на прочность. Разбежавшись, гвардеец ударил в дверь плечом. Она выдержала первый натиск, второй, третий. С четвертым ударом Риот рухнул внутрь комнаты вместе с дверью. Бриар увидел, что упитанный хозяин заведения уже наполовину протиснулся в оконный проём. Воин быстро побежал к беглецу, схватил его за руку и затащил внутрь, швыряя на пол.

— Я всё вам расскажу, клянусь, я тут не при чём. Они сами пришли. У меня не было выбора, — задыхаясь, тараторил испуганный человек.

— Конечно, всё расскажешь, — сказал Бриар, доставая из-за голенища сапога кинжал. Взгляд бессмертного воина не обещал ничего хорошего для пленника.

Глава 27. Последняя надежда Лорель

Двести двадцать девять человек, именно столько воинов сейчас оставалось под командованием капитана. Это всё, что могли противопоставить защитники Лорель атакующей армии. У них появилась небольшая передышка, но она не давала возможности для расслабления. Вторая линия стен была выше первой, уже занятой противником, отсюда предыдущая позиция была как на ладони, чем и пользовались стрелки, загоня врагов под щиты. Лучники периодически отправляли свои стрелы в полёт, не позволяя противнику высунуть нос из-за укрытий, поражая самых неосторожных в незащищённые части тела.

— Без необходимости не стрелять! — в очередной раз напомнил Каракка.

Капитан осознавал, что его люди очень устали, и он также понимал, что основные силы противника скоро будут здесь и долго удерживать Лорель больше не получится, запас сюрпризов у защитников крепости иссяк. Их небольшой гарнизон сметут очень быстро. Каждый человек здесь добровольно взял в руки оружие для того, чтобы дать возможность своим близким убежать от этого места как можно дальше. А капитан в своё время не зря тратил своё время на то, чтобы сделать из простых людей настоящих воинов. Сейчас он понимал, что все практики в воинском искусстве были не напрасны. Среди оставшихся в живых солдат он не заметил Лондайка. Это опечалило Каракку, ведь плечом к плечу с этим баллистмейстером он прошёл долгий жизненный путь. Впрочем, у него не было времени думать о мёртвых. Лорель обязательно почтит память своих героев, а в данный момент нужно было думать о живых. Ворота внешней стены уже трещали и начали прогибаться внутрь. Ещё немного усилий, и они будут сорваны, а неприятель прорвется во двор между крепостными стенами. Тем временем на мерлоны внешней стены уже взбирались первые людоящеры, закованные в крепкую броню. Основные вражеские силы уже подошли для решительного удара. У людей капитана Каракки совсем не оставалось никаких шансов, но спокойствие их командира и горного великана Гершгафа передавалось и им. Каждый воин был готов до конца выполнить свой долг.

Отряд Кенны стоял перед одним из мостов, выстроившись «черепашей». Такое построение защищало воинов от стрел и дротиков со всех сторон. Солдаты были воодушевлены недавней победой и рвались в новый бой. Ворота снизу должны были пасть с минуты на минуту. Девушке хотелось доказать, что она является лучшим командиром западных земель. Именно ей удалось первой поднять штандарт своего клана над Лорель, и если она возьмёт вторую стену, то навеки внесёт своё имя в историю. До этого момента не бывало столь юных командующих, добившихся таких высот. Она была готова отправить своих людей в атаку, когда её похлопал по плечу воин, стоящий сзади.

— Посыльный от Кин Керя, — сухо доложил он.

Девушка стала передвигаться в тыл построения, где, стоя на лестнице, прислонённой к стене, её ждал гонец из лагеря.

— Ваш отец приказывает вам вернуться в лагерь! — чётко отрапортовал он.

— Что? Я почти ворвалась внутрь Лорель! — взбешённо закричала девушка, — мы не можем отступить! Ещё немного, и мои люди будут добивать раненых за той стеной! — она указала рукой с зажатым в ней окровавленным топором за свою спину, — они заслужили

первыми брать себе трофеи в городе!

— Безусловно, ваш отряд был сегодня самым доблестным, но отец приказывает вам срочно явиться к нему, — упрямо повторил посыльный, — Кин Керей велел передать, что гордится своей дочерью, доказавшей сегодня превосходство и отвагу нашего клана. Он велит вам вернуться в лагерь, а остальным воинам входить в город, только когда вторая стена будет занята отрядами союзников.

Стоявшие рядом солдаты, слышавшие этот приказ, зачертыхались. Они были возбуждены сражением и жаждали новой крови, а их только что лишали этой возможности. Князь клана Кирей славился своей осторожностью, за что воины его иногда недолюбливали, но буквально боготворили его не по годам храбрую дочь, всегда сражавшуюся в первых рядах.

— Дин! — крикнула девушка, еле сдерживая свой гнев, подзывая к себе одного из своих телохранителей, чтобы передать ему указания и оставить за старшего, — отойдите от моста и ждите, пока на стену не влезут первые зверолоды.

Девушка решила проявить свой упрямый характер, понимая, что если её лишили победы, то она не имеет права отнимать у своих воинов азарт поединка и заслуженные трофеи. Ведь тот, кто ворвётся в город раньше, имеет больше возможностей овладеть ценными предметами.

— А что делать потом? — невозмутимо спросил Дин, ожидая чётких инструкций.

— С этого момента можете считать, что Лорель захвачен и идти в атаку. Думаю, вы найдёте, чем поживиться с той стороны крепостной стены.

Последнее указание было встречено бодрыми выкриками воинов, которые стояли рядом и слышали разговор своего командира.

Мечты Кенны стремительно рушились, а обида комом подступала к горлу, но она не имела права перед своими людьми показать и намёк на слабость. Сегодня девушка отважно шла в атаку и храбро сражалась, а отец не оценил её стараний. Она чувствовала, что сейчас у неё отняли победу, но знала, что каждый из тех, с кем она стояла в строю, не мог бы упрекнуть её хоть в чём-то.

Сегодня был один из самых счастливых дней для Кин Керея. Почтовый ястреб принёс для него долгожданную весть. Вождь некоторое время не решался снять с его лапы послание, ходил вокруг, смотря на птицу, гордо сидевшую в его шатре и сопровождавшую внимательным взглядом огненногоголового. После этого небольшого ритуала, которым глава клана пытался успокоить свои опасения, Кин Керей углубился в чтение письма из дома. Как только глаза пробежали по первым строчкам, из его горла вырвался крик радости. Подумав, что в шатре что-то случилось, внутрь ворвались охранники. Увидев их всполошённый вид, вождь громко захохотал.

— У меня родился сын! — воскликнул он, — этот день войдёт в историю клана Кирей! Нет, он останется в памяти всех — людей, огненногоголовых и зверолодов — как день нашего величия! Сегодня родился будущий император мира, а его сестра первой подняла штандарт над вражеской крепостью!

Кин Керей был взбудоражен, он давно не чувствовал себя так превосходно, обняв одного стражника, словно своего брата, второго он по-дружески похлопал по плечу. И только после этого он заметил в углу шатра свою дочь.

— Ты молодец! Ты взяла стену! — похвалил он её, — у меня есть отличная новость, у

тебя появился брат! Теперь можешь идти и отдохнуть.

Кин провёл рукой по лицу дочери, на котором нарисованные руны были частично скрыты под разводами засохшей крови, и вышел из шатра.

— Слушайте все! — закричал он людям, оставшимся в лагере, — у меня родился сын!

Эта новость была встречена всеобщим ликованием. Вождя обступили старшие командиры, и он принялся получать от них поздравления.

Кенна успела сегодня испытать самую обширную гамму противоречивых чувств: сладкое ожидание боя, адреналин штурма, радость поражения и разочарование приказом отца, а сейчас, услышав его слова, она была готова заплакать. И это были бы далеко не слёзы счастья от новости о том, что отныне у неё есть брат. Отец ставил появление младенца выше, чем её ратный подвиг! Он даже встретил его, словно она вернулась не из сражения, а ходила кормить ящериц! Кенна рисковала своей жизнью, чтобы прославить свой клан, и сделала это. Гангены не бросали на ветер своих слов, за взятие первой стены Кирей получит свои привилегии, и добыла их именно она — Кенна. Казалось, что силы покинули девушку, её ноги подкосились, она рухнула вниз и тихонько заплакала. Последний раз она позволяла слезам катиться по своим щекам лишь в глубоком детстве, когда отец подарил ей меч.

Темирион со своим отрядом спешил к крепости. Первая стена была взята союзниками, и сейчас они, наверное, уже продолжали свой штурм или укрепляли свои позиции. В любом случае помощь им сейчас не помешала бы. В отличие от прошлой ночной вылазки, теперь воины были одеты в тяжелую броню — кольчугу с металлическими плашками, наколенниками и налокотниками. Это немного стесняло движения и снижало скорость, но зато надёжно защищало тело. Добежав до места сбора у самой стены, Темирион изрядно запыхался, видимо, за длительное время, проведённое без сражений, он слегка потерял физическую форму. Внизу воины до сих пор ломали ворота, а резервы, толпящиеся внизу, карабкались по лестницам или поднимались при помощи штурмовых башен. Теперь было совершенно ясно, что защитники уже не оказывали сопротивление, а атакующие войска готовились к решающему броску. Его отряду не нужны были специальные приспособления для того, чтобы карабкаться на стены. Полуметровые металлические когти с крючьями на концах позволяли взбираться на любые вертикальные поверхности, в которых можно было найти выбоины и выступы. Они крепились к щиткам на предплечьях, являлись естественным продолжением доспеха. Не дожидаясь, когда придут остальные отряды зверолодов, Темирион отдал приказ на подъём.

Он одним из первых перемахнул через стену и оказался по ту сторону мерлонов. Здесь уже скопилось большое количество воинов, укрывавшихся от выстрелов с противоположной стены за щитами. Несколько небольших отрядов медленно, шаг за шагом передвигаясь вперёд, спускались во внутренний двор. Перед ними стояла простая задача: открыть ворота, избавив тем самым своих союзников с тараном от лишних усилий. Совсем скоро через открывшийся вход хлынет поток солдат и его будет не остановить. Темирион ждал этого момента с нетерпением. Когда это случится, он, хорошенько разбежавшись по мостику, прыгнет и вонзит свои боевые когти в деревянную плоть подъемного моста, в поднятом положении выполнявшем функцию ворот. Затем за несколько движений он вскарабкается на укрепление. Его воины последуют за ним, и таким образом отряд зверолодов окажется на второй стене первым из всей атакующей армии. Он уже начал напрягать и расслаблять мышцы своих конечностей, готовя их к мимолётному спринту, но тут скрипнули цепи, и

противник начал опускать мостики, соединявшие мосты-виадуки со второй линией обороны. Это стало настолько неожиданным ходом, что несколько расслабившихся и выглянувших из-за щитов воинов тут же поразили вражеские стрелки. Неужели гарнизон крепости решил сдаться или, понимая безвыходность своего положения, пойти в последнюю героическую контратаку? Ворота с грохотом опустились, лишая мосты между стенами разрыва. Все опешили, но тут же сотни плоток радостно закричали, а тысячи подхватили этот победоносный клич. Самые нетерпеливые воины рванули вперёд, но тут в воротах показали защитники крепости. Они толкали огромные бочки, которые набирая скорость, неслись с уклона моста вниз, сметая в стороны тех смельчаков, что бежали первыми и врезались в строй возле стены. От сильного удара люди падали, сбивая тех, кто стоял за ними, а бочки раскололись, выплёскивая на солдат своё содержимое. С противоположной стены в небо взметнулось несколько горящих стрел. И вскоре люди запылали как живые факелы. Это было самое жуткое зрелище, которое в своей жизни доводилось видеть Темириону. Его человеческая сущность растерялась, а зверолюд, который сейчас доминировал над его сознанием, рванул в сторону — подальше от огня. Подвесные мосты вновь стали подниматься вверх. Всё пространство вокруг виадуков было залито огнём. На некоторое время можно было забыть об их использовании. Похоже, это был последний сюрприз, который гарнизон Лорель приготовил для нападающих перед тем, как погибнуть.

Когда Шинн был пленником в крепости, с ним не обращались так грубо, как его родные соплеменники. Сейчас он сидел босой и избитый в углу шатра, не понимая, почему судьбе было угодно так поступить с ним. Опытный воин долгие годы верой и правдой служил своему господину, отчаянно сражался за свой клан и следил за высокородным отпрыском. На этот раз все обернулось очень плохо для Шинна. Он не был предателем и хотел лишь славы для своего рода, но похоже молодой военачальник решил сделать из своего наставника козла отпущения, даже страшно было подумать, что с ним теперь он мог сотворить: кинуть на растерзание ящерицам или посадить на кол. Великий князь не успеет добраться сюда до этого момента. Он бы все понял и защитил, но в нынешнем положении дел молодому Иль Равею было проще устроить показательную казнь и свалить все свои промахи на Шинна: неплохой вариант для того, чтобы предстать перед своим отцом примерным сыном.

Шинн выругался, понимая, что влип по самые уши в ситуацию, из которой он не видел простого выхода. Руки были крепко смотаны веревкой, но ноги были свободны, видимо, его тюремщики считали, что из лагеря ему никуда не деться, и это было правдой. Снаружи доносились радостные возгласы и гортанное хоровое пение — это воины продолжали наслаждаться своей победой. А ведь в их рядах сейчас мог находиться и Шинн. Нужно было что-то делать. Один глаз сильно заплыл от гематомы, но это было не самым страшным: в данной ситуации каждый вдох отдавался внутри груди резкой болью. Похоже, что его бывшие соратники, увлекшись процессом избиения, сломали ему ребро. Шинн нашел нужный ритм и амплитуду, чтобы дыхание стало ровным и почти не причиняющим боли. Старый воин сел поудобнее и попытался зубами растянуть веревку на руках. Тщетно. В центре шатра горел затухающий костерок, видимо, когда Шинн был без сознания, один из охранников готовил на нем еду. Его света хватало ровно на то, чтобы освещать центр шатра, и скоро этот небольшой источник света мог исчезнуть.

Куча ветоши в углу зашевелилась, и оттуда появилась лохматая голова. От неожиданности Шинн резко дернулся, сморщился от пронзившей его боли, но не издал ни звука. Воин присмотрелся и в слабом свете узнал парнишку, который приносил ему еду, когда он был пленником в Лорель. Такую прическу не спутаешь ни с какой другой. Мальчишка несколько секунд привыкал к полумраку и наконец заметил своего притаившегося соседа.

— Ой! — воскликнул он, — ну и напугали вы меня. Затаились словно рысь на ветке!

Парнишка закопошился в куче тряпья, выбираясь из нее наружу, — когда я уснул, вас тут еще не было, — пояснил он причину своего испуга.

— А ты как тут оказался? — сам не зная, зачем, спросил Шинн: судьба мальчишки его мало интересовала. Он вновь забегал взглядом по шатру, пытаясь увидеть предметы или вещь, которые могли бы ему пригодиться для побега. Куча тряпья, глиняные горшки разных размеров и огромные бутылки с вином в плетеных корзинах — вот и все, что тут было. Похоже Шинна бросили в шатёр, куда один из командиров складировал не особо ценные вещи из награбленного в крепости. Да уж, незавидная судьба — закончить свою жизнь в окружении краденых обносков и деревенского дурачка. Шинн напряг память и даже

вспомнил его имя — Притт.

— Меня камень в голову ударил, когда ваши штурмовали первую стену, — пояснил юноша, — когда очнулся, уже полыхала вторая стена. Я сперва мёртвым прикинулся, замёрз жутко. Подождал темноты и уйти хотел. Так меня отловили, когда я прятался в кузнице, — просто ответил парнишка, — я там в печке сидел, думал, в неё-то уж ваши точно не полезут, там и так ценных вещей много. А они все перерыли до основания. Хотя даже неплохо, что меня нашли: кузницу-то спалили потом. Сейчас говорят, буду подарком вашему князю, говорят, у него много мальчишек в рабах. Это даже к лучшему, — продолжал размышления вслух Притт, — я много чего могу: жонглировать и..., - тут он ненадолго задумался и триумфально продолжил: «Красить могу и из баллисты пулять! Может быть, меня в балаган к артистам определят! У вашего князя есть балаган?».

Воин промолчал, балагана с артистами у главы клана Равей не было, а рассказывать об обязанностях малолетних рабов чумазому мальчишке совсем не хотелось. На сколько помнил Шинн, в Восточных землях не существовало рабства, и глупый мальчишка мог не понимать, что это такое.

— А вас грозились спалить по утру, — так и не дождавшись ответа на свой вопрос, продолжил поддерживать беседу парень.

— Откуда ты об этом знаешь? — спросил он, вновь пытаясь зубами ослабить веревки.

— Так ваши солдаты об этом говорили, когда вас сюда приволокли. Хотя это вообще мне кажется глупой затеей: вы же сын Луны, и огонь вам не страшен.

Думать об этом сейчас Шинну совершенно не хотелось, и он продолжал свою борьбу с верёвкой.

— Вот если бы они вас утопили или повесили, может быть был бы толк, а так, только дрова впустую потратят, — парень продолжал свои рассуждения, периодически шмыгая сопливым носом.

Шинн всегда поражался непосредственности таких недалеких людей, говоривших о видах казни точно так, как о предпочтениях в еде.

— Да что вы мучаетесь с этой веревкой, суньте руки в огонь, она и перегорит, — наконец-то юноша заметил старения воина и поделился советом, казавшимся ему очевидным.

Посмотрев на костёр, Притт задержал на нём свой взгляд и раскрыл широко рот, застыв на пару секунд в такой позе, он громко чихнул.

— Простыл, видимо, когда на камнях валялся, — пояснил малец и словно в доказательство своих слов вновь шмыгнул носом.

Старый воин удивлённо посмотрел на мальчишку: ему такая идея даже не приходила в голову. Но она была очевидна, ведь огонь в тот раз не тронул тела Шинна, забрав лишь одежду. Вообще тот момент он помнил как сейчас, и это видение часто преследовало его кошмарами по ночам. Крики горящих солдат и пламя, покрывавшее его тело второй кожей, но не причинявшее никакого вреда. Воин немного замешкался, но всё же решился, ведь другого выбора у него не было. Он прислушался к тому, что происходило за пологом шатра. Криков становилось меньше, видимо, выпивка и сон постепенно валили солдат с ног. Значит в лагере оставались только часовые и самые стойкие к вину, другой возможности для побега могло не представиться.

Пожилой воин встал со своего места и осторожно подошел к затухающему огню. Он с сомнением и опаской поднес руки к костру и подставил путы под языки пламени, которые с

жадностью стали лизать веревку. Шинн не ощущал жжение или боль, просто приятное тепло обволакивало его связанные кисти рук.

— Ну, я же говорил — вам огонь не страшен, — не умолкал говорливый парнишка.

Наконец веревки начали шаять и тлеть. Минуты казались вечностью, ибо Шинн опасался, что кто-нибудь из охранников решится проведать пленника. Он постоянно прислушивался, боясь услышать звуки приближающихся шагов, но засыпающему лагерю не было дела до пленников. Вскоре огонь справился с путами, и Шинн сбросил веревки. Он растер затекшие запястья — как же хорошо было свободно двигать своими руками.

— Милостливый государь, — прервал его занятие мальчишка, — вам нужно просто объяснить вашему князю, что вы — один из сыновей Луны, вас тут же простят, а я стану придворным шутом! Все равно ваши побеждают, и мне больше пойти некуда. Эта крепость была моим единственным домом, которого больше нет.

Шинн медленно повернулся и подошел к мальчишке, первой мыслью было задушить его, чтобы тот не поднял тревогу. Куда потом бежать? В земли огненноголовых было не пробиться, и там его больше никто не ждал с распростертыми объятьями, оставался один вариант — уходить дальше на восток и затеряться там где-нибудь на время.

— Ты местный? — тихо и задумчиво спросил Шинн, — хорошо знаешь дороги и леса?

— Уж будьте уверены, как свои пять пальцев! — гордо заявил мальчишка, — я же когда к балагану прибил, все земли в округе с ними объездил.

— Пойдешь служить ко мне проводником? — решил пока не убивать парня Шинн.

— А какой мне с этого толк? — резонно заметил малец, — тут меня хотя бы кормить будут.

Теперь старому воину нужно было быть очень убедительным и подобрать ключики к доверию этого мальчишки. Сейчас ему без проводника пришлось бы непросто в чужих землях. Не зная куда идти и где укрыться, какую дорогу лучше обойти, а где сократить расстояние, он мог бы просто заблудиться или выйти на патрули своих сородичей. Его — знатного человека с высоким положением — знали практически все огненноголовые в лицо, а молодой князь уже раструбил всем о том, что Шинн предатель и назначил показательную казнь. Да и от представителей другой стороны ему ждать милости не приходилось. Единственный человек, обещавший ему помощь — капитан Каррака, сейчас скорее всего был мёртв.

— Я богат, когда все утихнет, мы вернемся, я докажу свою невиновность и оплачу твою службу, — осторожно подбирая слова, попытался убедить парнишку Шинн.

— Зачем мне так рисковать? — начал размышлять вслух мальчишка, взвешивая аргументы, — я буду служить вашему главному князю, а возможно попаду в балаган, я жонглировать могу и...

— Нет у него никакого балагана, — резко оборвал глупого мальчишку старый воин и, стараясь не вдаваться в подробности, которых малец мог еще не понять, попытался ему объяснить всё как можно проще, — тебя ждет рабство, страшное, грязное и голодное, унижения и побои, а потом забвение и смерть в нищете.

— Нет балагана? — разочарованно промямлил Притт, выщедив из словесного потока аргументов, самый значимый для себя.

— За день службы я буду платить тебе одну десятую часть бронзовой монеты, — попытался перевесить чашу убеждений в свою сторону Шинн, деньги всегда срабатывали там, где не помогали остальные средства.

После такого сильного аргумента у мальчишки заблестели глаза, он встрепенулся и заметно ожил.

— И вы научите меня драться на мечах! — проявив свою наглость, заявил Притт, который был не таким простаком, каким хотел казаться.

— Хорошо, и еще я научу тебя обращаться с оружием, — пообещал воин, приложив правую руку к груди. Это был самый распространенный жест чистых намерений, когда ладонь не сжимала рукоять клинка и касалась того места, где должна была находиться душа.

— Дайте слово сына Луны! — потребовал мальчуган, — иначе я не сдвинусь с места.

— Даю слово сына Луны, я обещаю давать тебе каждый день уроки обращения с оружием и оплачу твою службу проводника в размере одной бронзовой монеты за десять дней, — поклялся воин и с сарказмом добавил: «Может быть мне ещё поклясться на крови?».

— Не нужно. Твоей клятвы достаточно, — мальчишка пропустил издевательскую интонацию, а может быть просто не заметил её по своей простоте. В его землях — на Востоке — все дети Луны были гвардейцами, а они всегда держали свои обещания. Не было большей части в семье, чем рождение ребенка, отмеченного Луной. Они всегда появлялись внезапно, а их возможности могли долго не проявляться.

— Тогда пойдем, следуй за мной очень тихо, — воин приложил палец к губам и уже развернулся для того, чтобы выйти из палатки, как его остановил мальчишка.

— Мне бы руки развязать, — шмыгнул он носом, показывая свои путы.

— Хорошо, подожди меня здесь, я найду, чем разрезать веревки, и вернусь.

Шинн нашёл в углу кусок какой-то ткани и замотал ею голову и лицо, чтобы светящиеся в свете Луны волосы не выдавали его во мраке. Он осторожно отодвинул полог, закрывавший вход в шатер, и осмотрелся. Прислушиваясь несколько секунд к тому, что происходит снаружи, он сделал шаг в сумрак. Мальчишка вновь зарылся в кучу тряпья, то и дело ожидая, что на улице будет поднята тревога. В таком случае ему, Притту, точно ничего не сделают, ведь он не участвовал в побеге. В какой-то момент мальчишка подумал, что воин попросту бросил его, но в палатку вошел Шинн. В одной руке он сжимал бурдюк с водой, а в другой саблю, на тело был накинут не застегнутый кожаный доспех с металлическими пластинами, а на поясе красовался ремень, за который были заткнуты небольшой топорик и кинжал. Воин взял одну тряпку из кучи и принялся вытирать лезвие своего оружия, затем перерезал веревки, сковывавшие движения мальчишке.

Воин кивнул головой в сторону емкости с водой: «Попей, только немного, неизвестно, когда мы сможем пополнить припасы.»

Мальчишка отхлебнул пару глотков, он хотел пить ещё, но, посмотрев на воина, отстранился от бурдюка и протянул его.

— Ты его понесёшь, — пояснил Шинн, — оставь при себе. А пока помоги мне стянуть потуже грудь, воин скинул с себя доспехи, порывшись в тряпках, нашёл подходящий материал. Спустя несколько минут облаченный в амуницию и при оружии, он чувствовал себя гораздо лучше. Благодаря тугой повязке во время ходьбы Шинна почти не беспокоили его саднящие рёбра.

— Иди за мной следом, только очень тихо. Не издавай ни звука, — скомандовал он, держа наготове саблю.

Старый воин и мальчишка осторожно выбрались наружу. Вокруг стояло бесконечное количество шатров, в которых можно было заблудиться. После нескольких минут движения

Притт тихонько дернул за рукав воина, тот остановился и грозно посмотрел на источник своего раздражения. Парнишка невозмутимо показал рукой в противоположную сторону.

— Восток там, — едва слышно пояснил Притт.

Шинн повернулся и двинулся в указанном направлении. Лагерь после праздного вечера крепко спал, многие воины, не добравшись до своих шатров, лежали прямо на земле. Видимо, они не рассчитали свои силы, заливая в себя вино кувшинами, а может быть и намеренно напивались до такого состояния, чтобы забыть о кровавых воспоминаниях недавнего штурма. Медленно и осторожно два человека, как тени, крались в сторону, где лагерь должен был закончиться, поэтому нужно было постоянно оставаться начеку, потому что именно там на пути у беглецов могли попасться часовые. Впереди показался костёр, выделявшийся на фоне тлевших углей, не раз встречавшихся на пути, а значит около него находились бодрствующие воины, скорее всего это и был один из охранных дозоров. Обойти его не было возможности, поэтому двум беглецам предстояло каким-то образом пройти через него. Прячась за телегой, заставленной плетеными корзинами, Шинн начал свое наблюдение. Около костра находилось два солдата, один лениво потягивался, борясь со сном, а второй ворошил длинной палкой дрова в костре. Где же стоял третий часовой? Вместе с этим вопросом в голове вспыхнул сноп искр, и воин провалился в небытие.

Очнулся он от того, что кто-то больно пнул его по рёбрам.

— Вставай, скотина, — ликовал самодовольный охранник, — не зря все же людям дана возможность сливать из себя излишки жидкости. Возвращаюсь к костру, сморю, кто-то за вами наблюдает, парни. Я его раз по башке!

Все часовые негромко засмеялись, довольные исходом событий. Поймать сбегающего пленника было хорошим поступком и за него полагалась награда. А им не пришлось даже прилагать никаких усилий для того, чтобы сделать это.

— Может сейчас его оттащим к командиру? — предложил один из них.

— Нет, — возразил другой, — он и так спросонья обычно ревет как медведь, а тут ещё и под хмелем, не стоит рисковать. Сейчас замотаем предателя как следует, а с рассветом отнесем этого огненноголового в шатер к Иль Равею, он наверняка нас наградит за это.

— От судьбы не убежишь, — издевательски заметил один из солдат и похлопал Шинна по щеке, — если на роду написано пылать на костре, значит так и будет.

Находясь в шаге от свободы, было так глупо попасться на обычной невнимательности. Старый воин осмотрелся, ища пути спасения. Три вооруженных воина, они стоят, Шинн лежит без оружия, шансов почти нет. «Мальчишка!», — вспомнил беглец и покрутил головой, парнишки рядом не было, значит ему удалось бежать.

— Чего елозишь? — злобно произнес один из часовых и склонился над пленником держа веревку, — давай сюда руки.

— Смотри, — прервал своего соратника другой воин.

Склонившийся над Шинном солдат закрывал обзор, и воин не мог видеть, что привлекло внимание часовых. Наконец он нашел прореху в телах и увидел, что навстречу солдатам из-за телеги вышел Притт. Похоже, что глупый мальчишка решил сдаться ради ежедневной кормёжки.

Тем временем в руках парнишки что-то блеснуло, и один из воинов оголил саблю, с усмешкой смотря на мальчика. Но парень, нисколько не смутившись, скорчил смешную гримасу и начал подкидывать предметы вверх, ловя их и снова подбрасывая, не давая им упасть на землю. Шинн заметил, что мальчишка жонглировал всякой всячиной — початком

кукурузы, камнем, парой кинжалов и яблоком.

Воины заулыбались, а воодушевленный этим Притт начал быстро откусывать от яблока, не останавливая своего жонглирования. Часовые явно были удивлены и зачарованы этим зрелищем, но при этом они явно не опасались мальчугана, ведь они были хозяевами положения, а единственный, кто мог оказать им сопротивление, лежал сейчас у их ног. Часовой, хотевший связать Шинна, начал подниматься, увлеченный неожиданным представлением. Это был маленький шанс для старого воина — он резко выхватил из-за пояса у солдата кинжал и нанес тому несколько ударов в живот. Часовой повалился на него, придавливая грузным телом. Сбрасывая с себя обмякшего мертвеца, Шинн начал подниматься, понимая, что находится в невыгодной позиции перед стоящими на ногах воинами, но то, что произошло через мгновение, навсегда осталось в его памяти. Солдаты только начали реагировать на движение своего пленника, поворачивая головы и обнажая оружие, а мальчишка, не прекращая жонглирования, метнул сперва один кинжал, затем второй. Оба солдата безвольными куклами повалились на землю. У каждого из них в глазнице по самую рукоятку засели кинжалы. Шинн удивленно смотрел на Притта, который, ловко поймав яблоко, как ни в чем не бывало, продолжал его доедать.

— Как у тебя это получилось? — едва вымолвил старый солдат.

— Я же говорил вам — в балагане долго был, там меня научили жонглировать и ножи метать. В городе, где останавливались, ярмарку с аттракционами открывали, кто точнее меня нож кинет — золотой получит, если я точнее — золотой платит.

Шинн поднялся со своего места и отряхнул одежду, мальчишка забежал за телегу и вернулся оттуда уже с бурдюком и кожаной сумкой.

— Воду несу, как вы и велели, — пояснил он, — заодно и харчей нам немного нашёл.

Беглецы уже покидали городскую черту, когда воин наконец решил задать вопрос, давно его терзавший.

— Зачем ты вернулся? Ты же сильно рисковал?

— Ваша милость, вы мне обещали покровительство, обучение и службу. Вы — сын Луны! — наивно до простоты ответил мальчишка.

— А ты не боялся убить человека? — после небольшой паузы спросил воин.

— А кто вам сказал, что я не убивал раньше?! — удивленно переспросил Притт. После чего парочка беглецов шла молча, оставляя за своей спиной стены павшей крепости.

Дорога казалась бесконечной, учитывая, что каждый шаг отдавался в голове Шинна вспышками боли, но останавливаться было нельзя. Двум пешим людям нужно было успеть уйти как можно дальше и укрыться от погони. Старый воин был выносливым, годы воинской службы были тому отличной школой, но он еле поспевал за своим молодым и резвым спутником. Ещё немного времени, и свет, прогнав полумрак, возвестит о начале нового дня. Беглецы уже изрядно удалились от Лорель, но до леса, в котором можно было бы укрыться, оставалось ещё слишком далеко. Скоро в лагере обнаружат пропажу пленников, а также мертвых часовых и вышлют погоню. Шинн уповал лишь на то, что после бурной ночи ещё пьяный лагерь пробудится гораздо позже, чем обычно, и на то, что общее охранение было разрозненным, каждый клан выставлял на ночь свою охрану, не проверяя посты друг у друга. Общая праздная и безалаберная обстановка, что царила после взятия крепости, сейчас была только на руку двум беглецам. Опытный воин понимал, что нужно было как можно скорее уходить с дороги, но затеряться и спрятаться было негде — до леса ещё было далеко, а

вокруг, покуда хватало взгляда, была степь.

— Малец, — тяжело дыша, воскликнул Шинн, нам нужно найти укрытие, — я чувствую, что за нами вот-вот пошлют погоню.

Мальчишка, не сбавляя шаг, повернул свою лохматую голову к воину и произнес фразу так, словно это была очевидная вещь, о которой должен знать каждый, особенно его спутник.

— Так это... Здесь за пригорком сад и дом семейства старика Стака, рукой подать.

Взобравшись на небольшой холм Шинн переводя дыхание, осомтрелся. Перед ним открылась благодатная картина ухоженного сада и домика с большим амбаром. Воину казалось, что он уже улавливает пока еще далекий, но такой зловещий шум погони.

— Дойти до леса мы не успеем, попробуем спрятаться в доме, — скомандовал Шинн и ускорил шаг.

Плодовые деревья были высажены на равном друг от друга расстоянии, было видно, что хозяин заботился о своих владениях: многие ветки, сгибавшиеся под тяжестью спелых фруктов, были подперты палками, а под каждым деревом виднелся разрыхленный круг, удобренный перегноем.

— Стак выращивал фрукты и продавал или менял их в Лорель, — пояснил на ходу Притт, — в этом году выдался богатый урожай, жаль, что их семье пришлось бросить всё это.

— Не удалось им...

Шинн увидел тело истерзанного подростка, который, судя по всему, пытался бежать в сторону сада, надеясь там укрыться. Возле амбара, прислонившись спиной к стене, на земле сидел пожилой мужчина, на его шее зияла огромная рана, из-за которой он неестественно откинул голову в сторону. В руках он сжимал мотыгу, видимо, ею он пытался отбиваться от нападавших, через приоткрытую дверь была видна часть обнаженного женского тела.

— Постой здесь, — приказал Шинн мальчишке, а сам, оголив меч, вошёл внутрь амбара. К противоположной стене был пришиблен мужчина, его руки были раскинуты в стороны и пробиты кинжалами. Похоже, что этот человек был еще жив, когда захватчики глумились над его женой и дочерью. Рядом лежало два женских тела, рубашки на них были разорваны, а от юбок остались лишь лохмотья, их глаза смотрели в пустоту, а глотки были перерезаны. Судя по всему, его сородичи, отправившиеся вчера в погоню за отступающими защитниками крепости, нашли себе здесь развлечение по вкусу. Шинн не раз был свидетелем подобных сцен, без которых не обходилась ни одна война, это было нужно солдатам, но сейчас впервые он испытал отвращение.

— Милостивый государь, нам нужно поторопиться, — просунул голову внутрь мальчишка, его лицо побелело, а скулы сжались.

— Не смотри, — вытолкнул Притта воин и вышел следом, — пойдём в дом. Слышишь шум погони?

— Да, слышу, — мальчишка смотрел на дверь амбара, и на его скуле заиграли желваки.

Шинн дернул его за рукав, приводя в чувство.

— Пошли в дом, нам нужно где-то спрятаться.

Шинн сделал несколько шагов и потянул входную дверь на себя. Неожиданно из дома на него вылетел человек с мечом, воин в последний момент успел поднять саблю и изменить вектор движения оружия. Отводя удар, он раскрыл противника и был готов проткнуть его, как в поединок вмешался Притт.

— Стойте! Стойте! — закричал он, размахивая руками и бросаясь между сражающимися, — это Верт, это свой! Он сын мясника! Он служил на баллисте у лейтенанта Лондайка.

Сцепившиеся воины отступили на шаг.

— Притт, почему ты с ним? Почему ты защищаешь огненноголового? Ты видел, что они здесь сотворили? Он должен за это заплатить! — Верт указал на Шинна мечом.

На вид ему было лет восемнадцать, над верхней губой у него едва пробивался первый пушок. Совсем недавно он был обычным горожанином, которому пришлось быстро превращаться в воина. Его грудь закрывала великоватая для него кираса, соследами от рубленых ударов и несколькими вмятинами. Если парень не снял её с какого-то мертвеца, то похоже носил он её не зря, и эта амуниция спасла ему жизнь несколько раз. Шинн мог убить его очень быстро, первый же неуверенный удар выдал в парне начинающего фехтовальщика.

— Верт, успокойся! Он на нашей стороне! Это Шинн, его должны были сжечь сегодня утром за предательство! Мы бежали вместе с ним из лагеря.

— Юноша, убери меч и умерь свой гонор, сейчас тебе представится возможность показать его во всей красе, — воин отвел в сторону оружие собеседника, — из крепости за нами выслали погоню. У нас есть два пути: или попытаться спрятаться, или принять бой. Вместе!

— Далеко убежать мы не успеем, они верхом, а пространство вокруг хорошо просматривается. Что же нам делать? — восклицал взволнованный Притт.

— Где же тот хладнокровный парень, совсем недавно спасший меня в крепости? — Шинн по-отцовски потрепал мальчишку по загривку, — у нас есть еще минут десять, мы можем подготовиться к встрече.

— Ты с нами, Верт? — не то спрашивал, не то убеждал Притт.

Молодой воин немного поколебался, крепко сжал рукоятку меча, так, что побелели костяшки пальцев.

— Да, я с вами, я хочу отомстить за семью старика Стака.

— Тогда за работу, — оптимистично хлопнул в ладоши Шинн, понимая, что шансов на выживание у них невероятно мало, но он не имел права дать даже намёк на это своим юным спутникам, на помощь которых он даже не рассчитывал, но мог использовать их как приманки.

Глава 29. Два Барона

Бриар знал, что хозяин харчевни говорит правду. Он был чертовски напуган и от этого начал заикаться, жадно хватая воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Но бессмертный воин решил проучить этого никчемного человечешку, оставив ему на память несколько шрамов. Миор должен был получить хороший урок и усвоить раз и навсегда, что с гвардейцами императора лучше не связываться, даже если самой империи уже нет. Кинжал в его руке словно сам просил крови, и, утоляя его жажду, Бриар сделал несколько глубоких надрезов. Хозяин визжал как поросёнок, словно его тащили на живодёрню, беря настолько высокие ноты, что некоторые певцы из бродячих балаганов могли бы позавидовать ему.

— Бриар, хватит, мы и так узнали всё, что нам нужно, — Риот схватил воина за кисть, когда тот пытался в очередной раз погрузить лезвие кинжала в человеческую плоть.

Это подействовало: Бриар тряхнул головой, словно сбрасывал с себя наваждение, и ослабил хватку, выпуская обмякшее тело. Трусливый толстяк потерял сознание.

Воины услышали топот множества ног, кто-то торопливо поднимался на второй этаж. Бриар схватил массивный стол и опрокинул его перед входом. Это должно было затруднить движение тем, кто попытается ворваться в комнату. Он достал меч и приготовился держать оборону. Вскоре в дверном проёме показались люди в форме городской стражи. Они в нерешительности остановились в коридоре, вскоре, расталкивая их, на передний план вышел невысокий человек в бордовой одежде и черном плаще, подбитом мехом. Он был не молод, но не носил бороды, предпочитая ей пижонские усики.

— Я вижу, Бриар, спокойно ты в нашем городе появляться не можешь. И опять ты прерываешь мой сон. Мне даже начинает казаться, что ты делаешь это нарочно.

Тон человека был абсолютно нейтральный, и не было понятно, какие эмоции он испытывает по отношению к бессмертному воину, но было ясно, что встречаются эти люди не в первый раз.

— Дорогой Тюри, не я выбирал для тебя должность начальника городской стражи, — возразил Бриар, — терпеть мелкие неудобства — часть твоей жизни.

Судя по тому, что оба человека даже не поприветствовали друг друга, обоюдных симпатий они не испытывали.

— Мне доложили, что стражей, посланных за вами, нашли мёртвыми. Что произошло на этот раз? — Тюри подошёл ближе и, взявшись за край стола, заглянул в помещение, — а почему Миор лежит на полу с изрезанным лицом? Вы его убили или уже нашли тело таким?

— Он жив, просто решил побриться перед приходом гостей и был слишком неаккуратен, но прежде чем лечь поспать, он успел мне нашептать имя отличного цирюльника, — Бриар, не сводя глаз, следил за реакцией начальника городской стражи, но тот оставался всё таким же безразличным, лишь только печать нескрываемого недовольства отразилась на его лице.

— Что всё-таки здесь случилось? Бароны уже давно ждут! — Тюри ещё раз попытался узнать причины, по которым был лишён сна и был вынужден сейчас вместо чистой постели находиться в этом заведении сомнительного толка.

— Нас было трое, на одного из моих спутников было совершено нападение. Прямо здесь, в комнате. Догнать убийцу не удалось, мой друг отправился в погоню, а за мной

и... — Бриар на секунду осёкся, — моим спутником пришли лже-стражники. В результате ночной прогулки мне пришлось их убить, а моего спутника похитили. Нужно сделать всё для того, чтобы его не смогли вывезти силой из Жандаль.

— Я подумаю над этим, — почесал в затылке Тюри, — возможно, городские ворота мы откроем чуть позже, чем обычно, впрочем, это всё детали, которые мы обсудим после, а пока разрешите проводить вас в замок, потому что бароны уже изрядно заждались вас, а меня заждалась моя молодая супруга.

Замок Двух баронов был настоящей крепостью в крепости. От остального города его отделял ров, заполненный водой. Через него можно было перебраться только по подвесному мосту, а его опускали лишь в тех случаях, когда кому-то нужно было проникнуть в замок или уехать из него. Внутри находились казармы гвардейцев Жандаль, арсенал, жильё для знати и прислуги. На этот раз Бриар и Риот шли в сопровождении двадцати пяти вооружённых людей, но, как и стоило ожидать, никаких нападений не случилось. Похитители достигли своей цели и затаились где-то в городе.

Внутрь по мосту прошли только два гвардейца и Тюри, а обычным городским стражникам на эту территорию проход был закрыт. Здесь гостей встретил караул из четырёх воинов. Они молча сопровождали их до тронного зала. Большие двустворчатые позолоченные двери бесшумно раскрылись, словно приглашая войти внутрь. Начальник городской стражи и охрана остановились возле них, а воины проследовали дальше. Высокие потолки отражали каждый шаг по каменному полу, усиливая звук в несколько раз. При передвижении двух человек казалось, что их идёт как минимум десяток. Бриар помнил этот зал совсем другим, с задрапированными стенами и высокими окнами с разноцветной мозаикой, проходя сквозь которые свет оставлял на полу и стенах яркие радуги. Раньше этот огромный зал был переполнен атмосферой величия и праздника, сейчас всё было иначе. Ставни были наглухо закрыты, а стены встречали гостей обнажённой каменной кладкой. Говорят, что один из убийц прятался за массивной шторой, и после этого случая бароны приказали убрать из зала всё лишнее. Единственным украшением можно было считать гобелен позади трона. На нём руки неизвестной мастерицы вышили баронов в полном боевом облачении. Их уникальные тяжёлые кавалерийские доспехи были изготовлены по индивидуальному заказу мастерами горных великанов. Бароны отсыпали им столько денег, что их делегация приехала в Жандаль вместе с инструментами и запасами металла. За два месяца кузнецам удалось сделать эту броню, которую любой другой человек не смог бы носить. Бароны были могучими детьми Луны и поэтому двигались весьма проворно, несмотря на то, что были облачены в груды металла. Поговаривали, что эти доспехи выдерживали удары стрел и болтов со средней дистанции и такая прочность спасла жизни хозяев Жандаль во время одного из покушений. Бароны сидели на троне с высокой спинкой. Их могучее тело было заковано в броню которую они не снимали, опасаясь покушений. С левой стороны к спинке трона были прикреплены ножны с двуручным мечом, а с правой стороны на специальной подставке висел взведённый арбалет. Две лысые головы, венчавшие туловище, внимательно смотрели на вошедших.

— Мы с братом приветствуем вас на своей земле и хотели бы узнать, что за столь важное дело привело в нашу обитель самого Бриара?

— Почтенные милорды. — Бриар склонил голову в поклоне, — я тороплюсь сообщить,

что в наши земли идёт беда. Возможно, в эту минуту Лорель пал, а это означает, что у вражеской армии больше нет никаких препятствий по дороге к Жандаль.

— Гангены? — насупилась левая голова. Его звали Ролье, и было принято считать его старшим братом.

— Надо было в своё время стереть их всех до одного с лица земли! — взревела правая голова. Этому барону при рождении было дано имя Гюшон.

— Скоро до Жандаль доберутся потоки беженцев из Лорель и окрестных селений, — продолжил Бриар, — нужно будет готовиться принять их.

— У нас нет для них места, в нашем городе существуют давно сложившиеся порядки, и даже мы не в праве их нарушать, — возразил Гюшон.

— Почти все они отличные мастера и могут пригодиться вам при подготовке к обороне, к тому же они ваши подданные. Пограничная крепость — это ваши владения.

— Это верно, — задумчиво ответил старший брат, — мы подумаем, что сможем с этим сделать.

— Большие ли силы идут на нас? — Гюшон выглядел спокойным, словно и не получал только что плохих известий.

— Гангены собрали всех, кого могли, на этот раз им удалось созвать под свои знамёна все западные семьи людей, а также кланы огненноголовых и звероловов. Положение серьёзное. В приграничной крепости слишком маленький гарнизон для того, чтобы долго сдерживать такую армаду. Ваш город — серьёзное испытание для любой армии, но и ваши возможности не безграничны. Жандаль стоит на пересечении дорог, и мимо ваших владений Гангены не пройдут.

— Они сдохнут все до одного под нашими стенами! — взревел младший брат, ударив кулаком в металлической перчатке по подлокотнику трона.

— Остынь, — обратился к нему Ролье, — Бриар прав, хотим мы этого или нет, но при длительной осаде Жандаль рано или поздно падёт. В такой ситуации нужно постараться как можно тщательнее подготовиться.

— Я уверен, что наша крепость будет не по зубам Гангенам, — упрямо ответил младший из баронов, — но меня волнует другой вопрос: как нам удастся их победить? Раньше, имея могучую армию, империя всегда отбивала нападения на границе, и грандиозные сражения тому отличное подтверждение. Внутри континента врагу никогда не удавалось проникнуть! Сейчас у нас нет общей армии, а каждый из высокородных думает лишь о себе. Кто заставит всех вновь объединиться?

— Я соберу общую армию, — неожиданно ответил Бриар, — со мной был спутник, вернее, спутница. Она очень важный человек. Но на нас было совершено нападение, и сейчас девушку прячут где-то в Жандаль. Нужно продлить комендантский час до тех пор, пока мы её не найдём. Мне удалось допросить одного из причастных к похищению, и он поведал мне пару имён...

— Нам известно о неприятности, произошедшей с вами, — барон хлопнул в ладоши, и из ниши, что находилась за тронем, прикрытой гобеленом, вышел крепкий молодой человек и встал рядом.

— Это он! Я узнал его — воскликнул Риот, хватаясь за рукоять меча. — Хоть на нём нет платка, но его глаза и волосы я запомнил. Это он напал на Гану!

— Да, это я не дал упасть тебе с крыши. Спасибо, что запомнил меня. Похоже я становлюсь популярным, — с усмешкой согласился молодой мужчина, — примите мои

искренние извинения ещё раз. Я никого не хотел убивать.

— Что это значит? — серьёзно спросил Бриар, — этого наёмного убийцу послали вы?

— Остыньте, Бриар, — спокойно ответил Ролье, — после нескольких покушений, что нам удалось пережить, мы подумали, что проще иметь своего человека в «Черных платках» и знать об их шагах заранее, чем бояться каждого подозрительного звука в собственном замке. Лаваль смог прижиться там и заслужить доверие.

— Но зачем он напал на Гану? — Риот задал этот вопрос баронам.

— Я получил приказ убить человека, который находился в указанной комнате. Всё должно было выглядеть естественно, после чего в дело вступала лже-стража. Но я не знал, что это будет дама, — пояснил Лаваль, — убивать её в мои планы не входило, тем более она оказалась такой красивой...

Бриар плотнее сжал кулаки, этот самодовольный нахал ему не нравился.

— Нам бы хотелось узнать, чем ценна эта дама, почему именно она сможет объединить всех высокородных и кто заинтересован в её похищении? — спросил старший из баронов.

— Я хотел бы обсудить это сглазу на глаз, без свидетелей, — ответил Бриар. Настало время раскрывать карты, и он не хотел, чтобы эта информация достигла лишних ушей.

— Лаваль, покажи другу Бриара местные достопримечательности, — Гюшон посмотрел на молодого человека, и тот молча спустился с тронного возвышения вниз.

— Мне кажется, у вас есть некий предмет, случайно потерянный мною и найденный вами. Вы не будете столь любезны вернуть его мне? — молодой человек остановился рядом с Бриаром и выжидающе посмотрел на него.

Бессмертный воин выдержал этот взгляд и нехотя отдал кинжал.

— Здравствуй, Сабьер, — обратился Лаваль к своему кинжалу, словно маленький ребёнок к своей любимой игрушке, — мне очень тебя не хватало!

Риот и молодой человек, не сводя взглядов друг с друга, молча удалились из зала.

— Он надёжный? Как вы можете доверять ему? — спросил Бриар, кивая головой в сторону скрывшейся за дверьми парочки.

— Вполне надёжный, — ответил младший из баронов, а старший пояснил: «Это наш сын».

Глава 30. Обречённые на бегство

Азарт погони будоражил сердце, заставляя биться его чаще, а хмель, засевший в голове ещё со вчерашнего вечера, гнал прочь даже малейшую осторожность. Хотя бояться было некого, мобильные отряды прочесали всю округу, разоряя близлежащие поселения и добывая тех беглецов из Лорель, кто не успел спрятаться. Теперь огненноголовые чувствовали себя здесь настоящими хозяевами, и никто не мог противопоставить свою силу их воле. Ящерицы неслись во весь опор, оставляя позади себя замысловатые следы на земле. Для этих мест они были непривычны, что ж, пусть привыкают.

Тарат гнал своих людей вперёд, дерзкий предатель и мальчишка смогли сбежать этой ночью, умудрившись убить троих часовых. Хотя как это удалось сделать раненому пленнику, ведь Тарат лично пару раз пересчитывал его ребра своими кулаками. В любом случае далеко пешком они не могли уйти, и отряд огненноголовых должен был их легко настичь. Всадники выскочили на пригорок, здесь был дом, в который вчера Тарат навещался со своими ребятами. Повеселились они на славу. Командир пришпорил ящерицу, и отряд, сбавив скорость, закружил на месте. Немного подумав, Тарат дал указания подчиненным, и основная группа помчалась дальше. Он и ещё четыре воина свернули с дороги, направившись к дому. Командир понимал, что Шинн не станет здесь прятаться, потому что это было равносильно самоубийству, но кто его знает, какие раны могли у него быть после схватки с часовыми. К тому же вчера местная девка, сопротивляясь, сорвала с него фамильную брошь, и её нужно было найти. Пропажу Тарат обнаружил только утром, и, вспоминая события вчерашнего дня, он четко помнил, что украшение было при нём, когда он со своим отрядом посетил этот гостеприимный домик. Даже если беглецов найдут его парни, он не сильно расстроится: свои долги этому подлецу он уже отдал своими кулаками. На площади в крепости уже вкопали столб и подготовили снопы хвороста. Когда Шинн будет пойман, участью, уготовленной молодым князем, сможет насладиться каждый.

Всадники, не торопясь, спешили. Они чувствовали себя полноправными хозяевами на этой земле. Коренастый воин Меген сделал несколько шагов, резко склонился и опустошил свой желудок на тропинку.

— Я тебе говорил, оставайся в лагере, — похлопал по плечу своего приятеля рослый Ялт.

— Бабе своей это говори, — Меген отёр губы тыльной стороной ладони, — я в порядке.

Тарат знал, что его воины отлично погуляли вчера, у него и самого голова напоминала котелок с кипевшей похлебкой, а во рту был неприятный вкус, словно он наелся вонючей болотной жижи. Но это не могло стать причиной для отказа от хорошей погони или бодрой драки. Ящерицы, почувствовав, что седоков нет, ринулись к мертвому телу, что лежало во дворе. Они с громким чавканьем принялись рвать его на части, толкаясь и угрожающе скаля друг на друга зубы. Воины оголили оружие. Ялт как всегда покручивал в руках свой огромный боевой молот, остальные достали короткие, обоюдоострые топоры, сам Тарат, предпочитая сабли и мечи, не изменил своей привычке и сегодня. Он сделал знак рукой, два воина отправились в дом, а он, Ялт и Меген, неторопливо разминая конечности, пошли к амбару. У строения была одна дверь, выходившая в центр небольшого дворика, здесь находился колодец и маленький загон для птицы, который после вчерашнего дня пустовал.

Напротив стояло крестьянское жилище с соломенной крышей. Ялт со всего маху вдарил молотом по неряшливо сколоченным дверям, моментально рухнувшим внутрь. Здоровяк любил проявлять свою силу, и сейчас удовлетворенная ухмылка озарила его лицо. Он первым вошёл внутрь.

— Как будто и не уходил отсюда со вчерашнего утра, — прокомментировал он наличие истерзанных мёртвых тел.

Из помещения в нос ударил затхлый, неприятный запах. Как только он достиг носа Мегена, тот снова согнулся пополам в попытке вывернуть свой желудок наизнанку, чем чрезмерно развеселил своих товарищей. Обуздав свой организм, он выругался и пошёл за амбар, может быть решил обойти его в поисках беглецов или просто решил справить свою нужду.

— Я внутрь не пойду, — озвучил он свой поступок, закинул топор на плечо и шаркая ногами по земле, двинулся своей дорогой.

Запах был действительно не из приятных. Тарат прошел внутрь и осмотрелся, всё было так же, как и вчера. Солома, разбросанная повсюду, простая, сколоченная из грубых досок приставная лестница, ведущая на второй этаж. Второй ярус был в половину помещения и не имел стены, так что сбрасывать сено можно было прямо вниз. Его хозяева использовали для хранения урожая и запаса соломы для скотины, пряча их таким образом от грызунов. В центре, державшаяся на системе верёвок и блоков, висела подъёмная платформа, с помощью которой хозяева доставляли собранный урожай наверх. Все же такое устройство было удобнее, чем карабканье по лестнице с мешком на плечах. Под настилом второго этажа в правом углу находились загон для коровы и двух коз, но они ещё вчера стали трофеями для огненноголовых. Их зажарили и съели в лагере. Пройдя по амбару взад и вперед и не заметив ничего подозрительного, Тарат сразу направился к телу молодой девушки. Эта мерзавка вчера исцарапала его лицо, сделав кровавые отметины поводом для шуток его сородичей. Он присел на корточки и начал шарить глазами по полу, стараясь разглядеть блеск драгоценного украшения.

— Ты думаешь, Шинн превратился в муравья и ползает у тебя под ногами, — подначил своего командира Ялт.

— Заткнись, — не стал ему ничего объяснять Тарат, продолжая внимательно рассматривать пол.

В дверях показались воины, что проверяли хижину.

— В доме пусто, — доложил один из них.

— Наверху проверь, — отдал распоряжение Ялт, указав молотом на лестницу, которая вела на второй этаж.

— Сам бы и проверял, — возмутился огненноголовый, но, не став перечить здоровяку с молотом, начал карабкаться наверх по лестнице.

Наконец Тарат заметил какой-то блеск в щели меж половых досок. Палец с трудом пролез туда, и воин нащупал знакомые фигурные края, похоже, он нашёл свою пропажу. Теперь нужно было придумать, как достать оттуда брошь. Попробовать поддеть клинком кинжала? Воин положил руку на знакомую рукоятку и начал вытаскивать оружие, но громкий хруст, звон и проклятья заставили его резко обернуться и принять боевую стойку. Видимо одна из деталей лестницы прогнила и надломилась под тяжестью солдата, падая, тот ударился носом о другую перекладину и рухнул навзничь, сотрясая помещение грохотом амуниции. Ялт только открыл рот, решив пошутить над неуклюжестью своего приятеля и

над его разбитым лицом, как на улице закричал Меген, щедро осыпая окрестности проклятьями. Воины, бряцая оружием, ринулись из амбара во двор. Когда они добежали до источника криков, то обнаружили своего товарища сидящим на земле и скулящим от боли. Его ступня была зажата в яме, между двух досок с гвоздями. Видимо, он был невнимательным и не заметил в кучках разбросанной по округе соломы эту ловушку. Такое нехитрое приспособление огненноголовых учили делать ещё в детстве. Пара досок пробивалась насквозь гвоздями и их клали стык в стык на заранее выкопанную яму. Когда человек наступал на них, его нога проваливалась и под тяжестью тела доски складывались, вонзая в конечность гвозди, зажимая её с двух сторон.

— Они здесь! — взревел Тарат, было очевидно, что эта ловушка была рукотворной. Он подошел к одной из кучек соломы и разворошил её саблей, как он и предполагал, в ней оказалась еще одна подобная заготовка. Скорее всего, беглецы прятались где-то поблизости.

Воины ринулись обратно в амбар. Оставленный ими упавший с лестницы соплеменник лежал в луже крови, а его горло было перерезано от уха до уха. Скорее всего, враги прятались на втором этаже.

— Трусливый пёс Шинн! Выходи и бейся как мужчина! — взревел Тарат, но ему никто не ответил, лишь с улицы доносились завывания и ругань Мегена, пытавшегося вытащить свою ногу из ямы-ловушки. Воины рассредоточились по помещению, их взоры были обращены на второй этаж, беглецы могли прятаться только там. Кому-то нужно было лезть вверх, но никто не хотел делать это первым. Неожиданно висевшая в центре подъёмная платформа с шумом полетела вниз. Ялт успел отскочить в сторону, и вся конструкция рухнула в шаг от него, разбрасывая в стороны облако кукурузной муки. Огненноголовые инстинктивно прикрыли лица ладонями, и в этот момент Тарат заметил мелькнувший силуэт, он интуитивно выставил вперед оружие и парировал молниеносный удар нападавшего. Одновременно с этим со второго этажа вниз спрыгнул воин и своим мечом разрубил от плеча по пояса зазевавшегося внизу противника. Ялт среагировал на это мощным взмахом молота. Удар был настолько сильным, что противник пролетел несколько шагов, перевернулся навзничь и затих на земле. В воздухе промелькнуло что-то блестящее, но здоровяк успел прикрыться рукоятью оружия, в которую с характерным звоном воткнулся кинжал. Второй кинжал полетел следом, но Ялт успел лишь, прикрывая шею, подставить плечо. Метательный снаряд вошел в плоть на половину клинка. Здоровяк взревел как буйвол и с разворота махнул своим молотом, ни в кого не попал и быстро отступил под настил второго этажа.

Огненноголовые не ожидали такого яростного сопротивления и засаду как минимум из трёх человек. Они ждали быстрой расправы над мальчишкой и полуживым воином, но явно недооценили силы последних. Мучная пыль рассеялась, и Тарат смог рассмотреть нападавшего, это был Шинн, он прятался в подвале, вход в который был искусно спрятан. Воины были здесь второй раз, но так и не смогли заметить его. Беглец сделал резкий выпад, но Тарату с трудом удалось его парировать. В одной руке он держал саблю, а во второй топор бедолаги, так неудачно упавшего с лестницы. Ялт перехватил свой молот одной рукой и, раскручиваясь вокруг своей оси, вращал свое оружие. С одной рукой у него это получалось весьма неуклюже, и Шинн легко уходил от ударов. Сейчас он словно танцевал, легко нанося удар за ударом. Что придавало ему силы? Жажда мести, гнев или безысходность. Загнанный в угол беглец сражался яростно и беспощадно. Молниеносное вращение, и Ялт припал на одно колено с перерезанными сухожилиями на правой ноге. Удар второй рукой, и сабля

оставила глубокий порез на лице Тарата. Вращение вокруг своей оси, и топор с хрустом ломающегося позвоночника вошёл сзади в шею здоровяка. Преследователи оказались в роли жертв, и впервые за долгие годы Тарат испытал страх. Он смотрел сейчас не на Шинна, он смотрел на свою смерть, которая с каждым ударом сабли приближалась все ближе. Противник отвел удар своим топором, раскрывая огненноголового для контратаки, и, присев, рубанул саблей, вспарывая живот Тарата так же легко, как кухарка своим ножом разрезает брюшко рыбе. Не пытаясь насладиться триумфом победы, Шинн взмахнул топором, раскалывая череп своего врага напополам. Всё было кончено. Притт осторожно выглядывал со второго этажа, не веря, что их план удался. Шинн целенаправленно зашагал к выходу. Во дворе оставшийся в живых Меген ковылял к гревшимся на солнце ящерицам, волоча раненую ногу по земле. Увидев, кто вышел из амбара, он ускорился, но вскоре поняв, что ему не удастся ускользнуть, рухнул на землю.

— Умоляю, пощади! — взмолился он, упав на колени, — я этого не хотел! Это всё Тарат! Я никому не скажу, что мы видели тебя!

Шинн быстрым шагом сокращал расстояние.

— Не уби... —

Сабля пронзила горло Мегена, маленьким фонтаном разбрызгивая кровь из артерии.

—..вай... — прошептал воин, и жизненная сила навсегда покинула его тело.

Внезапный порыв ветра принёс прохладу, развевая разноцветные ленты, вплетённые в косички Шинна. Опытный воин понял это как знак того, что сам Волинд сегодня был его покровителем. Он сложил ладони на лбу и задал богу вопрос. Так он делал не первый раз в своей жизни и всегда ловил божественные знаки. Неожиданно ветер усилился, и одна из лент, оторвавшись спланировала, на землю. Шинн заметил это и принял решение. Он торопливо вернулся в амбар. Притт находился в самом углу, склонившись над телом сына мясника.

Мальчишка лежал на земле и задыхался. Его кираса была вдавлена внутрь. Беглого взгляда хватало на то, чтобы понять всё о характере повреждений. Ребра были сломаны, и их осколки вошли в легкое, изо рта Верта шла кровавая пена, а его глаза были широко раскрыты.

— Я... я убил его? — прерывисто дыша и хрипя, спросил он.

— Да, Верт! — всхлипнул Притт, и из его глаз брызнули слёзы. Они текли по грязным щекам как горные лавины, смывая за собой дорожную пыль. Мальчишка размазывал их кулаками, но новые капли скатывались по тем же дорожкам.

— Ты спас нам жизни, — Шинн присел рядом и взял умирающего за руку, если бы ты не рассказал нам про этот подвал, мы бы сами его не смогли найти.

— Стак... прятал там... семейные запасы... Старик Стак... я говорил ему бежать... я умолял их... но они надеялись... я вернулся за ней... за его дочкой... но было поздно... если бы я остался, то может быть... — отрывисто выплевывал фразы юноша, затихая с каждым словом.

— Ты сделал всё правильно, ты — настоящий воин, — Шинн коснулся шеи парня. Он своими пальцами опустил его веки, закрывая мертвецу глаза, и поднялся на ноги.

— Он умер? — Притт уже ревел вовсю, старый воин впервые видел этого обычно выдержанного и не по годам хладнокровного мальчугана в таком виде.

— Пойдем, — тихо произнёс он, — нам нужно уходить в лес.

— А как же он? Похоронить? — глотая слезы, спросил мальчуган.

— У нас нет времени на это. Мы почтим его память как настоящего воина. Это всё что мы можем для него сделать... Не забудь захватить свои кинжалы, они тебе ещё пригодятся.

Шинн быстро обшарил тела убитых соплеменников в поисках денег или ценных вещей. Его добыча была небогатой — лишь пара золотых монет. Тогда он начал собирать оружие, его в случае необходимости беглецы могли продать кому-нибудь или обменять на еду. Во дворе паслись ящерицы, а значит можно было не стеснять себя в вещах, верхом будет гораздо проще передвигаться. Наклонившись за саблей, воин заметил блеск между половых досок. Поковырявшись в щели ножом, ему не без усилий удалось поддеть предмет. Обтерев его от пыли и паутины, он вынес его на свет, это была брошь в форме головы морского дракона с двумя красными драгоценными камнями вместо глаз. Такое украшение стоило приличную сумму. Шинн спрятал находку и понёс найденное оружие на улицу. Нужно было поскорее убираться из этого места.

Притт открыл глаза. Прямо перед ним сидел Шинн, в одной руке он держал одну из своих косичек, а в другой сжимал нож. Он отрезал свои волосы и бросал их в огонь. Вскоре на голове остались лишь клочки некогда пышной шевелюры. Старый воин достал из костра горящую палку и начал водить ею по голове. Запахло паленой костью, и вскоре голова Шинна была полностью лишена волос. Он провёл по лысине ладонью, стряхивая пепел, и наконец заметил, что Притт внимательно за ним наблюдает.

— Это ты сделал, чтобы лишний раз не привлекать внимание? — догадался мальчишка.

— Нет, — холодно возразил воин, — я сжёг цвета клана Равей и огненные волосы. Теперь я не огненноголовый и не принадлежу к семье Равей. Для моих родичей я больше не существую, они не могут отвечать за мои поступки, а я за их. Теперь я Шинн Дарей — отречённый. Я волен поступать как я хочу.

— И чего же ты хочешь?

— Я хочу убить того, кого я оберегал и воспитывал. Я жажду смерти Иль Равей!

Глава 31. Холодный расчёт

Бриару казалось, что это была одна из самых длинных ночей в его бессмертной жизни. Он со своими спутниками успел подвергнуться нападению наёмного убийцы, который в итоге оказался сыном Двух баронов, внедрённым в секретную организацию. Затем ему удалось разоблачить лже-стражников и убить их, но потерять при этом Гану. Вернуться в харчевню и выпытать у её хозяина имя, которое должно было стать ниточкой, ведущей к пропавшей девушке, а затем наконец-то попасть на аудиенцию к Двум баронам, которые уже изрядно заждались. Сейчас Бриар обсудил с ними все основные вопросы и готовился уходить, когда вдруг вспомнил о ещё одной очень важной

Бриару казалось, что это была одна из самых длинных ночей в его бессмертной жизни. Он со своими спутниками успел подвергнуться нападению наёмного убийцы, который в итоге оказался сыном Двух баронов, внедрённым в секретную организацию. Затем ему удалось разоблачить лже-стражников и убить их, но потерять при этом Гану. Вернуться в харчевню и выпытать у её хозяина имя, которое должно было стать ниточкой, ведущей к пропавшей девушке, а затем наконец-то попасть на аудиенцию к Двум баронам, которые уже изрядно заждались. Сейчас Бриар обсудил с ними все основные вопросы и готовился уходить, когда вдруг вспомнил о ещё одной очень важной теме, без рассмотрения которой он не имел права покидать тронный зал.

— Я чуть не забыл ещё об одном деле, требующем неотлагательного разрешения, — дипломатично начал Бриар, понимая, что это очень деликатная тема, — дело в том, что в ваших лесах скрывается группа людей...

— Да, они давно стали для нас как чирей на мягком месте, — младший брат говорил это с долей сарказма, — мы не можем их изловить, а они грабят людей, что проезжают по лесным дорогам. Многим приходится делать большие объездные пути. Бриар, ты знаешь, как разрешить эту проблему?

— Конечно, — оптимистично ответил бессмертный воин, — нужно помиловать этих людей, и разбой прекратится.

— Это проблематично, — хохотнул старший брат, — дело в том, что предводитель этих голодранцев... как его?

Братья переглянулись, видимо, ища подсказки друг у друга, но выражение их лиц говорило о том, что имя, которое они пытались вспомнить, относилось к категории второстепенных. Обычно информацию такого рода трудно вспомнить, она постоянно ускользает от сознания, потому что напрямую не создает проблем и не является личной угрозой.

— Его зовут Гилрой, — выждав деликатную паузу, подсказал Бриар.

— Да, Гилрой. Дело в том, что он обладает определёнными качествами и они не нравятся местным мужчинам. Может быть, всё сложилось бы для него иначе, но на него положила глаз жена начальника городской стражи.

— Я слышал, что она весьма недурна, — усмехнулся воин, понимая, в какую пикантную сторону движется беседа.

Он лучше других знал о способностях своего гвардейца и был наслышан о большом количестве его походов. Гилрой был отличным воином, надёжным другом и гениальным

инженером, но у него была одна особенность, о которой могли мечтать многие мужчины. Луна наделила его властью над женщинами, ему не нужно было ничего делать для того, чтобы сердца прекрасных дам при виде Гилроя начинали биться чаще. Они все, от мала до велика, без памяти влюблялись в него, стоило ему лишь постоять рядом хотя бы минуту. С одной стороны это был хороший дар, но с другой он же и являлся проклятьем, не раз и не два приводившем своего обладателя в неловкие ситуации и создававшим угрозу его жизни.

— Это верно! Она у него дама молодая и горячая, — братья засмеялись и переглянулись, вспоминая какой-то известный только им момент.

— В чём же загвоздка? — Бриар попытался поторопить баронов, заливавшихся смехом.

— Некоторые языки говорят, — начал рассказывать сквозь смех младший брат, — ещё раз подчёркиваю: ходят слухи, что в один из вечеров Гилрой, пользуясь отсутствием дома нашего отважного начальника стражи, посетил его молодую супругу. И судя по всему, делал он это не один раз. Однажды всё же он был застигнут на месте преступления, но пинками выгнал за дверь разъярённого супруга, закрыл за ним дверь и, закончив своё дело, удалился через окно!

— Наш Тюри, начальник городской стражи, такой обиды не стерпел, и, придумав обвинения, которые бы не касались чести его супруги, тут же поднял своих людей и ворвался в дом к Гилрою, — подхватил рассказ своего брата Гюшон, — но они были биты, а самому герою-любовнику удалось бежать.

— Это не красит подготовку нашей стражи, но с человеческой стороны понять Тюри можно...

— Да здесь каждого можно понять, — хохотнул Гюшон, — ты же видел его горячую жёнушку, она строит глазки всем подряд!

— Но самое главное — пока разъярённый муж получал тумаки, а потом заливал своё горе вином в таверне, Гилрой вернулся к нему домой и на прощание ещё раз полюбезничал с его супругой!

Братья снова залились смехом, а когда успокоились, переглянувшись, снова загоготали, словно вспомнили очередную историю с участием этой дамы, о которой знали только они и она.

— Мы бы могли его помиловать, но всё же здесь задета часть нашей городской стражи, поиск и поимка преступников — это их работа, — старший из баронов нашёл в себе силы успокоить свой смех и вернуться к теме разговора.

Бриар тяжело вздохнул, Гилрой и раньше приносил проблемы, но его не стоило в этом винить. Дар матери Луны делал его привлекательным абсолютно для всех женщин, а порой бывает так тяжело сдерживать себя, когда вокруг сплошные соблазны.

— Мы не можем вмешиваться в столь деликатный вопрос, — продолжил за своего брата Гюшон, но нам было бы гораздо легче, если бы данная проблема исчезла. Дело в том, что беглецы раньше не были организованы, они просто прятались по лесам, а Гилрой сумел их объединить, обучить и стать их настоящим вожаком.

— Тюри и Гилрой превратили лесные дороги в часть личной мести: один грабит проезжающих мимо людей, давая тем самым оплеухи начальнику стражи, а второй пытается его поймать, впрочем, безуспешно, тратя на это лишь время и силы.

— Вы видели его? — старший брат указал могучей рукой, закованной в латы на вход, намекая на стоящего за ней начальника городской стражи, — бедолага выглядит совсем измождённым. В этой дуэли он определённо проигрывает.

— У меня есть решение вашей проблемы, — пока Бриар слушал баронов, в его голове уже появился изящный план, и он лишь ждал, когда братья-великаны закончат веселиться и будут готовы к серьёзному разговору, — нужно даровать всем лесным грабителям прощение в связи с грядущей войной. Гилрой — гениальный инженер, и он нужен мне в столице, но ему не проехать мимо Жандаль незамеченным, а здесь его непременно схватят.

— Может быть, мы помилуем только его? — выдвинул встречное предложение младший брат.

— Без остальных членов своего отряда вернуться он не согласен, я уже обсуждал с ним это, — пояснил твёрдость своей позиции Бриар, — таким образом, приняв это решение, вы раз и навсегда забудете о лесной банде, а я получу своего гвардейца. Он мне очень нужен. Я обещаю, что в вашем городе Гилрой больше никогда не появится, а если Тюри так уж хочется свести счёты с этим ловеласом, пусть делает это за пределами Жандаль.

— Неплохая идея, — одновременно произнёс каждый из баронов. Похоже что эта тема им изрядно надоела, и они были рады найти красивый выход из данной ситуации.

— Кстати, действительно, впереди война, может быть нам объявить для некоторых преступников амнистию на наших условиях? — сделал внезапное предложение младший брат.

— Нужно обдумать детали, — согласился с ним старший и тут же обратился к Бриару: «Я надеюсь, что все решения, принятые нами сегодня, принесут успех.»

— Я уверен, что так и будет, — бессмертный воин в почтении склонил голову.

— Отправляйтесь с нашим сыном и разыщите свою пропажу. От ваших поисков зависит наше будущее, — бароны встали со своего трона, что в присутствии гостей практически никогда не делали.

Своими пропорциями, не характерными для обычных людей, они практически достигали размеров горных великанов. Братья подошли к бессмертному воину и обменялись рукопожатиями.

— Мы будем ждать от вас вестей. Судьба Жандаль и всего континента в ваших руках.

Небольшой отряд из трёх человек шёл по внутреннему дворику замка Жандаль. Риот и Бриар не доверяли Лавалю, отчасти своими проблемами они были обязаны этому парню, ведь именно он проник ночью в комнату к Гане. Отвлёк одного из воинов на погоню... Бриару казалось, что бароны приставили к ним своего сына именно для того, чтобы он следил за ними и своевременно докладывал. Этих параноидальных близнецов, деливших одно тело на двоих, можно было понять. Они пережили несколько покушений и старались максимально обезопасить себя. То, что они раскрыли тайну своего сына, это был аванс, который заплатили Гюшон и Ролье за доверие двух гвардейцев. Начальник городской стражи — Тюри, получив для себя подробные инструкции, не скрывая своего раздражения, отправился выполнять приказ. Бессмертному воину даже стало немного его жаль, ведь разрываться между задачами по охране города и жены — это нелёгкий выбор без выбора.

— Где ты взял такой интересный кинжал? — поинтересовался Бриар, но вопрос его не имел праздного характера, поддерживать светскую беседу в его планы не входило.

— Мне он достался от матери, — улыбнулся заносчивый юнец и мечтательно посмотрел куда-то вдаль, словно вспомнил приятный момент из своей жизни, — вам тоже он понравился? Его зовут Сабьер, с самого детства он был моим единственным другом. Знаете ли, в замке не так много друзей у ребёнка. Особенно если ты сын хозяина замка.

Именно мой кинжал воспитал во мне жажду приключений и любовь к хорошей драке.

— Ты знаешь, что это не простое оружие? — бессмертный воин поймал на себе взгляд Риота, красноречиво свидетельствующий о том, что он давно об этом догадался. Видимо, после случая с допросом хозяина харчевни это стало для него очевидным.

— Конечно! Это чертовски удобный кинжал! — продолжал свою браваду молодой член тайной организации наёмных убийц.

— Это оружие сделано из лунного камня. Теперь я могу говорить об этом совершенно точно, — словно не замечая ответа дерзкого юнца, продолжил свою поучительную речь Бриар.

— Не может этого быть?! — Лаваль остановился и, достав свой кинжал из ножен, принялся его рассматривать, словно видел впервые, — но он же обычный?!

— Ты знаешь о том, что на свете существует оружие, выкованное из плоти матери Луны?

— Конечно, это все знают, но я думал, что это обычные детские сказки. С чего вы взяли, что этот кинжал не простой? — Лаваль выглядел настороженно, словно сейчас торговался на рынке с человеком, который пытался толкнуть ему за хорошую цену некачественный товар.

— Когда любой человек, отмеченный дланью Луны, касается оружия из её плоти, он начинает терять рассудок. Чем дольше он соприкасается с таким предметом, тем сильнее воздействие, — неожиданно вмешался в беседу Риот, — я заметил в прошлый раз, когда Бриар допрашивал трактирщика, что он стал вести себя не как обычно. Он получал удовольствие от того, что поил чужой кровью лезвие твоего Сабьера. И если бы я его не остановил, боюсь, он мог порезать беднягу на тысячу кожаных лоскутков.

— Но почему я никогда не чувствовал подобного воздействия? — молодой человек выглядел совершенно потерянным.

— Потому что ты обычный человек, а на вас такие предметы действуют по-другому: вы становитесь, быстрее, сильнее, профессиональнее... Человек начинает сражаться наравне с опытным воином, хотя только неделю назад взял в руки меч. Или у него появляются особенные возможности. Чем дольше длится воздействие, тем сильнее эффект. Такое оружие становится частью тебя... — закончил свою поучительную историю Риот.

— Вы хотите сказать, что всем своим умениям я обязан лишь своему кинжалу? — скептически возразил молодой человек.

— В большей степени, — совсем просто ответил Бриар, он не собирался никого переубеждать или доказывать правоту своих выводов, — прими это как мужчина и не теряй своего кинжала, потому что чем дольше будет расставание, тем быстрее станут угасать твои навыки.

Молодой человек некоторое время шёл молча, обдумывая полученную информацию.

— Отправляя тебя в стан «Чёрных повязок», бароны рисковали твоей жизнью, разве они не боятся потерять собственного сына? — прервал наступившую тишину Риот.

— Единственное, что боятся потерять мои отцы, — это власть, — Лаваль сейчас избавился от присущих ему шуточных интонаций. — Кто может быть более преданным, чем собственные дети, ждущие своей очереди на трон? Только незаконнорожденный сын, который не претендует даже на место в тронном зале.

теме, без рассмотрения которой он не имел права покидать тронный зал.

— Я чуть не забыл ещё об одном деле, которое требует неотлагательного решения, —

дипломатично начал Бриар, понимая, что это очень деликатная тема, — дело в том, что в ваших лесах скрывается группа людей...

— Да, они давно стали для нас как чирей на мягком месте, — младший брат говорил это с долей сарказма, — мы не можем их изловить, а они грабят людей, что проезжают по лесным дорогам. Многим приходится делать большие объездные пути. Бриар, ты знаешь, как разрешить эту проблему?

— Конечно, — оптимистично ответил бессмертный воин, — нужно помиловать этих людей, и разбой прекратится.

— Это проблематично, — хохотнул старший брат, — дело в том, что предводитель этих голодранцев... как его?

Братья переглянулись, видимо, ища подсказки друг у друга, но выражение их лиц говорило о том, что имя, которое они пытались вспомнить, относилось к категории второстепенных. Обычно информацию такого рода трудно вспомнить, она постоянно ускользает от сознания, потому что напрямую не создает проблем и не является личной угрозой.

— Его зовут Гилрой, — выждав деликатную паузу, подсказал Бриар.

— Да, Гилрой. Дело в том, что он обладает определёнными качествами, которые не нравятся местным мужчинам. И может быть, всё сложилось бы для него иначе, но на него положила глаз жена начальника городской стражи.

— Я слышал, что она весьма недурна, — усмехнулся воин, понимая, в какую пикантную сторону движется беседа.

Он лучше других знал о способностях своего гвардейца и был наслышан о большом количестве его походов. Гилрой был отличным воином, надёжным другом и гениальным инженером, но у него была одна особенность, о которой могли только мечтать многие мужчины. Луна наделила его властью над женщинами, ему не нужно было ничего делать для того, чтобы сердца прекрасных дам при виде Гилроя начинали биться чаще. Они все, от мала до велика, без памяти влюблялись в него, стоило ему лишь постоять рядом хотя бы минуту. С одной стороны это был хороший дар, но с другой он же и являлся проклятием, которое не раз и не два приводило своего обладателя в неловкие ситуации или создавало угрозу его жизни.

— Это верно! Она у него дама молодая и горячая, — братья засмеялись и переглянулись, вспоминая какой-то известный только им момент.

— В чём же загвоздка? — Бриар попытался поторопить баронов, которые заливались смехом и никак не могли остановиться.

— Некоторые языки говорят, — начал рассказывать сквозь смех младший брат, — ещё раз подчеркиваю: ходят слухи, что в один из вечеров Гилрой, пользуясь отсутствием дома нашего отважного начальника стражи, посетил его молодую супругу. И судя по всему, делал он это не один раз. Однажды всё же он был застигнут на месте преступления, но пинками выгнал за дверь разъярённого супруга, закрыл за ним дверь и, закончив своё дело, удалился через окно!

— Наш Тюри, начальник городской стражи, такой обиды не стерпел, и, придумав обвинения, которые бы не касались чести его супруги, тут же поднял стражу и ворвался в дом к Гилрою, — подхватил рассказ своего брата Гюшон, — но они были биты, а самому герою-любовнику удалось бежать.

— Это не красит подготовку нашей стражи, но с человеческой стороны понять Тюри можно...

— Да здесь каждого можно понять, — хохотнул Гюшон, — ты же видел его горячую жёнушку, она строит глазки всем подряд!

— Но самое главное — пока разъярённый муж получал тумачи, а потом заливал своё горе вином в таверне, Гилрой вернулся к нему домой и на прощание ещё раз полюбезничал с его супругой!

Братья снова залились смехом, а когда успокоились, переглянувшись, снова загоготали, словно вспомнили очередную историю с участием этой дамы, о которой знали только они и она.

— Мы бы могли его помиловать, но всё же здесь задета часть нашей городской стражи, поиск и поимка преступников — это их работа, — старший из баронов нашёл в себе силы успокоить свой смех и вернуться к теме разговора.

Бриар тяжело вздохнул, Гилрой и раньше приносил проблемы, но его не стоило в этом винить. Дар матери Луны делал его привлекательным абсолютно для всех женщин, а порой бывает так тяжело сдерживать себя, когда вокруг сплошные соблазны.

— Мы не можем вмешиваться в столь деликатный вопрос, — продолжил за своего брата Гюшон, но нам было бы гораздо легче, если бы данная проблема исчезла. Дело в том, что беглецы раньше не были организованы, они просто прятались по лесам, а Гилрой сумел их объединить, обучить и стать их настоящим вожаком.

— Тюри и Гилрой превратили лесные дороги в часть личной мести: один грабит проезжающих мимо людей, давая тем самым оплеухи начальнику стражи, а второй пытается его поймать, впрочем, безуспешно, тратя на это лишь время и силы.

— Вы видели его? — старший брат указал могучей рукой, закованной в латы на вход, намекая на стоящего за ней начальника городской стражи, — бедолага выглядит совсем измождённым. В этой дуэли он определённо проигрывает.

— У меня есть решение вашей проблемы, — пока Бриар слушал баронов, в его голове уже появился изящный план, и он лишь ждал, когда братья-великаны закончат веселиться и будут готовы к серьёзному разговору, — нужно даровать всем лесным грабителям прощение в связи с грядущей войной. Гилрой — гениальный инженер, и он нужен мне в столице, но ему не проехать мимо Жандаль незамеченным, а здесь его непременно схватят.

— Может быть, мы помилуем только его? — выдвинул встречное предложение младший брат.

— Без остальных членов своего отряда вернуться он не согласен, я уже обсуждал с ним это, — пояснил твёрдость своей позиции Бриар, — таким образом, приняв это решение, вы раз и навсегда забудете о лесной банде, а я получу своего гвардейца, который так нужен мне. Я обещаю, что в вашем городе Гилрой больше никогда не появится, а если Тюри так уж хочется свести счёты с этим ловеласом, пусть делает это за пределами Жандаль.

— Неплохая идея, — одновременно произнёс каждый из баронов. Похоже что эта тема им изрядно надоела, и они были рады найти красивый выход из данной ситуации.

— Кстати, действительно, впереди война, может быть нам объявить для некоторых преступников амнистию на наших условиях? — сделал внезапное предложение младший брат.

— Нужно обдумать детали, — согласился с ним старший и тут же обратился к Бриару: «Я надеюсь, что все наши решения, которые мы приняли, принесут нам успех.»

— Я уверен, что так и будет, — бессмертный воин в почтении склонил голову.

— Отправляйтесь с нашим сыном и разыщите свою пропажу. От ваших поисков зависит

наше будущее, — бароны встали со своего трона, что в присутствии гостей практически никогда не делали.

Своими пропорциями, не характерными для обычных людей, они практически достигали размеров горных великанов. Братья подошли к бессмертному воину и обменялись рукопожатиями.

— Мы будем ждать от вас вестей. Судьба Жандаль и всего континента в ваших руках.

Небольшой отряд из трёх человек шёл по внутреннему дворику замка Жандаль. Риот и Бриар не доверяли Лавалю, отчасти своими проблемами они были обязаны этому парню, ведь именно он проник ночью в комнату к Гане. Отвлёк одного из воинов на погоню... Бриару казалось, что бароны приставили к ним своего сына именно для того, чтобы он следил за ними и своевременно докладывал. Этих параноидальных близнецов, деливших одно тело на двоих, можно было понять. Они пережили несколько покушений и старались максимально обезопасить себя. То, что они раскрыли тайну своего сына, это был аванс, который заплатили Гюшон и Ролье за доверие двух гвардейцев. Начальник городской стражи — Тюри, получив для себя подробные инструкции, не скрывая своего раздражения, отправился выполнять приказ. Бессмертному воину даже стало немного его жаль, ведь разрываться между задачами по охране города и жены — это нелёгкий выбор без выбора.

— Где ты взял такой интересный кинжал? — поинтересовался Бриар, но вопрос его не имел праздного характера, поддерживать светскую беседу в его планы не входило.

— Мне он достался от матери, — улыбнулся заносчивый юнец и мечтательно посмотрел куда-то вдаль, словно вспомнил приятный момент из своей жизни, — вам тоже он понравился? Его зовут Сабьер, с самого детства он был моим единственным другом. Знаете ли, в замке не так много друзей у ребёнка. Особенно если ты сын хозяина замка. Именно мой кинжал воспитал во мне жажду приключений и любовь к хорошей драке.

— Ты знаешь, что это не простое оружие? — бессмертный воин поймал на себе взгляд Риота, который красноречиво свидетельствовал о том, что он давно об этом догадался. Видимо, после случая с допросом хозяина харчевни это стало для него очевидным.

— Конечно! Это чертовски удобный кинжал! — продолжал свою браваду молодой член тайной организации наёмных убийц.

— Это оружие сделано из лунного камня. Теперь я могу говорить об этом совершенно точно, — словно не замечая ответа дерзкого юнца, продолжил свою поучительную речь Бриар.

— Не может этого быть?! — Лаваль остановился и, достав свой кинжал из ножен, принялся его рассматривать, словно видел впервые, — но он же обычный?!

— Ты знаешь о том, что на свете существует оружие, выкованное из плоти матери Луны?

— Конечно, это все знают, но я думал, что это обычные детские сказки. С чего вы взяли, что этот кинжал не простой? — Лаваль выглядел настороженно, словно сейчас торговался на рынке с человеком, который пытался толкнуть ему за хорошую цену некачественный товар.

— Когда любой человек, отмеченный дланью Луны, касается оружия из её плоти, он начинает терять рассудок. Чем дольше он соприкасается с таким предметом, тем сильнее воздействие, — неожиданно вмешался в беседу Риот, — я заметил в прошлый раз, когда Бриар допрашивал трактирщика, что он стал вести себя не как обычно. Он получал

удовольствие от того, что поил чужой кровью лезвие твоего Сабьера. И если бы я его не остановил, боюсь, он мог порезать беднягу на тысячу кожаных лоскутков.

— Но почему я никогда не чувствовал подобного воздействия? — молодой человек выглядел совершенно потерянным.

— Потому что ты обычный человек, а на вас такие предметы действуют по-другому: вы становитесь, быстрее, сильнее, профессиональнее... Человек начинает сражаться наравне с опытным воином, хотя только неделю назад взял в руки меч. Или у него появляются особенные возможности. Чем дольше длится воздействие, тем сильнее эффект. Такое оружие становится частью тебя... — закончил свою поучительную историю Риот.

— Вы хотите сказать, что всем своим умениям я обязан лишь своему кинжалу? — скептически возразил молодой человек.

— В большей степени, — совсем просто ответил Бриар, он не собирался никого переубедить или доказывать правоту своих выводов, — прими это как мужчина и не теряй своего кинжала, потому что чем дольше будет расставание, тем быстрее станут угасать твои навыки.

Молодой человек некоторое время шёл молча, обдумывая полученную информацию.

— Отправляя тебя в стан «Чёрных повязок», бароны рисковали твоей жизнью, разве они не боятся потерять собственного сына? — прервал наступившую тишину Риот.

— Единственное, что боятся потерять мои отцы, — это власть, — Лаваль сейчас избавился от присущих ему шутливых интонаций. — Кто может быть более преданным, чем собственные дети, ждущие своей очереди на трон? Только незаконнорожденный сын, который не претендует даже на место в тронном зале.

Глава 32. Чужой лес

Шинн и не думал, что, имея такой богатый жизненный опыт, ему придётся многому научиться у мальчишки с восточных земель. Он был рождён в степи, и в лесу чувствовал себя очень не уютно, а мальчишка ориентировался в бесконечном скоплении деревьев, как в собственной хижине. Вскоре и воин научился идти, не ломая ветки и не оставляя лишних отметин на земле, покрытой слоем гниющей листвы. Они уже несколько дней шли пешком. На одной из стоянок Притт плохо привязал гаркха, и ящер убежал, унеся с собой почти все припасы, а тех, что у них осталось, хватило ненадолго. Сейчас двум путникам приходилось питаться ягодами и орехами. Один раз мальчишке удалось заметить птичье гнездо, разорив которое он стал обладателем дюжины яиц. Шинн проглотил их в один момент, и ему показалось, что за последнюю неделю это было самым вкусным из того, что доводилось есть. Он привык к походной жизни, но плен, ранения и плохое питание сильно ослабили его тело. Он осунулся, похудел, а обритое лицо стало выглядеть шире из-за проступивших скул. В другой раз мальчишка сварил странную похлёбку из кореньев, трав и коры. В тот момент, когда воин сделал первый глоток этого варева, он решил, что пьёт обычную болотную жижу, но выбирать было не из чего. По крайней мере, после этой трапезы живот его был полон, а еда не просилась наружу. Сломанные рёбра всё ещё ныли при ходьбе, поэтому на привалах он просил Притта затягивать потуже повязки, сжимавшие грудную клетку. Лес казался бесконечным, и в один из дней старый воин поинтересовался, а точно ли мальчишка знает, куда они идут? Но парень был невозмутим и ответил, что дня через три они выйдут к первому селению.

Проходя мимо кустарника, Шинн заметил на нём странные синие ягоды, он сорвал пригоршню и понюхал. Плоды обладали сладковатым ароматом, и организм среагировал на этот запах обильным слюноотделением.

— Это можно есть? — обратился он к своему проводнику.

Мальчишка, не сбавляя шаг, обернулся, посмотрел на содержимое ладони воина и утвердительно кивнул головой. Воин тут же отправил ягоды в рот и принялся жевать. Они лопались на языке, оказавшись вязкими и кислыми на вкус. Голод был сильнее кулинарных предпочтений, воин морщился, но ел. Шинн на ходу торопливо срывал ягоды горстями, отправляя их в рот. Сейчас их путь как раз проходил мимо зарослей этого обильно плодоносившего кустарника.

— А ты почему их не ешь? — спросил воин парнишку, усиленно пережёвывая очередную порцию плодов.

Последний раз они ели какие-то грибы часов шесть назад, и даже привыкший к лишениям и походам старый солдат уже едва сдерживал свой голод.

— Да язык синим станет, — по-простому ответил мальчишка.

Шинн глянул на свои руки, они действительно окрасились в синий цвет под действием ягодного сока. Это его несколько не смутило, и он отправил ещё одну горсть в рот. Ладони всегда можно отмыть, а вот набить желудок получалось не всегда. Если уж встречаться с врагом, то лучше, чтобы на это были силы: сражаться изможденным от голода гораздо сложнее.

— Они ещё вяжут во рту, словно старая графиня рукодельничает для своего

муженька, — после небольшой паузы, словно вспомнив ещё одно качество ягод, продолжил перечисление мальчишка.

Воину иногда доставляло удовольствие слушать высказывания мальчика, возможно, по своей простоте и недалёкости ему иногда удавалось выдавать такие фразы, которые могли поднять настроение даже в самой безнадёжной ситуации. Хотя, может быть, он делал это специально, ведь не зря паренёк так часто упоминал свой балаган, с которым исколесил все восточные земли? Возможно, он действительно был отличным скоморохом и пользовался успехом у публики.

— Ну и с них потом неделю нужду не справить, — закончил свой рассказ о странных синих ягодах Притт.

Шинн поперхнулся, подавившись пережеванной кашницей из плодов, и выплюнул всё на землю.

— Ты почему мне сразу об этом не сказал? — воин догнал паренька и вопросительно посмотрел на него, тыльной стороной ладони отирая рот.

Тот остановился и смотрел на своего старшего товарища недоумевающим взглядом.

— Вы же спросили, съедобные эти ягоды или нет... Я сразу ответил. Их есть можно, никто ещё не умирал, хотя если питаться только ими, может...

Шинн прервал мальчишку жестом руки. Он учуял запах дыма значит, где-то неподалёку горел костёр, и были люди. Притт без слов понял своего старшего наставника, и они вдвоём стали красться в сторону мелькавшего между деревьями пламени.

С тех пор, как им удалось победить семью оборотней, прошло несколько дней. Больше всего Нила расстраивало, что во время погони повозка сломалась, а кони сбежали. Пешая лесная прогулка с детьми и вещами на плечах казалась ему бесконечной. Практически все пожитки пришлось оставить на месте крушения, с собой взяли только самое необходимое. Хорошо, что Адонис остался с ними: зверолод каждый вечер на привале убегал куда-то в чащу, и всегда возвращался с пойманной дичью. Лотта, несмотря на свой юный возраст, была отличной хозяйкой и готовила из его добычи отменные похлёбки.

Сейчас дети спали, а у костра сидели старик Радобор, Нилус и Адонис. Зверолод всегда старался держаться подальше от огня, смотря на языки пламени из-за спин людей. Все были сыты и довольны. Пока всё складывалось для группы путников благополучно. Хищники если и водились в лесу, то чуяли вторую сущность Адониса и старались не приближаться к людям близко. Волею судьбы, а может быть благодаря проведению матери Луны они однажды встретились и были живы только благодаря этому факту. Нил уже несколько раз думал об этом. Что было бы с ним и его сестрой, если бы он, выбираясь из логова культиста, не встретил бы караван беженцев из Лорель? Был ли жив сейчас старик, два шумных сорванца и Лотта, если бы Нил сел в повозку к другой семье? Мог ли он дышать, не окажи Радобор ему помощь во время схватки с главой семьи Рокканов? Что стало бы с Адонисом, прикованным в подвале горящего дома, если бы Нил не вытащил бы его оттуда?

— Шли бы вы спать, ребятки, — прокряхтел старик, снимая с ноги мокасины, — я подежурю.

— Мы как-то на одном из привалов не закончили с тобой одну беседу, — напомнил Нилус, вспоминая о разговоре глубоко въевшемся в память.

Несмотря на целый день, проведённый в пути, спать совершенно не хотелось. Мысли уносили Нила в самые потаённые закоулки его памяти, и он понял, что у него накопилось

множество вопросов, на которые старик Радобор мог дать ответы. Зверолюд резко дёрнулся и посмотрел куда-то во мрак, затем резко вскочил со своего места и убежал. Люди уже привыкли к такому поведению и ничему не удивлялись, скорее всего, через несколько минут он вернётся со своей очередной добычей.

— Спрашивай, — старик вытряхнул набившийся за время дневного похода мусор из своей обуви и вытянул ноги поближе к костру.

— Ты говорил, что тоже сын Луны, расскажи об этом.

Старик задумчиво смотрел на пляски огня и молчал. Юноша не торопил его, изредка подбрасывая в костёр хворост, он терпеливо ждал. Судя по всему, эта тема была непростой для Радобора, и Нил был тактичен, не нарушая его раздумье. Они очень сблизились со стариком, и если назвать его своим родным дедом Нилус не мог, то с полной уверенностью мог назвать его своим другом.

— Ты знаешь, я вроде совсем обычный человек, — медленно начал свой рассказ старик. Юноша понял, что он будет долгим, устроился поудобнее, облокотившись на тюк с вещами.

— Кажется, совсем недавно я был таким же мальчишкой, как и ты. Сколько, думаешь, мне сейчас лет?

— Сто пятьдесят, сто семьдесят... — дёрнул плечами Нил. Обычные люди могли жить до двухсот лет, если их путь не прерывала болезнь или вражеский клинок.

— Мне пятьдесят, но выгляжу я гораздо старше, — ответил Радобор, — я сам медленно убиваю себя. Так было угодно матери Луне. Мне не нужен сон, я прекрасно себя чувствую без него, но моё тело само отравляет себя и стареет. Мне постоянно приходится жевать сбор из трав, чтобы хоть немного отсрочить своё свидание со смертью. Они ядовиты для обычных людей, а мне они продлевают жизнь. Но моя слюна смертельна для всего живого. Ты видел, как дротик, выпущенный мной из трубки в ту женщину из клана Рокканов, свалил её?

— Ты спас тогда мне жизнь, и я всегда буду помнить об этом, — с благодарностью ответил Нил.

— На самом деле он был просто смазан моей слюной... Возможно именно поэтому звери меня сторонятся, не чувят или чувят во мне опасность, стараясь избегать, как люди, обходящие стороной поганки и мухоморы.

На несколько мгновений у костра повисла тишина, и несколько секунд треск горящего хвороста казался чересчур громким.

— Но зато у меня было много ночей, чтобы в совершенстве овладеть большим количеством профессий, я не тратил своё время зря, постоянно обучаясь. Я — плотник, гончар, рыбак, каменщик...

— Слышишь, каменщик, без резких движений, — услышали они грубый мужской голос совсем рядом, — мы вооружены!

Нилус осторожно потянулся за мечом, враги подкрались слишком незаметно. Большим безрассудством было полагаться лишь на чутьё зверолюда, который в самый нужный момент отлучился по своим звериным делам. Беседа ослабила внимание людей, и к ним без труда незамеченными подкрались ночные визитёры.

— Малец, не так быстро, убери руку с рукоятки меча, — скомандовал всё тот же голос.

Из темноты вышел вооружённый мужчина, выглядел он угрожающе, но особой опасности пока не представлял. Если бы он хотел убить отдыхавших у костра людей, то давно бы это сделал.

— Присаживайся, мил человек, — Радобор пригласил незнакомца поближе к огню,

между делом доставая свою деревянную трубочку, о двойном предназначении которой многие знавали лишь перед своей смертью.

— Старик, твой мальчишка глухой или у него проблемы со слухом? — заметил вышедший из леса воин, указывая в сторону Нилуса блеснувшим в темноте лезвием, — я, кажется, сказал ему отпустить рукоять меча.

— Мы не звали тебя, — Нил встал со своего места, не выпуская из рук оружие, достать его из ножен он мог в любой момент, но не хотел торопить события и провоцировать незнакомца, — если тебе нужна помощь или тепло костра, ты можешь просто попросить об этом. Если тебе ничего от нас не нужно, то проходи мимо.

Напряжение нарастало и возможно переросло бы в поединок, но тут из темноты появилась огромная белая морда Адониса. Он медленно шагал в сторону противника, угрожающе рыча и скаля зубы. Человек, вышедший из леса, заметив новую опасность, слегка растерялся, было видно, что он не ожидал увидеть сейчас зверолода.

— Это свои! — раздался мальчишеский голос, и на свет вышел юноша с лохматой копной волос на голове. — Радобор, ты был у нас в Лорель отличным мастером! Узнаёшь меня?

— Притт? — узнал мальчишку старик, — кто твой новый недружелюбный приятель?

— Это Шинн, — не ожидая приглашения, мальчуган плюхнулся около костра и потянулся к нему всеми конечностями и пожаловался: «Совсем ноги промокли, пока по лесу шастали.»

— Тогда пусть Шинн присядет к костру, только сперва спрячет своё оружие, — миролюбиво произнес старик, не выпуская свою трубочку из пальцев и пристально следя за опасным гостем.

Воин буркнул какие-то слова благодарности, убрал саблю в ножны и, пройдя мимо Нилуса, опустился на землю напротив старика. Он с опаской смотрел на огромного волка, который наконец-то вышел на свет и, подойдя вплотную к Притту, положил ему лапу на плечо. Мальчишка обернулся, взвизгнул и бросился на шею зверолода. Такая реакция удивила всех присутствующих.

— Это же Адонис! — воскликнул лохматый мальчуган и, теребя зверолода за ухом, словно дворовую собаку, спросил его: «Дружище, где ты пропадал всё это время?».

Все сидели вокруг костра и доедали остатки вчерашней похлёбки. Дети с любопытством разглядывали ночных визитёров, и если мальчишка у них особого интереса не вызывал, то лысого мужчину они буквально буровили взглядом. Шинн был молчалив, если он и отвечал на вопросы, то делал это короткими однозначными фразами. Функцию рассказчика за него охотно выполнял его юный друг, не замолкая, балаболивший всё утро про героическую защиту Лорель и её падение, давший отдых своим голосовым связкам лишь на время трапезы.

— Он что, синюху ел? — наконец прервал молчание, прерываемое стуком ложек, один из мелких пацанят.

— Ага, — утвердительно кивнул Притт.

— С неё же потом неделю..., - начал было его брат.

— Да замолчите вы! — цыкнул Шинн на мальчишек, тут же испуганно притихших. Спрятавшись за своими мисками они активнее заработавших ложками.

Губы, часть лица под носом и ладони воина почернели от ягодного сока. Даже

маленьким детям было известно воздействие этих плодов на организм.

— Твой друг, хоть и опалил свои волосы, но на местного он совсем не похож, — изрёк старик, методично вытряхивая что-то из небольшой деревянной трубочки и выдувая из неё застрявший мусор.

— А где вы познакомились? — спросила Лотта зверолода, со вчерашней ночи не расстававшегося со своим старым приятелем Приттом.

Юноши проболтали всю ночь, вспоминая былые времена и общих знакомых.

— Мы раньше с ним в балагане вместе были, — за своего друга ответил вездесущий Притт, — когда я там появился, Адонис уже выступал несколько лет.

— Адонис, а почему ты нам ничего про себя не рассказывал? — как капризная девчонка возмутилась Лотта

— Вы вроде бы и не спрашивали, — скромно пояснил тот.

— Его ещё щенком выкупили у какого-то торговца, — ответил за своего старого друга говорливый Притт, — он сам ничего не помнит, слишком маленький был, скажи же?

Подтверждая слова своего приятеля, зверолод кивнул головой: «Меня воспитали в балагане, и вся моя жизнь была сплошным путешествием по западным землям.»

— Ты помнишь своих родителей? — неожиданно спросила Зара, — я вот папу совсем не помню.

— Нет, — безразлично ответил Адонис, — моей семьёй была наша цирковая труппа. Баларок был хорошим хозяином, он всем нам заменял отца.

— Да, казалось, что он умел абсолютно всё и постоянно обучал нас разным артистическим премудростям, — подхватил воспоминания своего приятеля Притт.

— Довольно праздной болтовни, — неожиданно в разговор вмешался Шинн, — я вижу, что ты поел, набрался сил и готов к тренировке.

Воин обратился к Притту и тот сразу же засиял, словно только что получил дорогой подарок. Он вскочил со своего места и подбежал к месту, где лежали вещи путников.

— Что мне взять? Как вчера, топор? — взволновано спросил он своего наставника.

Шинн внимательно посмотрел на своего подопечного, перевёл взгляд на Нилуса и было видно, что он явно что-то задумал.

— Я вижу у тебя на поясе короткий меч, — обратился он к юноше, — ты умеешь с ним обращаться?

— Мой брат лучший воин в округе, — вступилась за своего брата Зара, — он победил уже множество врагов.

Воин засмеялся, но, заметив, что все непонимающе смотрят на него, осёкся.

— И много у тебя было поединков? — спросил он юношу, который казался ему деревенским простачком, который неизвестно где и как завладел оружием. При этом он носил накидку, которую обычно носили зверолоды, но сам не относился к их племени.

— Все, что были, — мои, — уверенно ответил Нил. Ему не было нужды хвалиться своими победами, и хвастовство не было чертой его характера. Он просто знал, что будет и дальше братья за меч, если этого потребует ситуация.

— Тогда не хочешь попрактиковать моего ученика? — спросил воин без какого-либо намёка на иронию, — может быть я смогу тебя научить чему-то или ты удивишь меня, и я узнаю что-то новое.

— Почему бы и нет, — согласился юноша, — наука лишней не бывает. Он встал со своего места и отошёл немного от костра на свободное пространство. Все присутствовавшие

развернулись в эту сторону, предвкушая интересное зрелище. А два маленьких братца схватили по ветке и приготовились фехтовать немного поодаль, подражая старшим товарищам. Шинн отдал свою саблю Притту и кивком головы указал ему место. Мальчишка неуверенно занял позицию.

— Кто так стоит? Ноги согни, как я тебя учил? — начал свои наставления Шинн. Заметив, что юноша собрался и настроился на тренировку, скомандовал: «Ты нападаешь, Нилус обороняется.»

Притт осторожно сделал свой первый выпад, который был без труда парирован. Второй удар тоже был отбит.

— Ты что машешь оружием, словно мух веткой отгоняешь? — закипел наставник, — наноси удары! Настоящие!

Это подстегнуло Притта на более активные действия, он начал концентрироваться на своих действиях, но его оппонент играючи отводил все атаки в сторону, в одно движение оказываясь за спиной своего противника или заставляя того терять равновесие после промаха. Шинн давал советы и указывал на ошибки и, видя, что его ученик уже изрядно устав, так и не достиг успеха, решил показать ему пример.

— Дай сюда оружие, ты увидишь сейчас, что я хочу от тебя добиться. Твоя сабля — это продолжение тебя, если ты хочешь, выжить и победить врага, то должен правильно двигаться и контролировать ход поединка. За первым движением должно идти второе и одно перерастать в другое. Нилус, ты нападаешь.

Юноша кивнул головой и приступил к выполнению задания. Шинн парировал удар за ударом, и это походило на танец, в котором один из партнёров ведёт, а второй лишь вторит движениям. После продолжительной серии ударов воин резко разорвал дистанцию и опустил своё оружие, подавая знак окончания тренировочной схватки.

— А ты действительно хорошо дерёшься, у тебя прекрасная техника, кто тебя обучал? — спросил он, играючи рассекая саблей воздух.

— Мой наставник — Риот.

— Из тебя получится отличный мечник. Передай ему, что он прекрасно справился со своей задачей, — слова похвалы сами собой сорвались с уст Шинна.

— Если мать Луна не спустилась с небес на землю, чтобы сотворить чудо, то передавать слова твоей благодарности уже некому.

— Ладно, продолжим, — разорвал натянутую тишину воин. Высказывать слова соболезнования он не видел нужды. Это был для него совершенно незнакомый человек и, учитывая, что шла война, убить его могли именно его соплеменники. — Прит, следи за моими движениями, сейчас я вновь буду парировать удары, которые наносятся сверху.

Учебный бой закипел с новой силой. Ввиду скуки и раннего времени все собравшиеся увлечённо следили за поединщиками. Но никто из них не заметил, что из глубины леса за ними наблюдала ещё одна пара глаз.

Глава 33. Конец пути

Радобор развел костёр. Огонь лениво хрустел хворостом, давая свет и тепло. Лотта закончила мастерить накидку для Адониса, и тот важно прохаживался в ней взад и вперёд. На фоне лохмотьев, в которые он был одет ранее, новая часть его гардероба выглядела словно дорогое убранство придворного вельможи. Уставшие за день дети, сбившись в кучу, задремали, пригревшись у костра в ожидании еды. Её запасы почти закончились, а дичи, которую ловил зверолод, едва хватало на всех. Старик говорил, что до пристанища Двух баронов города Жандаль осталось совсем немного: всего два-три дня пути, и каждый путник тешил себя мыслью о том, что скоро их скитания закончатся. С тех пор как Нил и его компаньоны потеряли лошадей и продолжили своё путешествие пешком, дни стали казаться короче. Ему, привыкшему к работе посыльного, прогулки на длинные расстояния были делом привычным, а вот всем остальным путникам такой способ передвижения давался с трудом, особенно детям. Радобор, несмотря на свой внешне преклонный вид, обладал завидной прыткостью, что вызывало восхищение Притта, который всю дорогу не замолкал, развлекая беженцев из Лорель своими многочисленными байками. Если раньше можно было лениво валяться на тюках, разбросанных по повозке, и коротать время, погрузившись в свои мысли, то сейчас приходилось с усилием отвоёвывать у дороги каждую тысячу шагов. Несколько дней прошли в монотонном путешествии, прерываемом на недолгие привалы с ежедневными уроками фехтования, во время которых Нилу приходилось тренироваться с Приттом и Шинном.

Балаганный мальчишка схватывал всё на лету, и вскоре его уровень владения саблей возрос. Он гораздо увереннее держал оружие, чем в тот день, когда Нилусу впервые пришлось скрестить с ним клинки в учебном бою. Завершались эти уроки поединками с Шинном, каждый раз восхищавшимся техникой боя бывшего посыльного. Нил и сам чувствовал себя гораздо увереннее и взрослее, события прошедших дней закалили его, сделав сильнее и опаснее. Идти вперёд и вести за собой людей, принимать правильные решения и чувствовать ответственность за других — такая жизнь пришлась по вкусу Нилу, и он не желал для себя другой участи. Быть мальчишкой на побегушках — удел юнцов, которые копируют образ жизни своих родителей. Крестьянин всегда остаётся со своим наделом, а лавочник теряется среди своего товара. Нил не хотел для себя такой участи. Ему иногда казалось, что беда, пришедшая на его земли, была не случайной. Каждый раз глядя перед сном в ночное небо, он смотрел на мать Луну и думал о своём будущем. Если бы не война, он бы сейчас продолжал бегать с поручениями от селения к селению и никогда бы не узнал, чего стоит на самом деле.

— О чём задумался? — старик заметил, что Нил долго смотрит на огонь практически не моргая.

— Не знаю, обо всём... О том, что было и что будет дальше, — Нилус перевёл взгляд на Радобора, сидевшего напротив и ворошившего длинной палкой костёр.

— И что надумал? Я помню, что ты говорил про своего родственника в Жандаль, значит вас должны пустить за стены, если он согласится дать вам приют.

— Да, — Нил только сейчас понял, что возможно больше никогда не увидит своих компаньонов, ставших для него родными, настоящей второй семьёй, и ему стало грустно. —

Попробую устроиться в городскую стражу Жандаль или наймусь в армию к кому-нибудь из высокородных.

— Та ли это жизнь, что тебе нужна?

— Не я выбираю, такова воля матери Луны. Я понял, что умею хорошо сражаться, а этот дар может дать надёжное будущее, — Нилус погладил рукой рукоять меча, ощутил рельеф противовеса в виде цветка клевера, и на душе сразу стало спокойно. Его оружие было рядом, а значит с ним и его сестрой не случится ничего плохого.

— Знаешь, я давно хотел тебе рассказать, но всё никак не выпадал случай, — старик закинул в рот пучок сушёной травы и начал её жевать, — там в горящем селении Рокканов, когда ты велел мне ждать тебя, а сам ушёл в дом, я места себе не находил: тебя не было слишком долго. Крыша строения уже запылилась, и я не знал, что мне делать: идти за тобой или уехать... Со мной были дети, и я боялся, что если с тобой что-то случилось и погибну я, то они...

— Я понял тебя, — остановил Нил своего собеседника, видя, как тяжело даются тому слова, — всем нам приходится делать выбор.

— В тот момент, когда внутри меня боролись эти два желания — умчаться прочь или войти внутрь, — я услышал зов. Тихий, мелодичный, он словно звучал в моей голове и был адресован мне... Он велел мне спешить к тебе...

— Я безгранично благодарен тебе за то, что ты спас мне тогда жизнь, но откуда появился этот зов? — Нил выглядел в высшей степени растерянно. В его голове бешеным водоворотом закрутились мысли, путаясь и сталкиваясь друг с другом.

— Я не знаю, — Радобор пожал плечами, — но я точно уверен, что ты не простой человек.

— Ты хочешь сказать, что я дитя Луны? — взволновано спросил Нил.

— Может да, а может и нет, — уклончиво ответил старик, — или в тебе просыпается сила Луны, или твой меч выкован из лунного камня.

Нилус выглядел ошарашено. Он и сам думал о подобных вещах, но старался не принимать их во внимание. Ему хотелось верить, что он — Нил, мальчишка из небольшого селения возле Лорель — особенный, но ему не хватало фактов для того, чтобы уверовать в это. Рассказ старика о голосе, позвавшем его в горящий дом в тот момент, когда Нилу нужна была помощь, стал основой для новых предположений.

— Но если твоё оружие действительно сделано из тела матери Луны, а ты являешься одним из её сыновей, то это очень плохо, — закончил свою мысль Радобор.

— Почему?

— Я слышал, что если сын Луны владеет оружием из лунного камня, то со временем оно сделает его безумцем. Такой человек будет одержим жаждой крови. Меч будет просить у тебя новых жертв, и однажды ты не сможешь остановиться, убивая всех на своём пути.

— Да нет же! Я не такой, я обычный человек, и я никогда не причиню зла невинным людям! — Нил был уверен в верности каждого произнесённого слова, и ему не хотелось думать о том, что Радобор может быть прав.

Притт плюхнулся рядом со стариком, а Шинн присел напротив. Их тренировка закончилась, и они протянули руки к огню в попытке их согреть. Ночи становились прохладнее, но на счастье путников осень ещё не начала проливать слёзы дождей.

— Я выучил отводящий удар, — похвастался Притт и тут же начал бахвалиться, — Завтра, Нил, тебе будет непросто меня одолеть во время нашей тренировки. Когда мы

добрёмся до Жандаль, я уже стану хорошим мечником!

— Не станешь, — одёрнул своего подопечного Шинн, — ты слишком много болтаешь.

— Что вы собираетесь делать, когда доберётесь до города? — неожиданно спросил старик, — я хороший мастер, и могу продать свои услуги в обмен на место в Жандаль, у Нила там есть родственник, а значит он сможет остаться за его стенами...

— У меня есть некоторые связи, — нехотя начал делиться планами Шинн, — я думаю податься в «Чёрные платки». Высокородные на западе и на востоке одинаковы — заносчивы, при этом сами не прощают нанесённые им обиды и всегда готовы раскошелиться во имя мести.

— Адонис, старина, а ты что будешь делать дальше? Пойдём с нами на службу к «Чёрным платкам»? Адонис? — Притт повертел головой, но зверолода не было рядом. Возможно, он почуял какое-нибудь животное и умчался на охоту.

В ночной тишине каждый начал думать о своих перспективах, будущее было туманным, но все, по свойственной людям привычке, надеялись на лучшее.

Когда колонна путников вышла к Жандаль, всех поразило величие этого города. Даже Шинн, видевший множество крепостей на западе, не скрывал своего удивления. Массивные стены и высокие башни, казалось, не произвели впечатления только на Радобора, которого вообще трудно было вывести из благочестивого спокойствия. Путники стояли на краю лесной дороги и смотрели на открывшийся перед ними пейзаж с главным его украшением — огромным городом. Лотта тихонько плакала, ей не верилось, что наконец-то они добрались до заветного места, в которое бежали от войны. Она не позволяла слезам стекать на землю, размазывая вместе с пылью на щеках. Грязные, уставшие и голодные люди заворуженно уставились на Жандаль.

— Вот это городище! — практически одновременно воскликнули мальчуганы.

— Жандаль большой, — подтвердил Притт, — мы были в нём с балаганом несколько раз, помнишь, Адонис?

Зверолод кивнул и, словно с усилием вытягивая из глубин своей памяти воспоминания, произнёс: «Дальше будет ещё много удивительных городов».

Постояв немного и вдоволь насладившись видом города, счастливые путники в приподнятом настроении отправились покорять оставшееся до Жандаль расстояние. Сразу же появилось второе дыхание, и ходьба давалась легче, беглецы почти добрались до своей цели, и это придавало сил. С каждым шагом лес отдалялся от группы путешественников, но их уменьшающиеся фигуры ещё долгое время оставались во внимании цепкого взгляда, хозяин которого прятался в тени развесистой ели.

Путь к городу прерывала река с двумя древними мостами. Они упирались в остров размером примерно тысяча на тысячу шагов. С боков его омывали два искусственно созданных широких канала, по которым вода поступала в ров вокруг города. Попасть за крепостную стену можно было только через ворота с подвесным мостом, который сейчас был поднят.

— Странно, в это время уже должны пускать в город, — заметил Радобор, рассматривая пёструю толпу, скопившуюся перед рекой. К мостам их не пускали солдаты, выстроившиеся в две шеренги. По обилию тюков, навесов и даже шатров было ясно, что большинство этих людей находится здесь не первый день. Похоже, что все они бежали от войны с земель,

располагавшихся западнее Жандаль.

— Ничего не понимаю, — старик рассматривал волнующуюся толпу, — ворота должны быть уже открыты. Неужели бароны решили никого не пускать в город?

Словно отвечая на его вопрос, один из солдат громко крикнул: «Ещё раз повторяю! Не нужно волноваться! Сохраняйте спокойствие! Их высочество барон Гюшон и их милость барон Ролье приказали не открывать ворота без их особых распоряжений!».

Это заявление возымело обратный эффект, ещё больше распалая толпу.

— Они хотят, чтобы мы сдохли здесь?! Сколько нам ещё ждать?! Я хороший плотник, я могу быть полезен в Жандаль!

Голоса летели со всех сторон, сливаясь в водопад звуков, из которых вырывались лишь отдельные фразы. Обычно крепостные ворота открывались утром, чтобы крестьяне из окрестностей могли привезти свой товар на рынок, продать его и вернуться домой до наступления темноты. Сейчас было уже за полдень, а город до сих пор оставался негостеприимным к своим визитёрам. Людское море медленно закипало. Один из мужчин вылетел из толпы словно его метнули из катапульты. Может быть это был жест отчаяния, вызванный длительным путешествием и нервным напряжением, а может быть его просто вытолкнули вперёд чьи-то руки. Не успевая затормозить, он врезался в солдата, стоявшего крайним с левой стороны шеренги. Он встретил человека своим щитом, отбрасывая того в сторону. Мужчина повалился на землю и покатился вниз по уклону в земле, промытому за долгие годы дождями. Толпа ахнула, и в этот момент неуклюжий человек плюхнулся в воду, разбрасывая в сторону миллиарды брызг. Последнее, что заметил Нил, — это испуганный взгляд, полный страха и растерянности. В следующий миг вода вокруг человека закипела и окрасилась кровью. Он успел крикнуть, но что-то, резко дёрнув, утянуло его под воду.

— Речные драконы... — по толпе прошёлся ропот, едва нарушавший резко возникшую тишину. Люди находились под впечатлением от произошедшего. Мало кому удавалось наблюдать трапезу речных монстров. Эти твари были меньше своих морских собратьев, но при этом оставались такими же смертоносными. Зрелище произвело на собравшихся успокоительный эффект, больше никто не повышал голоса, все стояли молча, изредка перешёптываясь и терпеливо ожидая, когда ворота в Жандаль будут открыты. Нилус уже собирался присесть, как на той стороне, заскрипев цепями, опустился подвесной мост. Навстречу собравшимся из города выехала процессия из пяти всадников. Впереди находился невысокий человек в бордовой одежде и тёмном плаще с меховым воротником, судя по его пижонским усам, он занимал в городе влиятельный пост. Отставая от них и сгибаясь от натуги, несколько человек несли два массивных стола.

— Слушайте все, меня зовут Тюри — я начальник городской стражи, — закричал представитель власти, остановив коня у самой кромки моста, оставаясь таким образом под защитой строя солдат, — учитывая сложившуюся ситуацию, с сегодняшнего дня мы закрываем свободный проход в город.

Толпа взорвалась в негодовании. Солдаты обнажили своё оружие, и это подействовало успокаивающе.

— К нам движется армия неприятеля, и чтобы Жандаль приютил вас, вы должны быть полезны городу. С сегодняшнего дня укрыться за стенами смогут только те, кто обладает навыками, которые могут пригодиться на службе нашим баронам — их высочеству Гюшону и их милости Ролье. Определять это будут придворные писари, только те, кто получит их разрешение, смогут пройти по мосту!

— А как поступать тем, кто не получит их разрешения? — выкрикнул кто-то.

— Кто его не получит, по мосту не пройдёт, но может попробовать добраться до города вплавь, — улыбнувшись своей шутке, Тюри развернул коня и отправился обратно в Жандаль, увозя с собой все надежды Нилуса на приют за крепостными стенами.

Конец первого тома.

Больше книг на сайте - Knigolub.net